Юрій Галичъ

ОСТРОВЪ ЖАСМИНОВЪ

Юрій Галичъ

Островъ Жасминовъ

РОМАНЪ

Изданіе М. Дидковскаго — Рига

Эта книга напечатана
въ типографіи „Vārds"
Рига, Плавучая ул. 24

Островъ Жасминовъ

ПРОЛОГЪ.

Необыкновенныя шанхайскія приключенія лейтенанта князя Ивана Язоновича Бектабекова изложены въ его романѣ — исповѣди «Китайскія Тѣни».

Въ нашемъ распоряженіи имѣется новая рукопись.

Князь не имѣлъ ввиду предавать ее гласности. Она была писана имъ безъ опредѣленнаго назначенія, въ минуты досуга, по привычкѣ переносить свои впечатлѣнія на бумагу.

Закончивъ рукопись, князь предполагалъ ее сжечь.

По его мнѣнію, интимная жизнь человѣка представляетъ интересъ лишь для ограниченнаго круга людей, съ тонкою интуиціей, съ широко развитымъ чувствомъ психологическаго анализа и, ни въ коемъ случаѣ, не можетъ быть достояніемъ массъ.

Однако, попытка уничтоженія рукописи была временно предотвращена. Князь согласился дать намъ дневникъ на прочтеніе, съ обязательствомъ вернуть по первому требованію.

Получивъ рукопись обратно, князь предалъ ее огню.

Такимъ образомъ, настоящая повѣсть никогда не стала бы достояніемъ общества, если-

бы, въ предвидѣніи возможности уничтоженія рукописи, мы не сняли съ нея своевременно копіи.

Въ настоящее время, эта копія размножена нами печатнымъ способомъ, въ нѣкоторомъ количествѣ экземпляровъ, какъ любопытный дневникъ достойнаго русскаго человѣка и какъ оригинальный документъ, свидѣтельствующій о бренности силъ человѣческихъ передъ неотвратимою волею Рока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Графъ Монтекристо», морское чудовище въ двадцать пять тысячъ регистровыхъ тоннъ, переноситъ меня въ Европу.

Могучій носъ плавно разсѣкаетъ волны Янтсе-Кіанга — Великой Голубой Рѣки, которая, зародившись въ таинственныхъ склонахъ Куэнь-Луня и, пробѣжавъ пять тысячъ миль по необъятной китайской равнинѣ, разливается при впаденіи, на подобіе настоящаго моря.

Это одинъ изъ самыхъ обширныхъ водныхъ бассейновъ въ мірѣ, передъ которымъ даже Волга кажется незначительнымъ ручейкомъ . . .

Шанхай уже позади.

Но желтый китайскій драконъ еще глядитъ на меня раскосыми загадочными глазами, еще протягиваетъ въ догонку когтистыя лапы, еще обдаетъ меня своимъ смраднымъ, ядовитымъ дыханіемъ...

Сегодня первое сентября.

Я помѣчаю этимъ числомъ свой дневникъ, который буду вести до Марселя, вплоть до того момента, когда тяжелый якорь, загремѣвъ по палубѣ, не оборветъ цѣпь моихъ скитаній и не прикуетъ къ французской землѣ.

Это будетъ тихая, вожделѣнная пристань.

„Ты помнишь: мачты сонныя, какъ въ пристаняхъ Лорэна,
Взносились изъ туманности рѣчной голубизны,
Къ эфирной осіянности, гдѣ лунная Сирена
Качала сребролонные, нѣмѣющіе сны? ..“

Я безконечно счастливъ порвать съ востокомъ, предать забвенію страницы шанхайскихъ дней и, рука объ руку съ Барбъ, начать новую жизнь...

Я лежу въ лонгіпезѣ и погружаюсь въ воспоминанія.

О, какой это невѣроятный клубокъ!.. Какой чудовищный, фантастическій, непостижимый узоръ!.. Черный и алый, бѣлый и золотой — всѣ краски и оттѣнки грандіозной палитры, перемѣшались здѣсь изумительнымъ образомъ!..

Все проходитъ передъ глазами, все мелькаетъ въ сознаніи, начиная съ того дня, когда я очутился впервые на мостовой Нанкинъ-Рода, кончая тѣмъ роковымъ часомъ, когда номеръ «Первоклассной русской гостиницы» на Бэбблингъ-Родѣ едва не сталъ свидѣтелемъ моего послѣдняго вздоха.

Точно тѣни китайскаго волшебнаго фонаря, одна, за другой, плывутъ столь хорошо знакомыя мнѣ фигуры.

Мадамъ Анго и ея семь очаровательныхъ дочерей — миссъ Модъ, двѣ сестры — Долли и Полли, Карменъ, Лія, Этель и бѣдная Алочка Королькова... Сердце терзается жалостью, и воспоминаніе о судьбѣ русской дѣвушки-бѣженки наполняетъ меня неизъяснимою горечью... Будь проклятъ режимъ, осудившій насъ на изгнаніе, уничтожившій тысячи свѣжихъ, чистыхъ, благоуханныхъ цвѣтовъ!..

На смѣну скользятъ новыя тѣни, красныя тѣни, вынесенныя на хребетъ революціонной волны... Редакторъ Семенъ Семеновичъ и глав-

бухъ Давидъ Абрамовичъ Соловейчикъ, гнусный цареубійца Малашкинъ—краса и гордость режима, упокоенный моею рукой на днѣ Вангъ-Пу... Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ!.. Укоровъ совѣсти я не испытываю... Да свершится предопредѣленное Рокомъ!..

А вотъ, полковникъ Ростиславъ Лебединцевъ — бѣдный Іорикъ, рыцарь Печальнаго Образа, не выдержавшій тяжкаго искуса и павшій подъ молотомъ жизни... Мнѣ-ли поминать тебя несправедливымъ упрекомъ?.. Мнѣ-ли отягощать твою душу незаслуженнымъ обвиненіемъ?..

Наконецъ, этотъ странный старикъ, мосье Этьенъ Шабо, извлекшій меня изъ петли, въ которой я задыхался, для того, чтобы кинуть снова въ объятія Смерти...

Но мимо все это, мимо.

— Прощай, Китай!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Погода великолѣпна.

Тропическое солнце пылаетъ надъ самою головой. Его зной умѣряется бризомъ и ходомъ нашего корабля. Со всѣхъ сторонъ раскинулся безграничный просторъ Китайскаго моря, переливающагося жемчужною рябью, сверкающаго яркими полуденными огнями, на подобіе гигантской чаши, изъ червоннаго золота и сапфировъ...

Барбъ чувствуетъ себя превосходно.

Окруженная моими ласками и вниманіемъ пассажировъ, она проводитъ на палубѣ цѣлые дни. Все развлекаетъ ее и забавляетъ. Взоры мужчинъ останавливаются на ней съ восхищеніемъ.

Капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль, бѣлокурый гигантъ, съ громовой глоткой и алыми, какъ помидоръ, щеками, избороздившій весь земной шаръ морской волкъ, знатокъ вина и женщинъ различныхъ національностей, относится къ Барбъ съ покровительственной симпатіей.

Его помощники, въ особенности, второй лейтенантъ — мосье Оливье, ухаживаютъ за Барбъ съ свѣтскою галантностью парижанъ. Впрочемъ, всѣ пассажиры, молодые и старые, колоніальные офицеры и коммерсанты изъ Сайгона и Пондишери, праздные англійскіе туристы и свиные короли изъ Чикаго, всѣ безъ

исключенія, расточаютъ Барбѣ знаки поклоненія и восторга.

Только однѣ дамы лорнируютъ ее съ чувствомъ плохо скрываемой зависти.

Барбъ дурачится, какъ ребенокъ. Отстраняя домогательства слишкомъ пылкихъ поклонниковъ, Барбъ не лишаетъ себя прелестей безобиднаго флирта. Съ шаловливой улыбкой выслушиваетъ признанія, кидаетъ остроумныя реплики, ссоритъ соперниковъ между собой.

Я не ставлю препятствій этой игрѣ.

Чувства ревности я не испытываю. Я проникаюсь горделивымъ сознаніемъ, что моя невѣста является средоточіемъ помысловъ всѣхъ этихъ людей, готовыхъ кинуть къ ея ногамъ богатство, славу, можетъ быть, честь.

Но лишь я одинъ обладаю этой молодой и прекрасной, какъ божество, женщиной, избравшей меня, изъ тысячи многихъ, своимъ спутникомъ на всю жизнь...

Я не мѣшаю Барбъ веселиться и провожу досуги инымъ образомъ.

Прежде всего, веду свой дневникъ.

Нѣсколько часовъ въ день посвящаю спорту. Къ моимъ услугамъ обширный бассейнъ для плаванія, площадка для игры въ лаунъ-теннисъ, наконецъ—татерсаль, позволяющій дѣлать не только репризы широкою англійской рысью, но даже перемѣну ногъ на галопѣ.

Дважды въ день, по приглашенію капитана Дюмона, я захожу въ его каюту, въ которой мы куримъ сигары и ведемъ дружескую бесѣду за стаканомъ коктайля — одного изъ самыхъ невинныхъ средствъ, дающихъ возможность, безъ риска, заглянуть, на короткое мгновеніе, въ Безконечность...

Пароходъ оборудованъ по послѣднему слову комфорта.

Это настоящій плавучій дворецъ, заставляющій забывать, что фундаментомъ является не гранитъ, а по меньшей мѣрѣ четыре версты зыбкаго водяного пространства.

Роскошныя залы, залитыя электрическимъ свѣтомъ, табль-дотъ класса «экстра», въ которомъ богатство отдѣлки соперничаетъ съ тонкостями французской кухни, гостиныя въ стилѣ модернъ и дамскіе будуары въ стилѣ барокко, залы для симфоническихъ концертовъ и танцевъ, бильярдная комната, курительная, читальная, наконецъ, уютный клубъ для любителей игры въ поккеръ и «трантъ э карантъ» — все это услужливо предоставляетъ своимъ кліентамъ пароходное общество «Мессажери Маритимъ», въ обмѣнъ на извѣстное количество банковскихъ чековъ или полноцѣнной валюты...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вопросъ о предстоящемъ брачномъ союзѣ вызвалъ у меня съ Барбъ рядъ продолжительныхъ обсужденій.

День свадьбы отложенъ по многимъ соображеніямъ. Во первыхъ, еще не прошелъ срокъ установленнаго траура со дня кончины мосье Шабо. Какъ религіозная женщина и вѣрная дочь католической церкви, Барбъ считала священной обязанностью отдать усопшему послѣдній долгъ.

Во вторыхъ, въ ходѣ моей болѣзни произошелъ неожиданный рецидивъ, въ сторону ухудшенія. Онъ не представлялъ серьезной опасности. Но въ теченіе болѣе нежели мѣсяца я испытывалъ ослабленіе сердечной дѣятельности и долженъ былъ пользоваться абсолютнымъ покоемъ.

Наконецъ, съ кончиной патрона, Барбъ дѣлалась наслѣдницей всего состоянія. Она становилась во главѣ фирмы, въ качествѣ главнаго директора-распорядителя. Все это предстояло оформить и закрѣпить.

Этотъ процессуальный вопросъ требовалъ времени. Изъ побужденій деликатнаго свойства, а главнымъ образомъ, по причинѣ болѣзни, я не принималъ въ немъ никакого участія. Юрисконсультъ фирмы и Барбъ вели его не-

посредственно сами. Я же, то лежа въ креслѣ въ своемъ кабинетѣ, то сидя въ саду виллы, всецѣло былъ поглощенъ планами предстоявшаго путешествія...

Итакъ, мѣсяцъ тому назадъ, я покинулъ больницу святого Франциска Ассизскаго. Моя карта не оказалась битой. Исключительная крѣпость натуры, въ связи съ обстоятельствами, которыя могутъ быть названы только чудомъ, воскресили меня изъ мертвыхъ.

Но я воскресъ и въ духовномъ смыслѣ.

Я хочу этимъ сказать, что всѣ сомнѣнія, убійственныя предположенія, невыразимыя душевныя муки, приведшія меня къ трагическому рѣшенію, въ настоящее время не существуютъ. Это былъ лишь кошмарный сонъ, который разсѣялся и исчезъ, одновременно съ моимъ выздоровленіемъ.

Между мною и Барбъ установился родъ молчаливаго соглашенія. Все то, что въ той или иной степени способно растравить сердечныя раны, вычеркнуто твердой рукой. Я щажу самолюбіе Барбъ. Ни одного слова упрека не срывается съ моихъ устъ. Барбъ отвѣчаетъ мнѣ тѣмъ же.

Ей извѣстно, что въ роковой день двадцать пятаго іюня, между мной и мосье Этьеномъ Шабо произошелъ разговоръ, послѣ котораго патронъ былъ найденъ въ своемъ кабинетѣ скончавшимся отъ разрыва сердца, а я—съ огнестрѣльной раной въ груди, въ номерѣ «Первоклассной русской гостиницы», на Бэбблингъ-Родѣ.

Вотъ и все. Остальное остается въ области предположеній. Эти предположенія, несомнѣнно, волнуютъ Барбъ. Она пытается разобраться въ комбинаціи фактовъ, столь тѣсно связанныхъ между собой, открыть ихъ при-

чинную связь, установить логическое обоснованіе.

Но отвѣта она не находитъ...

Если говорить откровенно, я, въ свою очередь, такъ же не получаю отвѣта на терзающій меня порою вопросъ. Между нами стоитъ эта тайна. Иногда она даетъ себя чувствовать и отъ нее не уйти. Рано или поздно, она будетъ, конечно, вскрыта.

Но сейчасъ, я не въ силахъ пойти на это рѣшеніе и предпочитаю отмахиваться отъ всѣхъ догадокъ. Я убѣжденъ, что впослѣдствіе, безъ всякихъ усилій съ моей стороны, Барбъ пріоткроетъ завѣсу и тайное станетъ явнымъ. А время притупитъ углы, разбавитъ горечь воспоминаній, окутаетъ дымкой минувшаго эту загадку...

Обсуждая вопросъ о предстоящемъ бракѣ, мы строили разнообразные планы, предаваясь самой оригинальной фантастикѣ.

Я предлагалъ освятить нашъ союзъ въ условіяхъ исключительнаго характера — гдѣ нибудь на Цейлонѣ, въ Индіи или на Явѣ, среди блеска природы, въ волшебномъ мірѣ экзотики. Я даже выработалъ свой собственный ритуалъ, позаимствованный отчасти изъ буддизма «Великой Колесницы» и вѣроученій перуіанскихъ инковъ.

Барбъ находила мой планъ забавнымъ и смѣялась отъ всей души. Съ своей стороны, Барбъ предлагала увѣковѣчить это торжественное событіе въ какомъ нибудь историческомъ храмѣ—въ Notre Dame de Paris или въ римскомъ соборѣ святого Петра. Я одобрялъ эту мысль, и внутренно улыбался, усматривая въ ней невинную женскую хитрость, связанную не столько съ пышностью свадебной мессы, сколько съ возможностью блеснуть подвѣ-

нечнымъ нарядомъ послѣдней парижской модели.

Такъ или иначе, мы пришли къ заключенію совершить поѣздку въ Европу. Придя къ этому заключенію, разработали планъ до мельчайшихъ деталей, установивъ подробный маршрутъ, намѣтивъ на картѣ всѣ тѣ города, которые, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, представляли для насъ интересъ.

Поѣздка разсчитана на неопредѣленный срокъ. Можетъ быть, на полгода, можетъ быть, на годъ, наконецъ, не исключалась возможность надолго поселиться въ Парижѣ.

На мое имя переведено въ Ліонскій Кредитъ двадцать тысячъ англійскихъ фунтовъ. Сумма вполнѣ достаточная для того, чтобы совершить путешествіе въ условіяхъ полнаго комфорта.

Перваго сентября мы сѣли на пароходъ.

Мы совершаемъ поѣздку втроемъ. Насъ сопровождаетъ Медоръ. Это прихоть моей невѣсты, питающей къ догу нѣжныя чувства.

Онъ свидѣтель тѣхъ дней, когда зацвѣла впервые наша любовь...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Я не буду останавливаться ни на красотахъ морской прогулки, ни на очарованіи тѣхъ странъ, которыя яркимъ экзотическимъ калейдоскопомъ блеснули на нашемъ пути.

Все это, болѣе или менѣе, извѣстно.

Уже далеко позади остался Гонгъ-Конгъ... Промелькнулъ знойный и пряный, усѣвшійся почти на самомъ экваторѣ, Сингапуръ... Узенькія ворота Малаккскаго пролива, отдѣляющія желтый міръ отъ міра арійскаго, распахнулись передъ ширью Индійскаго океана...

Сегодня — десятое сентября.

День прошелъ быстро и незамѣтно.

Только что закончился второй обѣдъ.

Я вышелъ на палубу, помѣстился съ удобствомъ въ лонгшезѣ и погрузился въ размышленія. Капитанскій коктайль, три рюмки виски и нѣкоторое количество шампанскаго настраивали мысли на неопредѣленный ладъ. Чувствовалось легкое утомленіе и сонливость...

Пылалъ закатъ.

Все небо было въ огнѣ, въ оранжевыхъ, пурпурныхъ, фіолетовыхъ краскахъ. Причудливая игра облаковъ создавала изумительныя картины, не имѣющія равныхъ по своей фантастичности.

Изъ хаоса неожиданно выростали гигантскія горныя цѣпи, голубые хребты съ глетчерами и зіяющими провалами, съ снѣговыми вершинами, на подобіе Чимборазо или Гауризанкара.

Горныя цѣпи смѣнялись синимъ ковшомъ волшебнаго озера, на которомъ, какъ распустившійся цвѣтокъ «Victoria regia», сверкалъ маленькій таинственный островокъ.

Изъ озера выплывали мавританскія башни, зубчатыя стѣны рыцарскихъ замковъ, индійскія пагоды, купола византійскихъ храмовъ, стрѣльчатые минареты мечетей. Очертанія мѣнялись ежеминутно и взоръ не успѣвалъ насытиться плѣнительной фатаморганой, сотканной изъ этого необычайнаго воздушнаго кружева.

Солнце, точно золотой апельсинъ, склонялось все ниже и, вотъ-вотъ, уже касалось воды, чтобы утонуть въ ней на нѣсколько короткихъ часовъ.

А за кормой, глядѣвшею на востокъ, темная линія горизонта сливалась съ лиловыми, низко нависшими тучами, въ которыхъ, время отъ времени, вспыхивали зарницы...

Я думалъ о будущемъ и оно рисовалось мнѣ въ такомъ же радужномъ свѣтѣ... Впереди меня ожидаетъ бракъ, обезпеченное существованіе, счастливая жизнь съ любимой женщиной... Какъ далеко это отъ тѣхъ черныхъ дней, которые я влачилъ какихъ-нибудь полгода тому назадъ!.. Счастье, какъ птица, которую нужно сумѣть изловить!...

Размышленія мои прерываются.

Передо мной стоитъ монсиньоръ Бенвенуто Бонавентини, бывшій настоятель францисканскаго монастыря въ Сайгонѣ, вызванный въ Ватиканъ Святѣйшимъ Престоломъ.

Монсиньоръ Бенвенуто — лицо замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, это уважаемый пастырь, проведшій рядъ долгихъ лѣтъ на Востокѣ, въ неусыпныхъ трудахъ по насажденію въ темныхъ языческихъ массахъ чистыхъ завѣтовъ Христа. Во вторыхъ, это человѣкъ большой эрудиціи, просвѣщенный мыслитель, философъ съ оттѣнкомъ легкаго скептицизма.

Монсиньоръ Бенвенуто не лишенъ свѣтскаго лоска и служеніе алтарю соединяетъ съ тѣми скромными развлеченіями, которыя разнообразятъ пароходную жизнь. Монсиньоръ Бенвенуто не избѣгаетъ и дамскаго общества. Ибо, хотя и взираетъ на женщинъ, какъ на источникъ зла, причину первороднаго человѣческаго грѣха и другихъ бѣдствій, тѣмъ не менѣе отдаетъ должное ихъ увлекающимъ прелестямъ.

Какъ собесѣдникъ, поражаетъ гибкостью, изощренностью, острою игрою ума. Монсиньоръ Бенвенуто является, между прочимъ, сильнымъ шахматнымъ игрокомъ, что далъ мнѣ почувствовать съ первой же проигранной ему партіи.

Наконецъ, сидя въ капитанской каютѣ, въ небольшой компаніи избранныхъ, монсиньоръ Бенвенуто отнюдь не взираетъ даже на игру въ поккеръ, какъ на нѣчто, несоотвѣтствующее его сану, и открываетъ четырехъ королей съ милой улыбкой. Капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль, мистеръ Рональдъ Смитъ изъ Филадельфіи и я, являемся обычными, въ этихъ случаяхъ, партнерами.

Чувства самой живой симпатіи вызываетъ во мнѣ этотъ высокій, худощавый старикъ, съ лицомъ Лойолы, съ духовной природой Вольтера и Монтескье...

Монсиньоръ Бенвенуто, перебирая четки, склоняется къ моей головѣ. На очереди — язвительный парадоксъ, афоризмъ или цитата изъ латинскаго текста, можетъ быть, соотвѣтствующій обстановкѣ, гекзаметръ Горація:

„Quae cura patrum, quaeve Quiritium,
Aeternet in aevum tuas virtutes?..“

«Какая забота отцовъ или забота Квиритовъ увѣковѣчила бы навѣкъ твои добродѣтели?..»

Но нѣтъ...

На этотъ разъ, съ таинственнымъ видомъ заговорщика оглянувшись по сторонамъ, монсиньоръ Бенвенуто обращается съ фразой:

— Сынъ мой!.. Вы заставляете себя ожидать!.. Капитанъ Дюмонъ и достоуважаемый мистеръ Смитъ уже въ каютѣ!.. Очередь за вами, да хранитъ васъ Святая Дѣва Марія!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Послѣдніе три дня, проведенные за игрой, были для меня крайне удачны. Я отыгралъ весь предшествующій проигрышъ и заставилъ партнеровъ признать во мнѣ игрока, обласканнаго исключительнымъ счастьемъ. Въ самомъ дѣлѣ, карта мнѣ шла удивительнымъ образомъ. Я даже сталъ испытывать нѣкоторое смущеніе, въ особенности передъ капитаномъ Дюмономъ, котораго обыгралъ на сумму свыше ста англійскихъ фунтовъ.

Я приподнялся съ лонгшеза, готовый послѣдовать приглашенію, но въ эту минуту монсиньоръ прошепталъ:

— Тсссъ!.. Къ намъ направляется ваша очаровательная невѣста, миссъ Барбъ!.. Я покидаю васъ, сынъ мой!. Смотрите же, не задерживайтесь!..

Я оглянулся.

Окруженная группой поклонниковъ, навстрѣчу шла Барбъ. Бѣлое платье обтягивало ея тоненькую фигурку. Короткая спортивная юбка обнажала стройныя ноги. Глаза сверкали счастливымъ, лукавымъ огнемъ. Вся она напоминала, въ дѣйствительности, юную дѣвушку, въ избыткѣ майской свѣжести и задора.

— Миссъ Барбъ! — подумалъ я и улыбнулся. — Это ей очень идетъ... Великолѣпно!.. Но развѣ положеніе молодой вдовушки явля-

ется менѣе интереснымъ?.. Зачѣмъ этотъ таинственный маскарадъ?.. О, женщины, женщины!.. Кто разгадаетъ причуды, которыя приходятъ въ ваши легкомысленныя головки?..

Барбъ увидѣла меня и замахала рукой:

— Жанъ! — закричала она. — Il faut que je vous demande pardon!.. Но меня не пускаютъ, рѣшительно не пускаютъ!.. Ты не будешь въ претензіи, если мы сыграемъ еще одну партію au palet?.. Это, въ самомъ дѣлѣ, забавно!..

Кто не знаетъ, что такое «palet», я объясню нѣсколькими словами.

Palet — обычная палубная игра, одно изъ тѣхъ развлеченій, которое позволяетъ коротать время отъ перваго брекфаста до второго обѣда и отъ обѣда до вечерняго чая. На палубѣ чертится четыреугольникъ, разграфленный на маленькіе занумерованные квадратики. Въ эти квадратики, съ разстоянія нѣсколькихъ шаговъ, бросаются свинцовыя плитки, въ формѣ диска. Наибольшая сумма квадратиковъ даетъ выигрышъ.

Вотъ и все...

Барбъ остановилась и смотрѣла на меня съ капризной улыбкой.

— Voluntas regis—suprema lex!—торжественнымъ тономъ произнесъ монсиньоръ Бенвенуто и, почтителъно склонивъ голову, приложилъ правую руку къ груди. — Pauvre prince!.. Но, мадемуазель, предоставьте его обществу добрыхъ друзей... Мы разсѣемъ его одиночество!..

Барбъ захлопала въ ладоши и разсмѣялась:

— Съ удовольствіемъ, монсиньоръ Бенвенуто!.. О, съ вами онъ не соскучится!..

Бросивъ мнѣ на колѣни желтый французскій томикъ, Барбъ кивнула головкой и скрылась съ толпой окружавшихъ ее кавалеровъ.

— Смотрите же, князь, не задерживайтесь... Мы будемъ васъ ожидать! — повторилъ монсиньоръ Бенвенуто и, въ свою очередь, медленными шагами, съ достоинствомъ раскланиваясь по дорогѣ съ знакомыми пассажирами, пошелъ по направленію къ капитанской каютѣ...

Я раскрылъ томикъ.

Разсѣяннымъ взглядомъ скользнулъ по наудачу выхваченной страничкѣ, потомъ заглянулъ въ самый конецъ, пробѣжалъ начало и, мало по малу, заинтригованный любопытнымъ сюжетомъ, сталъ перелистывать одну главу за другой.

Это была «Герцогиня Ланже», несравненная повѣсть Бальзака, по моему мнѣнію, одно изъ наиболѣе сильныхъ его произведеній:

«Въ Парижѣ, даже въ самомъ высшемъ обществѣ, женщина всегда остается женщиной. Она живетъ фиміамомъ, лестью и поклоненіемъ. Несомнѣнная красота ничего не значитъ, если ею не любуются. Только любовникъ и похвалы доказываютъ ея могущество...»

«Оружіе, къ которому принадлежалъ Арманъ де Монриво, представляло мало шансовъ для повышенія. Во первыхъ, число офицеровъ было тамъ ограниченнѣе, чѣмъ въ другихъ корпусахъ арміи, а во вторыхъ, республиканскій образъ мыслей, господствовавшій въ артиллеріи, и страхъ, внушаемый императору собраніемъ ученыхъ людей, привыкшихъ къ размышленію, мѣшали ихъ военной карьерѣ. Артиллерія составляла отдѣльный корпусъ и принадлежала Наполеону только на полѣ битвы...»

«Ну, вотъ! — сказалъ Ронкероль, когда Монриво появился на палубѣ.—Это была женщина, а теперь это ничто. Привяжемъ по гирѣ

къ ея ногамъ, бросимъ въ море, и затѣмъ ты можешь вспоминать о ней, какъ о книгѣ, прочитанной въ дѣтствѣ.

«Да!—сказалъ Монриво.—Тѣмъ болѣе, что теперь это только—поэма!..»

На минуту я оторвался отъ книжки и задумался надъ очаровательной героиней.

Потомъ, зѣвнулъ, закрылъ глаза, лѣниво потянулся въ лонгшезѣ...

Желтый томикъ фаярдовскаго изданія выскользнулъ изъ моихъ рукъ...

И когда я снова открылъ глаза, передо мною стоялъ не страшный генералъ Монриво и не прелестная Антуанетта де Наваррэнъ, а статскій, совершенно незнакомый мнѣ человѣкъ, въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Это былъ человѣкъ средняго возраста, среднихъ размѣровъ, съ нѣкоторой наклонностью къ полнотѣ, но съ достаточно бойкими, увѣренными движеніями. На маленькомъ носу сидѣли золотые очки. Въ рукахъ онъ держалъ туго набитый портфель. На коротко стриженой головѣ была полосатая дорожная кепка.

— Князь Бектабековъ! — произнесъ онъ по русски, обиженно выпятивъ бритыя губы. — Вы, кажется, не хотите меня узнавать?.. А между тѣмъ, мы съ вами знакомы...

Я продолжалъ сидѣть въ недоумѣніи.

— Я наблюдаю за вами уже недѣлю, со времени выѣзда изъ Шанхая... Я вижу васъ въ музыкальномъ залѣ, въ курительной комнатѣ, за табль-дотомъ или вотъ, какъ сейчасъ, наслаждающимся послѣобѣденнымъ отдыхомъ... Иногда вы находитесь въ обществѣ очаровательной молодой женщины, какъ утверждаютъ, вашей невѣсты... Поздравляю искреннимъ образомъ!.. О, кто не испыталъ радостей чистой любви?

Незнакомецъ вздохнулъ, сунулъ портфель подъ мышку и, молитвенно соединивъ руки, взглянулъ на верхушку мачты.

— Насколько я могъ замѣтить, ваше матеріальное положеніе значительно измѣнилось

къ лучшему! — продолжалъ онъ дальнѣйшую рѣчь. — Это меня такъ же искренно радуетъ... Вы были мнѣ всегда симпатичны!.. Маленькія недоразумѣнія не въ счетъ... Съ кѣмъ этого не случается, хе-хе-хе-хе?..

Незнакомецъ улыбнулся и потрепалъ меня по плечу.

— Но вы меня все-таки не хотите узнать?.. Рѣшительно не желаете? — произнесъ онъ лукавымъ тономъ. — Въ такомъ случаѣ, я долженъ представиться... Семенъ Семеновичъ Семешко!.. Это имя, надѣюсь, кое-что вамъ говоритъ?

Я вскочилъ съ кресла.

Семенъ Семеновичъ?..

Редакторъ «Новой Шанхайской Жизни»?..

Не можетъ быть!..

Я пристально взглянулъ на незнакомца въ сѣромъ штатскомъ костюмѣ, пытаясь возстановить въ памяти старый образъ. Дѣйствительно, тѣ же лукавыя глазныя щелки, тотъ же круглый овалъ лица и даже бородавка на правой ноздрѣ... Но ни усовъ, ни прежней рыжеватой бородки... Это измѣнило наружность до неузнаваемости...

— Семенъ Семеновичъ!—воскликнулъ я.— Въ самомъ дѣлѣ!.. Простите!.. Но какимъ образомъ?..

Семенъ Семеновичъ засмѣялся:

— Хе-хе-хе-хе!.. Судьба играетъ человѣкомъ! — произнесъ онъ, подмигнувъ правымъ глазомъ. — Вотъ и встрѣтились съ вами, ваше сіятельство... Признайтесь, не ожидали?.. Довольны?.. Или, можетъ быть, разочарованы?.. Что до меня, привѣтствую васъ искреннѣйшимъ манеромъ... Пріятно видѣть хорошаго русскаго человѣка, понеже стараго друга...

Протянувъ руку, Семенъ Семеновичъ, съ чувствомъ, пожалъ мою, отложилъ портфель въ сторону и расположился въ сосѣднемъ креслѣ.

Я продолжалъ находиться въ недоумѣніи.

Не скажу, чтобы эта встрѣча меня обрадовала. Рой нахлынувшихъ воспоминаній, въ мгновенье ока, перенесъ меня къ прошлому, которое я желалъ забыть навсегда. Однако, чтобы не быть обвиненнымъ въ недостаткѣ благовоспитанности, я пробормоталъ нѣсколько фразъ:

— Семенъ Семеновичъ, я очень радъ!.. Какая встрѣча!.. Признаюсь, никогда бы васъ не узналъ!..

— Хе-хе-хе-хе! — засмѣялся снова Семенъ Семеновичъ и привычнымъ жестомъ поскоблилъ бородавку. — Я и самъ иной разъ гляжу на себя въ зеркало и не узнаю... Ты-ли это, Семенъ Семеновичъ, или не ты?.. Нѣтъ, это не ты! Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ!..

Семенъ Семеновичъ вздохнулъ:

— Да, многое, многое перемѣнилось!.. Не только ликъ, можно сказать, духовное существо человѣческое... Да какъ?.. На сто восемьдесятъ градусовъ оборота!.. Ибо исчезли, яко дымъ, дни мои, и кости мои обожжены яко головня... И произошло это съ тѣхъ самыхъ поръ... эээ... Ну, какъ бы это сказать? Къ какому факту отнести столь чудесное перевоплощеніе?.. Ну, съ тѣхъ поръ, скажемъ просто, съ тѣхъ поръ, какъ вы избавили насъ отъ Малашкина...

Семенъ Семеновичъ пытливо посмотрѣлъ на меня. Легкая, чуть замѣтная усмѣшка, пробѣжала по его лицу.

— Что вы хотите этимъ сказать?.. Не понимаю?

Семенъ Семеновичъ улыбнулся и его круглый животъ заколыхался отъ смѣха:

— Хе-хе-хе-хе!.. Бросьте князь!.. Давайте-ка, лучше, какъ старые друзья, поговоримъ откровенно!.. Тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно съ вами серьезно потолковать!.. Вы меня понимаете?

Семенъ Семеновичъ вынулъ толстый кожаный портсигаръ, извлекъ папиросу, чиркнулъ спичкой и закурилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Семенъ Семеновичъ затянулся и, на мгновенье, исчезъ въ облакѣ дыма: — Ну-съ, вотъ въ чемъ дѣло!— произнесъ онъ, принявъ сосредоточенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то таинственный видъ. — Вначалѣ, впрочемъ, маленькая объяснительная записка...

Происшествіе съ джонкой и товарищемъ Малашкинымъ, въ коемъ, милый князь, вы сыграли главную, такъ сказать, бенефисную роль, было вскорѣ раскрыто... Какъ?.. Очень просто... Китаецъ-лодочникъ передалъ все... Все передалъ, негодяй, безъ изъятія!.. И вашъ виртуозный фейерверкъ, по отношенію къ джонкѣ съ хлопкомъ и газетными матеріалами, и вашъ поединокъ на зыбкомъ лонѣ рѣки, жертвою коей сталъ гнусный чекистъ...

— Ясно, что это произвело въ кругахъ необычайное впечатлѣніе... Весь планъ потерпѣлъ крушеніе!.. Въ самую нужную минуту, куоминтангъ лишился поддержки... Этотъ ударъ, во многихъ отношеніяхъ, способствовалъ рѣзкому повороту вещей... Вы сыграли, можетъ быть, сами того не подозрѣвая, крупную роль... Это равносильно, по меньшей мѣрѣ, выигранному сраженію... Лейпцигу!.. Феръ-Шампенуазу!.. Я бы сказалъ — Ватерло!.. Такъ или иначе,

пришлось все начинать съизнова... Время упущено... А упущеніе времени, выражаясь словами великаго Преобразователя, какъ извѣстно — «смерти безвозвратной подобно...»

Семенъ Семеновичъ затянулся и продолжалъ:

— Боже мой, что тутъ было!.. Изъ центра слетѣлись партійные лидеры, отвѣтственные работники, представители военсекціи, политкомы и политруки, отдѣленіе ГПУ!.. Милый князь, вы поступили благоразумно, покинувъ Шанхай... Вы рисковали своей жизнью... Вы могли стать жертвою политической мести... Такъ насолить, какъ вы, никому еще не удавалось!..

Семенъ Семеновичъ на минуту остановился:

— Да, было дѣло!.. Но и меня не погладили по головкѣ... Вашъ геройскій поступокъ однимъ концомъ ударилъ по краснымъ товарищамъ, другимъ по мнѣ... Но, милый князь, оставьте всѣ извиненія... Не принимаю!.. Видитъ Создатель, я не въ претензіи!.. Скажу больше, персонально давно порывался отойти отъ зла, порвать съ партіей и газетой... Въ глубинѣ же души, рукоплескалъ вашему подвигу... Чудно!. Блестяще!... Великолѣпно во всѣхъ отношеніяхъ!.. Примите личную благодарность отъ русскаго патріота!..

Семенъ Семеновичъ привсталъ съ кресла и отвѣсилъ поклонъ.

— Итакъ, я пострадалъ! —произнесъ Семенъ Семеновичъ, снова занявъ мѣсто въ лонгшезѣ и придавъ лицу скорбное выраженіе.—Пострадалъ жестоко и, можетъ быть, незаслуженно!.. Короче сказать, за данную вамъ, въ свое вре-

мя, рекомендацію, меня такъ же пришили къ этому дѣлу... Въ результатѣ — лишеніе партійнаго билета и потеря хорошо оплачиваемой должности... Такъ-то-съ, ваше сіятельство!

Семенъ Семеновичъ, на мгновенье, задумался.

Лицо его просвѣтлѣло и приняло неожиданно новое выраженіе. Затянувшись и выпустивъ клубъ душистаго дыма, онъ поскоблилъ бородавку и продолжалъ:

— Впрочемъ, все дѣлается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ міровъ... И возвратися вѣтръ на круги своя!.. Я очень радъ снова вернуться въ лоно русскаго націонализма... Вспомните, кстати, князь, псаломъ первый Давидовъ... «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»... Интернаціоналъ гибнетъ!.. Это послѣднія судороги!.. Предсмертная, если можно такъ выразиться, агонія!.. Дѣло проиграно по всѣмъ пунктамъ и чѣмъ скорѣе отмежеваться отъ его участниковъ, тѣмъ лучше!..

— Да и какой же я коммунистъ? — воскликнулъ со смѣхомъ Семенъ Семеновичъ, хлопнувъ меня по колѣну. — Липовый, батенька, липовый!.. Редиска, хе-хе-хе-хе!.. Вы только подумайте?.. Дѣйствительный статскій совѣтникъ!.. Вице-директоръ департамента полиціи и товарищъ предсѣдателя союза Михаила Архангела!.. Вотъ какъ, если желаете знать!.. Вовлекли, прохвосты, разбойники окаянные!.. Ввергли во искушеніе, дьяволы слѣпорожденные!.. Видитъ Богъ, вовлекли!..

— Реакція торжествуетъ! — произнесъ черезъ минуту Семенъ Семеновичъ наставительнымъ тономъ. — Капитализмъ на пути къ пол-

ной стабилизаціи... Надеждъ на міровую революцію никакихъ!.. Китай — была послѣдняя ставка и ставка эта бита рѣшительнымъ образомъ!

Семенъ Семеновичъ остановился, досталъ фуляръ и вытеръ имъ лобъ: — Ффу-ты, экое пекло! — выдавилъ онъ со вздохомъ. — Печетъ, словно въ гееннѣ огненной!.. Я полагаю, за всѣ сорокъ перевалило!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Семенъ Семеновичъ закурилъ свѣжую папиросу и продолжалъ свою рѣчь:

— Теперь, дорогой князь, переходимъ къ главной темѣ нашей бесѣды.,. Предупреждаю, она будетъ носить строго конфиденціальный характеръ... Вы меня понимаете?.. Кон-фи-ден-ціа-льный...

Семенъ Семеновичъ выпустилъ густой клубъ дыма и началъ:

— Крупная политическая организація, членомъ коей я состою въ настоящее время, ведетъ большую игру... Сроки уже наступили!.. Настроеніе массъ выявлено!.. Иностранная поддержка обезпечена въ полной мѣрѣ!..

— Я буду вполнѣ откровененъ и изложу вамъ весь планъ... Итакъ, по соглашенію съ маршаломъ Чангъ-Со-Линомъ, территорія провинціи Хойнанъ передается намъ во временное пользованіе, на арендныхъ началахъ, срокомъ на девяносто девять лѣтъ... Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи имѣется свыше ста тысячъ квадратныхъ миль превосходной лесовой почвы—территорія, по своимъ размѣрамъ, значительно превосходящая любое лимитрофное государство...

— Это будетъ тотъ, недостававшій намъ до сихъ поръ плацдармъ, откуда мы поведемъ

активное наступленіе для сокрушенія ненавистной, злодѣйской власти СССР... Мы рѣшили воспользоваться, какъ нельзя болѣе подходящимъ, терминомъ «Евразія» и таковымъ обозначить новое государственное образованіе...

Семенъ Семеновичъ оглянулся по сторонамъ:

— На меня выпала задача по разработкѣ органическаго статута... Каковъ общій планъ конституціи?... Извольте... Я выражу его тремя словами... Націонализмъ, законность, собственность!.. Вотъ вѣхи, обозначающія нашъ путь... Все остальное—детали...

— Не думайте, однако, что мы стоимъ на почвѣ какой-либо реставраціи?... Возврата къ прежнему нѣтъ!.. Оно умерло навсегда!.. Изъ прежняго мы беремъ лишь основы былой государственности и въ старые мѣхи вливаемъ новое вино... Въ прошломъ—просвѣщенный абсолютизмъ!.. Въ настоящемъ — просвѣщенный фашизмъ!.. Князь, вы понимаете мою мысль?

— Итакъ! — продолжалъ Семенъ Семеновичъ. — Національное, правовое, государственное начало, съ возвращеніемъ къ институту частной собственности, съ закрѣпленіемъ всѣхъ разумныхъ завоеваній человѣческой совѣсти... Ни диктатура, ни демократія!.. Игра въ парламентаризмъ кончена!.. Безполезная, выразимся болѣе опредѣленно, вредная роскошь содержать на государственный счетъ четыреста болтуновъ, отметается нами единогласно... Внизу — массы, у власти — кабинетъ министровъ съ соотвѣтствующимъ административнымъ аппаратомъ, наверху—царь съ законодательнымъ органомъ, въ лицѣ «Совѣта Пяти»... Такова общая схема!..

— Но, въ такомъ случаѣ, это самодержавіе?—произнесъ я.

— Если хотите — да! — отвѣчалъ Семенъ Семеновичъ, съ тонкой усмѣшкой. — Но самодержавіе особливое, соотвѣтствующее духу времени, ограниченное «Совѣтомъ Пяти», безъ санкціи коего ни единый высочайшій актъ не имѣетъ законной силы...

— Кто же намѣченъ возглавить Евразію?

— Виноватъ! — съ нѣкоторою запальчивостью перебилъ Семенъ Семеновичъ — Я коснусь этого вопроса въ концѣ доклада... А сейчасъ, я дамъ вамъ еще рядъ конкретныхъ деталей...

— Итакъ, вопросъ съ территоріей приведенъ къ благополучному завершенію... Переходимъ къ другимъ вопросамъ... Финансы!..

Съ этими словами, Семенъ Семеновичъ загнулъ безымянный палецъ на лѣвой рукѣ:

— Съ одной стороны, тотъ же маршалъ Чангъ-Со-Линъ, съ другой — Чосенъ Банкъ и Ниппонъ Кайша, съ третьей—консорціумъ американскихъ банкировъ, съ Эліасомъ Леви во главѣ, предоставляютъ заемъ, достигающій, въ общей суммѣ, ста милліоновъ долларовъ, изъ восемнадцати годовыхъ... Заемъ обезпеченъ всѣми рессурсами государства.

Семенъ Семеновичъ загнулъ средній палецъ:

— Армія!.. Русскій добровольческій корпусъ, составляющій нынѣ отдѣльную единицу въ войскахъ манчжурскаго маршала, послужитъ основнымъ кадромъ. Къ этому основному ядру имѣютъ быть присоединены всѣ контингенты, распыленные по всѣму свѣту — бывшая армія генерала Врангеля, остатки колчаковскихъ войскъ, мурманскій корпусъ, бойцы Сѣверо-Западнаго правительства... Словомъ, до ста тысячъ отборныхъ людей, закаленныхъ суровыми условіями эмигрантскаго быта...

Семенъ Семеновичъ загнулъ указательный палецъ:

— Добывающая промышленность!.. Земледѣліе, рыболовство, охотничій промыселъ, эксплоатація минеральныхъ богатствъ, добыча чудодѣйственнаго корня жень-шень и мараловыхъ пантовъ въ государственномъ масштабѣ, разведеніе риса, мака и тапіоки, каучуковыхъ, кофейныхъ, чайныхъ плантацій... Рессурсы страны неисчерпаемы!.. Матеріальная база неистощима!.. И будутъ житницы наши полны и обильны всякимъ хлѣбомъ!.. И плодятся овцы тысячами и тьмами на пажитяхъ нашихъ!..

Семенъ Семеновичъ загнулъ большой палецъ:

— Обрабатывающая промышленность!.. Въ этомъ отношеніи, инженеръ Копейкинъ представилъ проектъ грандіозной электрофикаціи, обнимающей всѣ отрасли государственнаго хозяйства... Заводы сталолитейные и рельсопрокатные, судостроительные и писчебумажные, хлопкопрядильные и шерстобитные — все получитъ развитіе постольку, поскольку это необходимо для обезпеченія собственной потребности и экспорта... Приложеніе труда не встрѣтитъ ни малѣйшихъ препятствій... Язва современнаго общества — безработица, не будетъ имѣть ни малѣйшаго мѣста...

— Да, вотъ цифровыя данныя! — произнесъ Семенъ Семеновичъ, выдернувъ изъ портфеля тетрадку. — Ахъ, это не то!.. Это раздѣлъ XV, обнимающій финансовую проблему... Деталь, однако, не лишенная интереса... Не угодно-ли?.. Я вамъ прочту...

— Параграфъ осьмой... Основной денежной единицей устанавливается монета «руссъ», равная одной десятой стоимости золотого имперіала...

— Параграфъ девятый... Въ качествѣ мелкой размѣнной монеты устанавливается денежный знакъ, именуемый «гривной», чистаго монгольскаго серебра, безъ примѣси лигатуры, имѣющій обращеніе и хожденіе наравнѣ съ золотомъ...

— Параграфъ десятый... Въ дополненіе къ общимъ рессурсамъ государственнаго казначейства, выпускается монета «алтынъ», изъ бронзовой мѣди, заключаемая въ «руссѣ», въ количествѣ ста дробныхъ частей...

— Параграфъ тринадцатый... Виновные въ поддѣлкѣ государственныхъ денежныхъ знаковъ подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

— Теперь, милый князь, разрѣшите перейти къ основному вопросу, вызвавшему съ вашей стороны столь понятное любопытство!— произнесъ Семенъ Семеновичъ, захлопывая портфель и снова располагаясь, съ удобствомъ, въ креслѣ.

— Этотъ вопросъ былъ предметомъ горячихъ споровъ и обсужденій, и занялъ у насъ двѣнадцать рядовыхъ засѣданій... Кстати, кто это мы?.. Я до сихъ поръ не ввелъ васъ въ курсъ дѣла... Мы—это ЧИК, другими словами, чрезвычайный исполнительный комитетъ, въ составѣ двѣнадцати человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ... эээ... Впрочемъ, я воздержусь пока отъ оглашенія личныхъ именъ... Nomina sunt odiosa!... Достаточно, если скажу, что все это суть люди широкаго государственнаго мышленія, умудренные опытомъ, крупные политическіе дѣятели, принимавшіе участіе въ работѣ на высокихъ административныхъ постахъ... Въ частности, предсѣдатель—извѣстный дипломатъ бывшаго императорскаго правительства, пользующійся до сихъ поръ большимъ вѣсомъ въ иностранныхъ кругахъ...

— Итакъ, на двѣнадцатомъ засѣданіи мы пришли къ извѣстному заключенію, и большинствомъ семи голосовъ при пяти воздер-

жавшихся, остановились на наслѣдственной исторической монархіи изъ прежняго Дома Романовыхъ, въ лицѣ...

— Кто именно?—перебилъ я, не будучи въ состояніи сдержать своего нетерпѣнія.

Семенъ Семеновичъ выдержалъ паузу, привсталъ и, обнаживъ голову, произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Его императорское величество государь императоръ всея Евразіи Кириллъ I...

На минуту воцарилось молчаніе.

— Все это хорошо! — сказалъ я. — Но не находите-ли вы, Семенъ Семеновичъ, что выборъ монарха не удовлетворитъ часть русскаго общества?.. Въ этомъ отношеніи, эмиграція, какъ вамъ извѣстно, давно раскололась на нѣсколько взаимно враждующихъ сторонъ...

Семенъ Семеновичъ укоризненно посмотрѣлъ на меня:

— Эхъ, батенька!—произнесъ онъ, похлопавъ меня по колѣну. — Въ этомъ именно все наше горе!.. Даже въ этомъ вопросѣ, мы, монархисты, не можемъ прійти къ полюбовному соглашенію... Ссоры, свары, взаимныя обвиненія!.. Сплетни, инсинуаціи!.. Злое мыслятъ въ сердцѣ своемъ, изощряютъ языкъ свой, аки змѣя... Больно и тяжко наблюдать этотъ непрекращающійся расколъ!.. Но дальнѣйшая распря становится нетерпимой!.. Выборъ сдѣланъ окончательный и безповоротный!.. Остается подчиниться рѣшенію комитета и начать государственную работу!..

Семенъ Семеновичъ задумался:

— Долженъ сознаться, впрочемъ, что избраніе кандидата даже у насъ прошло не вполнѣ гладко... Одни указывали на то, что во время акта рожденія мать состояла въ лютеровомъ законѣ... Другіе на то, что избранникъ,

понеже состоитъ членомъ царскаго дома, въ свое время скомпрометировалъ себя революціонной эмблемой... Третьи на то, наконецъ, что избранникъ состоитъ въ бракѣ съ разведенной супругой великаго герцога гессенскаго... Но скажите по совѣсти, развѣ сіе такъ важно?.. Развѣ сіе можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ при рѣшеніи столь крупнаго вопроса, какъ право престолонаслѣдія на тронъ державныхъ россійскихъ царей?..

— Вотъ, то-то и оно-то!—укоризненно произнесъ Семенъ Семеновичъ и ударилъ рукой по портфелю. — Всѣ вы такъ разсуждаете!.. Важенъ принципъ!.. Важна монархическая идея, а не персональная личность!.. Само собой разумѣется, что принципъ легитимизма сыгралъ рѣшающую роль... Принципъ легитимизма, вы меня понимаете? — повторилъ Семенъ Семеновичъ, глядя на меня въ упóръ черезъ золотые очки.

— Принципъ ле-ги-ти-ми-зма!—повторилъ онъ въ третій разъ и задумался.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Выдержавъ длинную паузу, Семенъ Семеновичъ снова, съ нѣкоторой пытливостью, оглянулся по сторонамъ и продолжалъ свою рѣчь. Онъ понизилъ голосъ до шопота и склонился почти къ самому моему уху:

— На меня возложена чрезвычайная миссія!.. Въ этомъ портфелѣ хранится историческій документъ, возвращающій насъ, въ нѣкоторомъ родѣ, къ временамъ Гостомысла... «Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ... Придите володѣть и княжить надъ нами!..»

— Другими словами, грамота, за печатью и скрѣпами, обращенная отъ имени государства Евразіи къ его императорскому величеству... Принципіальное согласіе уже получено по радіо-телеграфу... Необходимъ особливый актъ личнаго обращенія уполномоченной правительствомъ делегаціи, который имѣетъ быть въ Кобургѣ въ день 17 октября текущаго года... Въ этотъ день, между прочимъ, имѣетъ быть изданъ высочайшій манифестъ ко всему законопослушному народу русскому...

— Одновременно организуется посильный сборъ въ императорскую казну, на предметъ подкрѣпленія государственныхъ рессурсовъ... Фамиліи жертвователей имѣютъ быть опубли-

кованы въ спеціальномъ спискѣ... Американскій долларъ и англійскій фунтъ, нѣмецкая гольдмарка, чешская крона, франкъ, динаръ, лея, злотъ, итальянская лира, пезета, латвійскій латъ и голландскій гульденъ, словомъ, любая валюта, въ любомъ, самомъ незначительномъ размѣрѣ, будутъ пріемлемы съ благодарностью...

Семенъ Семеновичъ перемѣнилъ тонъ:

— Милый князь, я пользуюсь случаемъ склонить и васъ на предметъ маленькой жертвы въ государственную казну... Ваше матеріальное положеніе несомнѣнно улучшилось... Ваши взгляды, достойные уваженія, мнѣ хорошо извѣстны... Вы не откажете внести скромную лепту во имя общаго блага.

Я не заставилъ повторить просьбу.

Машинальнымъ движеніемъ я опустилъ руку въ карманъ, извлекъ мой выигрышъ въ поккеръ и положилъ на колѣни сосѣду цѣлую охапку банкнотъ.

Семенъ Семеновичъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня. Потомъ, тщательно пересчиталъ деньги, спряталъ въ портфель и произнесъ растроганнымъ голосомъ:

— Князь, это болѣе нежели щедро!.. Сто двадцать фунтовъ!.. Это цѣлое состояніе!.. Позвольте поблагодарить васъ отъ всей души!.. Это будетъ мною доложено!.. Съ своей стороны, можете вполнѣ разсчитывать на меня... Всегда къ вашимъ услугамъ!.. И кто знаетъ, можетъ быть, въ вашемъ лицѣ, при вашемъ служебномъ опытѣ, мы будемъ имѣть достойнаго кандидата на высокій государственный постъ?.. Ну, напримѣръ... эээ... скажемъ, на постъ военно-морского министра...

Я улыбнулся:

— Но, вѣдь, провинція Хойнанъ, насколько извѣстно, удалена от моря?

— Совершенно вѣрно! — съ живостью перебилъ Семенъ Семеновичъ, — я выразился не вполнѣ точно... На постъ военно-рѣчного министра!.. Ибо каботажное плаваніе по Янтсе-Кіангу и его многочисленнымъ притокамъ, охрана рыболовныхъ промысловъ и защита отъ нападенія хунхузскихъ шаекъ, требуютъ созданія соотвѣтствующаго рѣчного флота... Такимъ образомъ, судостроительная программа предусматриваетъ постройку двухъ канонерокъ и одного авизо... Я представлю вамъ смѣту...

И порывшись въ портфелѣ, Семенъ Семеновичъ выхватилъ снова тетрадку.

— Ахъ, это не то! — произнесъ онъ съ досадой. — Это раздѣлъ XVI, о государственныхъ регаліяхъ... Впрочемъ, и это заслуживаетъ вниманія... Я вамъ прочту...

— Параграфъ шестой... Государственный гербъ состоитъ изъ аллегорической птицы Фениксъ, двуглаваго очертанія, съ горизонтально распростертыми крылами, имѣющей на грудяхъ, посреди щита съ титлами, символическое изображеніе всадника, попирающаго ногами коня и пронзающаго копіемъ Змія...

— Параграфъ седьмой... Государственный стягъ или хоругвь состоитъ изъ полотнища, размѣрами два на три аршина, плотной парчевой ткани, амарантоваго колера, обшитой трехцвѣтнымъ снуромъ, съ тремя серебряными кистями и таковымъ же кутасомъ, имѣя посреди шитый золотымъ филеграномъ государственный гербъ, а подъ онымъ изображеніе полумѣсяца...

— Параграфъ осьмой.. Государственная печать... Впрочемъ, это детали! — произнесъ

Семенъ Семеновичъ, пряча тетрадку въ портфель и прижимая его къ груди.

Снова наступила длинная пауза, въ теченіе которой лицо моего собесѣдника принимало попеременно рядъ разнообразныхъ выраженій.

— Кстати, какъ спеціалистъ, что вы скажете, князь, относительно парохода? — спросилъ неожиданно Семенъ Семеновичъ, съ нѣкоторой тревогой въ голосѣ. — Есть-ли гарантія, что наше путешествіе завершится благополучно?.. Конечно, вы понимаете, что меня безпокоитъ не личная безопасность... Но участь того документа, который хранится въ этомъ портфелѣ... Вы меня понимаете?..

Я улыбнулся:

— Семенъ Семеновичъ, будьте спокойны! — произнесъ я. — Плаваніе на современныхъ судахъ лишено всякой опасности... Обратимся къ статистикѣ?.. Въ отношеніи катастрофъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ воздушное сообщеніе... За нимъ слѣдуетъ автомобильное и желѣзнодорожное... Морское сообщеніе даетъ, въ этомъ смыслѣ, ничтожный процентъ, выражаемый, если память не измѣняетъ, всего лишь ноль цѣлымъ пятнадцатью сотыми... Будьте совершенно спокойны!.. Къ этому могу еще добавить...

Но больше я ничего не добавилъ.

Какъ бы въ насмѣшку надъ моими словами, чудовищный толчокъ выбилъ меня изъ кресла... Я покатился по палубѣ, цѣпляясь за попадавшіеся на пути предметы... Электричество мгновенно погасло... Тьма окутала пароходъ... Дикіе, раздирающіе душу крики, смѣшались съ тревожнымъ ревомъ сирены...

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Паника, невѣроятная паника, которую можно себѣ представить только переживъ что либо подобное, овладѣла человѣческимъ стадомъ, въ количествѣ многихъ сотенъ людей, занимавшихъ каюты, трюмы, машинное отдѣленіе и всѣ углы парохода.

Крики отчаянія, плачъ, стоны, дребезжанье звонковъ, вой сирены и трубъ сливались въ одну адскую какофонію, среди которой гремѣлъ голосъ капитана Дюмона.

Капитанъ, стоя на краю спардека, размахивалъ пистолетомъ и кричалъ въ рупоръ:

— Назадъ!.. Тысяча чертей, назадъ, я вамъ говорю!.. Женщины и дѣти въ первую очередь!.. Каждый исполнитъ свой долгъ!..

Палуба напоминала чудовищный муравейникъ, потревоженный до самыхъ нѣдръ, мятущійся, клокотавшій, обезумѣвшій до потери разсудка. Мужчины кулаками прокладывали себѣ дорогу. Истерически рыдали женщины, плакали дѣвушки, дѣти. Офицеры повторяли слова командира и выбивались изъ силъ, пытаясь возстановить спокойствіе и порядокъ. Это было не такъ легко. Ибо одно изъ самыхъ ужасныхъ чудовищъ на свѣтѣ — испуганная толпа.

Команда, образовавъ цѣпь и отгородивъ, такимъ образомъ, толпу отъ бортовъ, спускала шлюпы и боты. Но въ одно мгновенье, цѣпь была прорвана. Тогда хлопнуло нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ и двое мужчинъ покатились съ простреленнымъ черепомъ...

Между тѣмъ, океанъ былъ совершенно спокоенъ. Въ темномъ небѣ плыла луна, озаряя блѣднымъ фосфорическимъ свѣтомъ трагическую картину. Пароходъ слегка накренился на лѣвый бортъ. Носъ медленно погружался и вода стала заливать нижнюю палубу.

Энергичное поведеніе команды и, въ особенности, капитана Дюмона принесло должные результаты. Первоначальная паника, мало по малу, прошла. Матросы быстро спускали боты. Вереницы людей нагружались въ лодки и отъѣзжали отъ погибавшаго судна. Офицеры обходили ряды пассажировъ и призывали къ порядку. Но крики, рыданія, плачъ продолжали наполнять воздухъ. Жены звали мужей, дѣти призывали родителей...

Въ минуту катастрофы я не потерялъ головы.

Бросившись въ каюту Барбъ, я ухватилъ ее за руку, быстро поднялся по лѣстницѣ и очутился на палубѣ. Въ два прыжка я былъ на спардекѣ. Но въ то же мгновенье, капитанъ Дюмонъ толкнулъ меня въ грудь и закричалъ:

— Назадъ!.. Не нарушайте порядка!.. Женщины и дѣти въ первую очередь!..

Я пытался протестовать:

— Мосье Дюмонъ!.. Во имя дружбы, я васъ прошу... Какъ женихъ и будущій новобрачный...

Капитанъ прервалъ мои слова грубымъ ругательствомъ:

— Назадъ!.. Номъ де номъ, номъ де шьенъ!.. Никакихъ новобрачныхъ!.. Каждый исполнитъ свой долгъ!..

И я тотчасъ почувствовалъ, что во имя порядка, капитанъ не потерпитъ ни малѣйшаго исключенія... Что ни знакомство, ни дружба не заставятъ его отступить отъ общаго правила... Что въ случаѣ сопротивленія и упорства, онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы всадить мнѣ пулю въ лобъ.

— Онъ правъ, капитанъ Дюмонъ!.. Тысячу разъ правъ!.. Суровый морской законъ не терпитъ сантиментальностей!.. На его мѣстѣ я бы поступилъ точно такъ же!..

Я обнялъ Барбъ, слегка растерявшуюся и поблѣднѣвшую отъ испуга, успокоилъ нѣсколькими словами и спустился снова на палубу:

— Не волнуйся, моя дорогая!.. Все обойдется благополучно!.. Мы скоро увидимся!..

Барбъ прижалась ко мнѣ, трепеща, какъ подстрѣленная птичка, обвила шею руками, прикоснулась похолодѣвшими губами къ устамъ:

— Милый!.. Прощай!..

И мы разстались.

Я съ безпокойствомъ слѣдилъ за нею. Я видѣлъ, какъ лейтенантъ Оливье усадилъ ее въ ботъ и, галантно поцѣловавъ руку, произнесъ, съ улыбкой, какую-то фразу. На мгновенье, передо мной мелькнулъ бѣлый спортивный костюмъ и шапочка на темныхъ, слегка вьющихся волосахъ...

Затѣмъ, мимо меня пробѣжалъ мистеръ Рональдъ Смитъ изъ Филадельфіи, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ и съ желтымъ кожанымъ чемоданомъ въ рукѣ. Въ толпѣ мужчинъ я увидѣлъ Семена Семеновича, съ туго набитымъ и прижатымъ къ груди портфелемъ. Семенъ Семеновичъ находился въ чрезвычай-

номъ волненіи, бѣгалъ взадъ и впередъ, суетился, расталкивалъ пассажировъ и, потерявъ въ суматохѣ очки, былъ въ трагическомъ положеніи...

Я былъ спокоенъ.

Моя прежняя профессія не позволяла мнѣ поддаваться обычной, въ этихъ случаяхъ, паникѣ. Больше того, она налагала обязанность прійти на помощь командѣ. Я успокаивалъ пассажировъ, расчищалъ дѣтямъ и женщинамъ путь, слѣдилъ за порядкомъ на томъ клочкѣ, который съуживался съ каждой минутой.

Когда началась погрузка мужчинъ, вода стала заливать верхнюю палубу. Необходимо было торопиться. Погрузка происходила въ порядкѣ, если не считать того обстоятельства, что нѣсколько человѣкъ, не выждавъ очереди, бросились за бортъ и мгновенно пошли кс дну.

Я спустился съ послѣднимъ ботомъ.

«Графъ Монтекристо» погружался все больше и больше. Носъ глубоко ушелъ въ воду и надъ поверхностью океана возвышался только спардекъ, дымовыя трубы и четыре высокія мачты съ радіо-телеграфной антеной.

Это была жуткая, потрясающая картина.

А на спардекѣ стоялъ капитанъ, доблестный капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль, который махалъ намъ фуражкой и кричалъ громкимъ голосомъ:

— Прощайте, друзья!.. Каждый исполнитъ свой долгъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Шестивесельный ботъ мѣрно покачивался на волнахъ.

Ночь была свѣтлая, теплая.

Тысячи звѣздъ кротко мигали на куполѣ неба, какъ мигали онѣ, вѣроятно, въ эту минуту и другимъ людямъ, при другой обстановкѣ.

Млечный путь протянулся широкой жемчужной дорогой. А луна, полная, яркая, удивительно выпуклая, точно старый русскій серебряный рубль, катилась надъ самою головой.

Первое время, неподалеку, еще доносился плескъ веселъ и стуки уключинъ. Кто-то кого-то звалъ, кто-то съ кѣмъ-то перекликался. Эта перекличка въ ночной темнотѣ, среди океана, производила странное впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вливала бодрость, надежду, увѣренность въ силахъ.

Я приподнялся и, въ свою очередь, крикнулъ три раза подрядъ:

— Барбъ!.. Барбъ!.. Барбъ!..

Въ отвѣтъ прозвенѣлъ знакомый голосъ... Онъ звалъ меня къ себѣ... Онъ звучалъ все тише и тише и, наконецъ, замолкъ...

Сидѣвшій на кормѣ, монсиньоръ Бенвенуто, перебирая четки, шепталъ молитву. Луна освѣщала его строгое, обтянутое сухой кожей, лицо

аскета, заостренный носъ, безстрастные голубые глаза, застывшіе въ религіозномъ экстазѣ.

И въ душѣ я искренно поблагодарилъ судьбу, давшую мнѣ въ спутники этого человѣка...

— Lasciate ogni speranca! — произнесъ задумчиво монсиньоръ, окончивъ молитву и плотнѣе закутываясь въ свой черный плащъ. — Милый князь, что вы скажете по поводу этой неслыханной катастрофы?.. Не напоминаетъ-ли она вамъ гибель «Титаника», происшедшую, если память не измѣняетъ, при аналогичныхъ условіяхъ?.. Я склоненъ предполагать, что и на этотъ разъ, ледяная гора гигантскихъ размѣровъ, скрытая подъ водой на девять десятыхъ своей высоты, послужила первопричиной крушенія?..

— Едва ли это такъ, монсиньоръ Бенвенуто! — отвѣтилъ я, послѣ короткаго размышленія. — Арктическія воды закрыты отъ насъ материкомъ Азіи.. Что же касается водъ антарктическихъ, то насколько мнѣ извѣстно изъ личнаго опыта, ледяныя горы южнаго полушарія не въ состояніи достичь этихъ экваторіальныхъ широтъ...

— Въ такомъ случаѣ?..

— Можно съ наибольшимъ вѣроятіемъ заключить, что причиной гибели «Монтекристо» является кораловый рифъ... Въ районѣ Никобарскаго архипелага, въ которомъ, предположительно, мы находимся, имѣется цѣлая сѣть этихъ гибельныхъ отложеній... Они образуютъ цѣлые острова, съ пышной растительностью, съ тропической флорой и фауной и даже съ человѣческимъ населеніемъ... Однако,время отъ времени, этотъ районъ подвергается сильнѣйшимъ сейсмическимъ колебаніямъ, острова скрываются подъ водой и, въ этихъ случаяхъ,

представляютъ серьезную опасность для мореплавателей...

— Какъ далеки мы отъ суши? — снова задалъ вопросъ монсиньоръ Бенвенуто.

— Точно не могу вамъ сказать... Я тщательно слѣдилъ за румбомъ и корабельнымъ журналомъ... Но послѣдніе три дня, проведенные, какъ вамъ извѣстно, въ капитанской каютѣ... Словомъ, я не вполнѣ въ курсѣ дѣла и могу отвѣтить только условно, съ нѣкоторымъ приближеніемъ... Я полагаю, что отъ острова Суматры насъ можетъ отдѣлять разстояніе примѣрно въ четыреста километровъ...

Монсиньоръ Бенвенуто задумался.

— Монъ прэнсъ! — произнесъ онъ черезъ минуту. — Не находите-ли вы наше пеложеніе чрезвычайнымъ?.. Другими словами, я хочу знать, въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на спасеніе?..

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія! — отвѣтилъ я съ твердостью въ голосѣ. — Въ нашъ вѣкъ океанъ не является дикой пустыней... Тысячи судовъ, коммерческихъ и военныхъ, день и ночь бороздятъ поверхность большой дороги... Не забудьте про S. O. S. радіо-телеграфа... Мы подавали сигналы до послѣдней минуты... На этотъ сигналъ къ намъ спѣшатъ пароходы со всѣхъ сторонъ... Къ разсвѣту здѣсь будетъ эскадра... Монсиньоръ Бенвенуто, за это я вамъ ручаюсь...

Патеръ зашевелилъ четками, поднялъ взоръ къ небу и снова погрузился въ молитву.

— Провидѣніе не оставитъ насъ своей милостью! — произнесъ монсиньоръ Бенвенуто. — Прэнсъ Бектабековъ, я прошу васъ принять глубокую благодарность за ваши успокоительныя слова... А сейчасъ, сынъ мой, я бы вамъ

посовѣтовалъ подкрѣпить силы благодѣтельнымъ сномъ...

Опустивъ на голову капюшонъ, монсиньоръ Бенвенуто закутался въ плащъ, отвалился къ спинкѣ бота и задремалъ...

Я не спалъ.

Тысячи мыслей блуждали въ моей головѣ... Я думалъ о Барбѣ, о причинахъ неожиданной катастрофы, о судьбѣ человѣческой... На минуту, въ сознаніи всталъ доблестный капитанъ, которому мы обязаны благополучной посадкѣ, который, столь героическимъ образомъ закончилъ свою морскую карьеру...

— Блестящій примѣръ исполненія долга!.. Капитанъ Дюмонъ-Дюрвиль оказался достойнымъ своего знаменитаго предка!..

Я былъ спокоенъ. Ни на минуту меня не покидала увѣренность въ нашемъ спасеніи.

Вглядываясь въ темноту ночи, я бодрствовалъ до разсвѣта...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Брызнулъ разсвѣтъ и кинулъ золото на грудь океана.

Онъ былъ тихъ и спокоенъ, какъ дыханіе спящаго. Жемчужная рябь переливалась стоцвѣтнымъ огнемъ — синимъ, зеленымъ, голубымъ, фіолетовымъ. Золотой шаръ подымался все выше и, во всѣ стороны, до самаго горизонта, разстилалась необозримая водяная пустыня.

Шестивесельный ботъ качался на волнахъ этой пустыни, точно пылинка, точно ничтожный атомъ въ междупланетномъ пространствѣ...

Въ ботѣ сидѣло одиннадцать человѣкъ.

Монсиньоръ Бенвенуто, въ черной сутанѣ, съ тропическимъ шлемомъ на головѣ, напоминая какую-то странную хищную ночную птицу, сидѣлъ по прежнему на кормѣ. Держа въ рукахъ молитвенникъ въ черномъ кожаномъ переплетѣ и устремивъ взоръ къ небесамъ, онъ шепталъ утреннюю молитву:

— Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, въ человѣцехъ благоволеніе!..

На носу сидѣлъ пароходный врачъ, мосье Натаніэль Линчъ. Рядомъ съ нимъ помѣщался поваръ — Жозефъ Барту, и молодой стюардъ —

Анри Ронсеваль. Шесть матросовъ сидѣло на веслахъ.

Матросы обмѣнивались шутками и балагурили. Анри Ронсеваль, подражая парижскимъ гаменамъ, пѣлъ веселую пѣсенку, сопровождая ее комическими жестами и строя гримасы на своемъ свѣжемъ юномъ лицѣ:

„Il y avait un petit navire,
Qui n'avait ja-ja-jamais navigué,
Il enterprit un grand voyage
Pour les côtes de la Mé-di-ter-ra-née ..“

Я взглядывалъ на патера и обмѣнивался съ нимъ короткими фразами... Милый старикъ!.. Твое присутствіе поддержитъ наши душевныя силы!.. Судьба не оставила насъ безъ защиты!..

Время отъ времени, я подымался и кидалъ взоры на горизонтъ. Онъ былъ по прежнему тихъ и спокоенъ. Ни одного дыма, ни одного паруса не виднѣлось на его фіолетовой лентѣ...

Это меня не тревожило.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что океаническое теченіе успѣло отнести за ночь нашъ ботъ на нѣсколько десятковъ километровъ отъ мѣста кораблекрушенія. Суда, откликнувшіеся на нашъ вызовъ по радіо, находятся сейчасъ въ пунктѣ ночной катастрофы, разыскиваютъ разбросанные по океану лодки съ пассажирами и оказываютъ имъ помощь. Черезъ какой-нибудь часъ и мы увидимъ на горизонтѣ дымокъ. Лишь бы не измѣнилась погода и не обрушился штормъ... Въ этомъ случаѣ, положеніе можетъ стать угрожающимъ...

Но опасенія эти не имѣютъ никакихъ основаній... Въ осеннее время, океанъ спокоенъ, какъ лужа... Яркое солнце проливаетъ на воду

свои горячіе поцѣлуи... Въ небѣ ни единаго облачка... Синій куполъ, подобно гигантской чашѣ изъ бенгалорскаго сапфира, дышетъ несказанной тишиной...

Анри Ронсеваль сидитъ передо мной, строитъ уморительныя гримасы и поетъ:

„Un jour à la barriè-re,
Margot-Margot,
Balançais son derriè-re
Très haut, très haut..."

Онъ поетъ по французски, но въ моихъ ушахъ звенитъ знакомый русскій мотивъ, который переноситъ меня въ родную деревню, къ березкамъ и елямъ, къ проселочнымъ русскимъ дорогамъ, къ плетнямъ, къ косогорамъ... Къ молодухамъ и дѣвушкамъ въ праздничныхъ сарафанахъ, съ яркими лентами въ тугихъ косахъ... Къ развеселымъ, удалымъ парнямъ. съ гармошкой, съ звонкимъ русскимъ словомъ и смѣхомъ... «Правая-лѣвая, гдѣ сторо-на-а?.. Улица, улица, ты вѣдь пьяна!..»

Между тѣмъ, время бѣжитъ.

Проходитъ часъ, другой, третій... Быстро падаетъ вечеръ... Горизонтъ по прежнему чистъ, какъ кристаллъ, какъ взоръ юной дѣвственницы, склонившейся надъ прозрачнымъ ручьемъ...

„C'était le vingt-six-ce
Du carnaval..."

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Четвертыя сутки шестивесельный ботъ носится по океану.

Надежда начинаетъ насъ покидать. Въ боченкѣ еще остался небольшой запасъ прѣсной воды, которую врачъ раздаетъ маленькими порціями одинъ разъ въ день. Но провіантъ на исходѣ. Сегодня мы съѣдаемъ послѣдній сухарь и впереди—смерть.

Мосье Натаніэль Линчъ пытался поймать рыбу. Онъ сдѣлалъ изъ французской булавки крючокъ, привязалъ его къ шнурку отъ пенснэ и бросилъ въ воду. Попытка не имѣла успѣха. Вечеромъ, докторъ, вынулъ изъ своей карманной гомеопатической аптечки крупинки „Robinia pseudacacia“ и роздалъ, какъ послѣдній нашъ раціонъ. Но крупинки, не утоляя голода, вызывали лишь сильную жажду...

На шестыя сутки мученія стали невыносимы.

Два матроса и старый боцманъ умерли отъ истощенія. На восьмыя сутки скончался докторъ Натаніэль Линчъ.

Мы носились по волѣ волнъ, не имѣя силъ управляться, предоставленные собственной участи. Полуживые и потерявшіе наполовину сознаніе, мы лежали цѣлыми днями на

днѣ бота, почти безъ движенія, оглашая океанъ жалобнымъ стономъ.

Анри Ронсеваль, молодой стюардъ, развлекавшій насъ пѣсенкой о Марго, сошелъ съ ума и, съ дикимъ хохотомъ, кинулся въ воду:

„Un jour, à la barriè-re,
Margot-Margot . . .“

На девятыя сутки насъ осталось только пять человѣкъ.

И въ этотъ день произошло слѣдующее.

О, какъ памятенъ мнѣ этотъ день!.. Я не въ состояніи отдѣлаться до сихъ поръ отъ этого чудовищнаго кошмара!..

Было тихо, такъ тихо, точно въ могилѣ. Неожиданно послышался твердый и властный голосъ. Монсиньоръ Бенвенуто приподнялся съ кормы и сказалъ:

— Братья!.. Въ этотъ послѣдній часъ я призываю васъ къ мужеству!.. Рука Провидѣнія насъ не оставитъ!.. Помощь близка... Духъ нашъ бодръ, но плоть наша немощна!..

Лежа на днѣ бота, мы повернули головы и съ изумленіемъ глядѣли на патера... Наступилъ и его часъ... Бѣдный старикъ!.. Имъ такъ же овладѣло безуміе!..

Монсиньоръ Бенвенуто, между тѣмъ, выдержалъ паузу и продолжалъ:

— Вспомните текстъ!.. Аще кто положитъ животъ за други своя... Братья, я хочу сказать, что одинъ изъ насъ...

Монсиньоръ, съ усиліемъ, закончилъ фразу:

— Одинъ изъ насъ долженъ принести себя въ жертву!..

Всѣ молчали.

— Братья! — снова произнесъ монсиньоръ Бенвенуто. — Я охотно принесъ бы себя въ

эту жертву!.. Но я немощенъ, старъ, страдаю ракомъ печени и падагрой!.. Моя жертва будетъ безплодна!.. Между тѣмъ, среди насъ имѣются люди...

Монсиньоръ Бенвенуто оборвалъ рѣчь и кинулъ взглядъ въ мою сторону, показавшійся мнѣ необычнымъ.

— Итакъ! — продолжалъ монсиньоръ Бенвенуто. — Я призываю васъ, братья, подчиниться единственному рѣшенію!

Всѣ молчали.

— Желающихъ нѣтъ! — со вздохомъ произнесъ монсиньоръ. — Въ такомъ случаѣ, остается приступить къ жеребьеметанію!

Онъ вырвалъ изъ молитвенника нѣсколько листковъ, сложилъ каждый изъ нихъ аккуратно вчетверо, снялъ съ головы тропическій шлемъ и бросилъ въ него листки.

— Здѣсь, въ этой шляпѣ находятся четыре бумажки! — произнесъ патеръ. — Одна изъ нихъ помѣчена мною крестомъ... Я буду вызывать по фамиліямъ... Остальное не нуждается въ объясненіяхъ... Братья, согласны вы подчиниться этому единственному рѣшенію?

— Молчаніе — знакъ согласія! — сказалъ монсиньоръ Бенвенуто, выдержавъ новую паузу. — Итакъ, я приступаю!

— Жакъ Робеспьеръ! — обратился онъ къ ближайшему матросу. И съ этими словами, опустилъ руку въ шляпу и вынулъ листокъ:

— Зэро!

На очереди былъ слѣдующій матросъ.

— Ашиллъ Ланнъ! — произнесъ монсиньоръ и снова вынулъ листокъ:

— Зэро!

— Прэнсъ Жанъ де Бектабековъ!

Я вздрогнулъ.

Монсиньоръ опустилъ руку въ шлемъ, развернулъ листокъ и произнесъ чуть дрогнувшимъ голосомъ:

— Сынъ мой!.. Провидѣніе избрало тебя!.. Да будетъ благословенна воля Божья!.. Аминь!

На листкѣ, во всю ширину текста, стоялъ крестъ...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ужасъ овладѣлъ моимъ разсудкомъ.

Холодный потъ выступилъ по всему тѣлу. Руки въ безсиліи опустились. Я упалъ на дно бота и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, оставался недвижимъ. Потомъ, я поднялся и блуждающимъ взоромъ осмотрѣлся вокругъ.

Спутники угрюмо молчали. Они старались не глядѣть на меня. Я почувствовалъ, что обреченъ. Что за моей спиной стоитъ—Смерть...

Монсиньоръ поднялъ глаза къ небу и произнесъ кроткимъ голосомъ: — Сынъ мой!.. Воля Всевышняго избрала тебя!.. Подчинись его святому рѣшенію и вспомни въ этотъ послѣдній часъ библейское сказаніе объ Авраамѣ и его жертвѣ!..

— Мосье Барту! — добавилъ онъ строгимъ тономъ, обращаясь къ пароходному коку. — Не откажите приступить къ исполненію вашихъ тяжелыхъ обязанностей!.. Я отпускаю вамъ прегрѣшеніе, равно какъ Всевышній отпуститъ намъ всѣмъ этотъ грѣхъ!..

И порывшись въ карманахъ сутаны, монсиньоръ Бенвенуто передалъ повару складной ножъ...

Я не выдержалъ этой сцены.

Въ припадкѣ отчаянія, я забился на своей скамьѣ и воскликнулъ:

— Монсиньоръ Бенвенуто!.. Друзья мои!.. Остановитесь!.. Я умоляю васъ, остановитесь!..

И я снова упалъ на дно бота и, содрогаясь въ конвульсіяхъ, забился головой. Потомъ, затихъ и смирился. Странное чувство овладѣло моей душой...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при желаніи, я бы могъ оказать отчаянное сопротивленіе и, въ случаѣ единоборства съ своими спутниками, выйти изъ него побѣдителемъ. Я молодъ и силенъ. Физическія страданія не отразились на мнѣ въ такой степени, какъ на другихъ...

Но мое душевное равновѣсіе пошатнулось... Нравственное упорство меня покинуло... Воля меня оставила... А главное, это рокъ, который выпалъ на мою долю, какъ могъ выпасть на долю другого... Высшая справедливость требуетъ, чтобы я подчинился его рѣшенію...

И я воскликнулъ:

— Друзья мои!.. Монсиньоръ Бенвенуто!.. Я не молю о пощадѣ!.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Я подчинюсь своему жребію!.. Я взываю къ вашему милосердію и прошу лишь дать мнѣ отсрочку!.. Одинъ часъ!.. Я умоляю, одинъ только часъ!.. Я вѣрю, что въ этотъ часъ Господь принесетъ намъ спасеніе!..

Монсиньоръ Бенвенуто сочувственно посмотрѣлъ на меня:

— Сынъ мой! — произнесъ онъ мягкимъ, удовлетвореннымъ тономъ. — Мы понимаемъ тебя и согласны исполнить твою послѣднюю волю!.. Мы не вправѣ тебѣ отказать!.. Но что касается времени?.. Такъ какъ часовъ у насъ нѣтъ...

Монсиньоръ Бенвенуто приложилъ, на подобіе козырька, ладонь къ глазамъ и посмотрѣлъ на небо:

— День клонится къ закату! — сказалъ онъ. — Свѣтило скрывается за горизонтъ... Будемъ ожидать появленія вечерней звѣзды... Не такъ-ли, братья?.. Жанъ де Бектабековъ, возлюбленный сынъ мой, воля твоя да будетъ исполнена!..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Устремивъ блуждающій взоръ на горизонтъ, я сидѣлъ на скамьѣ, какъ преступникъ, приговоренный къ казни.

Мои мысли скакали въ хаотическомъ безпорядкѣ.

Только часъ времени, одинъ только часъ, отдѣляетъ меня отъ момента, когда я перейду въ небытіе!..

И какимъ дикимъ, чудовищнымъ образомъ!..

При какой неслыханной, не имѣющей ни съ чѣмъ сравненія, обстановкѣ!..

Ужасъ, ужасъ!..

Я не могъ ни на чемъ сосредоточить свое вниманіе.

Все прыгало передо мной въ уродливомъ хороводѣ, скалило зубы, нагло смѣялось въ лицо... Я былъ недалекъ отъ безумія... И вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ вѣрить въ чудо, которое меня спасетъ...

Я смотрѣлъ на темную полосу горизонта.

Я видѣлъ парусъ... Онъ мчался къ намъ, какъ гигантская бѣлая птица, и ея крылья низко неслись надъ водой... Я видѣлъ дымокъ, сначала тонкой спиралью вьющійся къ небесамъ, потомъ образующій густой чéрный клубъ, вродѣ завѣсы, застилающей даже солнце... И я вскрикивалъ отъ нечеловѣческой радости... И

мои спутники пробуждались отъ сна и, вмѣстѣ со мной, вперяли взоры въ голубое пространство...

Черезъ минуту миражъ исчезалъ и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезала надежда... Тупое отчаяніе копошилось въ груди.

Я подымалъ взоры къ небу, на которомъ, съ минуты на минуту, должна была появиться звѣзда—вѣстникъ Смерти.

Но звѣзды я не видѣлъ...

Неожиданно задулъ зюйдъ-вестъ... Яркое небо заволоклось тучами... Солнце померкло и океанъ глухо заволновался...

Волны становились все выше.

Ботъ прыгалъ по гребнямъ, какъ пробка. Со свистомъ летѣли соленыя брызги, обдавая насъ водой съ головы до ногъ.

Съ каждой минутой штормъ становился сильнѣе.

Огромные валы, въ стремительномъ движеніи, катились одинъ за другимъ. Они подымали нашъ ботъ на самый гребень и обрушивали въ зіяющіе провалы, въ черныя пропасти, раскрывшія свои широкія глотки.

Наконецъ, гигантская масса, умноженная на скорость въ квадратѣ и раздѣленная на два, обрушилась съ чудовищной силой на ботъ и, въ одно мгновенье, раздавивъ его, какъ орѣховую скорлупку, разметала куски во всѣ стороны...

. . . .

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я лежалъ на пескѣ.

Волны, съ мягкимъ рокотомъ, набѣгали на берегъ, оставляя бѣлую пѣну. Надъ моремъ вставало солнце. Съ крикомъ кружились чайки:

— Крррiу!.. Крррiу!..

Обезсиленный, я продолжалъ лежать на пескѣ, приходя, мало по малу, въ сознанiе.

Наконецъ, я очнулся.

Радость существованiя охватила меня съ необычайной силой... Небо и солнце, чайки и волны прибоя — все говорило мнѣ, что я живъ!.. Что кошмаръ вчерашняго дня отлетѣлъ!.. Что я спасенъ, спасенъ!..

Я прiоткрылъ глаза и, ослѣпленный солнечнымъ свѣтомъ, закрылъ ихъ снова...

— Зинь-зинь-зинь-зинь! — прозвучалъ серебряный колокольчикъ, словно пѣнiе райской птицы, словно волшебная арфа въ заповѣдномъ саду, въ которомъ растутъ золотые яблоки. И казалось мнѣ, что я попалъ въ волшебное царство и, какъ Иванъ-Царевичъ, собираюсь отыскивать сказочную царевну...

— Зинь-зинь-зинь-зинь!.. Онъ живъ!.. Онъ живъ! — снова прозвенѣлъ колокольчикъ.

То что я увидѣлъ черезъ мгновенье, показалось мнѣ столь необычнымъ, что я вскрикнулъ отъ неожиданности...

Не одна, а три царевны стояли передо мной.

Онѣ были молоды и прекрасны. Онѣ были почти совершенно обнажены. Лишь короткая юбка изъ цвѣточныхъ волоконъ обхватывала бедра и нижнюю часть тѣла. Въ волосахъ бѣлѣли цвѣты жасмина.

Одна изъ нихъ, золотокудрая, съ голубыми глазами, напоминала бѣлую лилію, или Психею, или лучезарнаго серафима, оставившаго свои крылья въ Эдемѣ.

Другая была брюнетка, съ строгими чертами лица, съ длинной, темной косой, съ густыми рѣсницами и бровями, воскресившая въ моемъ сознаніи образъ библейской красавицы.

Въ третьей было больше земного и современнаго. Пышное руно золотисто-рыжихъ волосъ струилось огненнымъ потокомъ по плечамъ. Въ красивыхъ карихъ глазахъ сверкалъ насмѣшливый огонекъ.

Дѣвушки окружили меня со всѣхъ сторонъ, смѣялись радостнымъ смѣхомъ, кидали любопытные взоры, смѣшанные съ изумленіемъ и восторгомъ, осторожно прикасались къ моей мокрой одеждѣ.

Все это было такъ неожиданно, такъ удивительно и необычайно, что я долго не могъ вымолвить ни единаго слова и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ вокругъ.

Что это — сновидѣніе, греза или миражъ?..

Можетъ быть, я продолжаю жить въ этой волшебной сказкѣ, въ которой хотѣлось бы оставаться навѣки?..

Но это не сказка...

Это — дѣйствительность, которая ей нисколько не уступаетъ!..

Я протеръ ладонью глаза и задалъ вопросъ:

— Гдѣ я?

— Это Островъ Жасминовъ!..

— Островъ Жасминовъ!..

— Волшебный Островъ Жасминовъ!—прозвенѣло сразу нѣсколько голосовъ. — Слѣдуй за нами!..

Я не заставилъ себя упрашивать.

Я поднялся съ земли, взглянулъ еще разъ на море и тронулся въ путь.

Впереди шла тоненькая блондинка.

Рядомъ со мной шли двѣ остальныя...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Дорога была неутомительна и все путешествіе заняло не болѣе четверти часа.

На опушкѣ лѣса, приблизительно въ полуверстѣ отъ берега, стояло нѣсколько шалашей. Ихъ наружный видъ былъ примитивенъ. Въ такихъ жилищахъ живутъ люди, стоящіе на низкой ступени развитія—африканскіе племена, дикари острова Фиджи, каннибалы полинезійскаго архипелага.

Между тѣмъ, мои спутницы, ни въ какой степени, не могли быть причислены къ этимъ жалкимъ представителямъ человѣчества.

Когда мы подошли къ шалашамъ, навстрѣчу вышли еще двѣ женщины. Одна изъ нихъ, казалось, была старше другихъ.

Сѣрые выразительные глаза, породистое лицо съ тонкимъ, очерченнымъ легкою горбинкою носомъ, изящныя движенія и манеры — выдавали ея происхожденіе съ перваго взгляда. Это была, безспорно, аристократка и, притомъ, самой высокой пробы.

Другая, живая и маленькая, съ гибкимъ, лоснящимся торсомъ, съ темно-бронзовымъ цвѣтомъ кожи и черными курчавыми волосами, напоминавшими шапку, была, по всей вѣроятности, африканка.

Мое появленіе было для нихъ неожиданнымъ.

Обѣ женщины всплеснули руками. Съ устъ сорвалось восклицаніе.

— Мужчина? — изумленно проговорила старшая, стыдливымъ движеніемъ запахивая на груди джемперъ, сплетенный изъ цвѣточныхъ волоконъ.

— Совершенно вѣрно!—отвѣтилъ я, отвѣшивая поклонъ. — Лейтенантъ князь Бектабековъ, жертва неслыханнаго кораблекрушенія!

— Мы тоже жертвы! — тихо произнесла она. — Шесть женщинъ, обреченныхъ жить на этомъ необитаемомъ островѣ!.. Безъ всякой надежды на возвращеніе!.. Впрочемъ, на то воля Господня!..

За скромнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ сырыхъ овощей, фруктовъ и кокосоваго молока, я познакомилъ женщинъ съ трагической одиссеей, которая, вмѣсто Парижа, привела меня къ нимъ.

Это была печальная повѣсть, усугубляемая мучительной думой о Барбъ, о судьбѣ многихъ друзей, объ участи моихъ недавнихъ спутниковъ на шестивесельномъ ботѣ.

Женщины, съ острымъ вниманіемъ, слѣдили за моими словами. Онѣ всплескивали руками. Съ устъ срывались сочувственные возгласы и восклицанія.

— Мы живемъ здѣсь уже около года! — отвѣтила на мой вопросъ женщина въ джемперѣ. — Вдали отъ культуры и цивилизаціи!.. Вдали отъ всѣхъ своихъ близкихъ, которые считаютъ насъ, вѣроятно, погибшими!.. Однако, позвольте представить вамъ моихъ подругъ по несчастью...

И она стала перечислять:

— Бѣлая Лилія!.. Дама съ Камеліями!.. Роза Іерихона!..

— Эта черненькая—Мимоза!..

— Меня зовутъ здѣсь Королевой Гортензіей!—прибавила она съ грустной улыбкой.

Женщины разсмѣялись:

— У насъ есть еще и другія имена!..

— А вотъ и Душистый Горошекъ!..

Держа въ рукѣ узелокъ съ ракушками и яйцами чаекъ, къ намъ приближалась дѣвушка, почти ребенокъ...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

День за днемъ я заношу впечатлѣнія въ свой дневникъ.

Перо фламинго служитъ мнѣ вмѣсто ручки.

Желчный сокъ каракатицы замѣняетъ чернила.

Листья хлѣбнаго дерева исполняютъ роль папируса.

Другихъ канцелярскихъ принадлежностей у меня нѣтъ. Но за то темъ такъ много, что любой романистъ можетъ позавидовать отъ души...

Прежде всего, что такое — Островъ Жасминовъ?

Ни на одной картѣ міра его, по всей вѣроятности, не отыскать. Это небольшой, совершеннс микроскопическій клочокъ земли, размѣромъ не больше нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ, вулканическаго происхожденія.

Впрочемъ, я не геологъ и о структурѣ земной коры имѣю лишь поверхностное понятіе.

Островъ круглаго начертанія, словно золотой имперіалъ старой царской чеканки, съ стершимися отъ времени краями. Носитъ онъ холмистый характеръ и покрытъ пышной растительностью. Берега его образуютъ пологій пляжъ и только кое-гдѣ круто обрываются въ море.

Центръ заросъ густымъ лѣсомъ кокосовыхъ пальмъ, перевитыхъ ліанами, стволами бамбука, глициній, магнолій, тамариндовъ и желѣзнаго дерева, кустами боярышника и жасмина.

Эти кусты покрываютъ всѣ склоны и бѣлѣютъ, какъ снѣгъ. Острый запахъ цвѣтовъ проникаетъ повсюду.

Можно отмѣтить еще изумрудную зелень бананов и ананасовъ, виноградниковъ и персиковыхъ деревьевъ, произрастающихъ въ дикомъ видѣ.

Хищныхъ звѣрей, повидимому, на островѣ нѣтъ.

Но зато въ изобиліи водятся козы, кролики, обезьяны различныхъ породъ, сумчатыя животныя и всевозможная птица. На прибрежныхъ скалахъ гнѣздятся альбатросы, орланы, буревѣстники, пингвины и чайки. Въ лѣсной чащѣ живутъ фазаны, дикіе голуби, попугаи и ара, страусовидные эму, цесарки, колибри, желтые китайскіе соловьи, японскія рисовки и, наконецъ, павлины съ роскошнымъ золотымъ опереніемъ. А маленькое озеро и впадающій въ него ручеекъ оживлены криками водяной птицы.

Флора и фауна заставляютъ предполагать, что островъ лежитъ въ субтропической полосѣ — въ районѣ Никобарскаго архипелага или, можетъ быть, даже еще южнѣе, въ полосѣ, примыкающей къ Полинезіи.

Впрочемъ, это только мои догадки.

Островъ совершенно необитаемъ. Кромѣ меня и шести молодыхъ женщинъ на островѣ нѣтъ никого.

А кругомъ, на многія тысячи миль, лежитъ безбрежная морская пустыня...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Краткое ознакомленіе съ жизнью островитянокъ привело меня къ неутѣшительному выводу.

На четвертый день я пришелъ къ нѣкоторому рѣшенію.

Будучи по природѣ романтикомъ, я становлюсь практикомъ-позитивистомъ, если этого требуетъ обстановка. Мечтательный романтизмъ уступаетъ мѣсто прозаическому и сухому, какъ языкъ цифръ, реализму, причемъ это происходитъ у меня безъ всякихъ усилій и напряженія. Можетъ быть, въ этомъ видно вліяніе военной школы?.. Флотская дисциплина и служба на боевомъ караблѣ, такъ или иначе, налагаютъ свой отпечатокъ...

Я пришелъ къ заключенію, что обстановка требуетъ принятія рѣшительныхъ мѣръ.

Прежде, всего, что касается лично меня, необходимо покончить съ безплодными сѣтованіями, съ раздирающими душу сомнѣніями, съ страданіями опустошеннаго сердца.

Минувшаго не воскресить!.. Бывшее нужно сдѣлать небывшимъ!.. Необходимо подчиниться судьбѣ!.. Это не такъ просто, но это необходимо...

— Барбъ, прости меня!.. Ты одна въ моемъ сердцѣ, и нынѣ и присно и во вѣки вѣ-

ковъ, аминь!.. Но сейчасъ, можетъ быть, во имя нашего будущаго, я долженъ тебя забыть... Прости, Барбъ!..

Во вторыхъ, нужно видоизмѣнить бытъ.

Отсутствіе системы и стройной организаціи отражается на всемъ, отъ главнаго до мелочей. Не видно активности. Не наблюдается соревнованія — этого главнаго рычага, въ примѣненіи къ трудовымъ функціямъ.

Индивидуальное начало необходимо коегдѣ замѣнить общественнымъ и, такимъ образомъ, отдать извѣстную дань коммунизму. При всемъ отвращеніи къ этой формѣ соціальнаго строя, я вынужденъ уступить ей извѣстное мѣсто.

Обобществленіе орудій производства, единое плановое хозяйство, разверстка продуктовъ труда — являются прямою задачей. Только при этомъ условіи будетъ достигнутъ максимумъ производительности при минимумѣ затрачиваемой энергіи. Каждый будетъ приставленъ къ работѣ, отвѣчающей его склонности и способностямъ.

Можетъ быть, это не столько коммунизмъ, сколько обыкновенный принципъ раздѣленія труда и приложеніе тэйлоровской системы.

Само собой разумѣется, что капиталистическая система должна быть замѣнена натуральной повинностью. Впрочемъ, о какомъ капиталѣ можетъ быть рѣчь, если ни у одного изъ насъ, въ сложности, не имѣется ни единаго пенса?..

Наконецъ, необходимъ центръ, координирующій всѣ движенія. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!..

Три дня я находился въ раздумьи, изучая обстановку во всѣхъ деталяхъ.

— О, женское, безпомощное и слабое существо!., Ты двигаешь горами, но само по себѣ, являешься источникомъ очаровательнаго безсилія!.. Въ этомъ твое могущество!..

Три дня я находился въ раздумьи, а на четвертый, когда скромный обѣдъ подошелъ къ концу, предложилъ женщинамъ не расходиться и выслушать мое заявленіе.

Я началъ такъ:

— Милостивыя государыни!.. Судьбѣ было угодно выкинуть меня на этотъ гостепріимный берегъ... Къ счастью, я не одинъ... Я нахожусь въ обществѣ шести молодыхъ женщинъ, изъ которыхъ каждая достойна полнаго уваженія...

Я выдержалъ паузу:

— Къ сожалѣнію, общество это живетъ безъ должнаго руководства... Отнынѣ, какъ мужчина, какъ единственный представитель сильнаго пола, я принимаю на себя обязанности руководителя... Этого требуетъ обстановка!.. Я принимаю на себя власть вождя, начальника, неограниченнаго диктатора и требую подчиненія моей волѣ!.. Діхі!..

— Кто несогласенъ съ моимъ рѣшеніемъ, попрошу встать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Я снова выдержалъ паузу и, такъ какъ никто мнѣ не возражалъ, продолжалъ дальнѣйшую рѣчь.

Женщины, устремивъ на меня любопытный, изумленный, недоумѣвающій взглядъ, слушали въ полномъ молчаніи.

И поощренный первымъ успѣхомъ, я говорилъ, какъ популярный ораторъ передъ многочисленной аудиторіей, какъ полководецъ, въ ореолѣ боевой славы, кидающій лозунги своей арміи...

— Пища, одежда и помѣщеніе – три главныхъ фактора, изъ которыхъ слагается бытъ! —рубилъ я, словно мечомъ, короткія фразы.— Каждый будетъ имѣть свою обязанность!.. Каждый будетъ исполнять опредѣленную работу!.. У каждаго будетъ задача!..

— Итакъ, я распредѣляю функціи! — продолжалъ я развивать свой планъ. — Добываніе пищи возлагается на Мимозу и Даму съ Камеліями!.. Приготовленіе пищи—на Розу Іерихона и Бѣлую Лилію... Надзоръ за одеждой и помѣщеніемъ приметъ на себя Королева Гортензія!.. При нашихъ условіяхъ, это не составитъ большого труда и можетъ быть поручено одному лицу... Что касается Душистаго Горошка, на него возлагается мною задача исключитель-

наго порядка, что будетъ сообщено дополнительно!.. За собой я сохраняю общій контроль!..

На минуту я замолчалъ.

— Я высказалъ свое требованіе! — произнесъ я твердымъ голосомъ. — Согласитесь, медамъ, что оно имѣетъ извѣстное основаніе?.. Я жду отвѣта... Согласны вы или нѣтъ?

— Согласны!—дружнымъ хоромъ отвѣтили женщины.

Я почувствовалъ, что одержана рѣшительная побѣда. И въ эту минуту, лавры Ганнибала и Гамилькаръ Барки, Юлія Цезаря и даже самого Бонапарта, показались мнѣ не заслуживающими вниманія...

— Теперь, прошу послѣдовать за мной!

Поднявшись съ земли, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ крайнему шалашу, и подошелъ къ кучѣ сложенныхъ мною листьевъ и вѣтокъ.

— Вниманіе!.. Аттансіонъ!

Я вынулъ изъ бокового кармана монокль —единственную вещь, которая благодаря шелковому шнурку сохранилась въ моемъ распоряженіи, поймалъ солнечный лучъ и, приспособивъ монокль на подобіе зажигательнаго стекла, поджогъ имъ сухіе листья.

Весело вспыхнуло яркое пламя.

Черезъ минуту, огненный столбъ охватилъ весь костеръ и длинные языки поднялись къ небу.

— Это—Огонь Прометея!—сказалъ я.—Онъ будетъ служить маякомъ!.. Поддерживать вѣчный огонь будетъ Душистый Горошекъ!..

Женщины закружились вокругъ костра въ радостномъ хороводѣ. За ужиномъ, впервые за долгіе мѣсяцы, онѣ имѣли горячую пищу...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Королева Гортензія — стройная, высокая женщина, съ спокойными, размѣренными движеніями. На видъ ей не болѣе тридцати лѣтъ. Ея волнистые каштановые волосы убраны въ строгую прическу, съ проборомъ посерединѣ. Матовый цвѣтъ лица, съ небольшой горбинкою носъ, сѣрые выразительные глаза, маленькія руки съ длинными тонкими пальцами — обличаютъ породу. Королева Гортензія — представительница «голубой» крови, аристократка въ полномъ значеніи слова.

Это -- красивая, эффектная женщина, вполнѣ оправдывающая свое имя. Если прибѣгнуть къ сравненію, я бы сказалъ, что она нѣсколько напоминаетъ покойную австрійскую императрицу Елизавету, принадлежавшую, какъ извѣстно, къ древнему виттельсбахскому роду. Но Королева Гортензія не имѣетъ ничего общаго съ баварской королевской династіей. Въ ея жилахъ течетъ орлеанская кровь.

Если прибѣгнуть къ мифологическому сравненію, я бы назвалъ ее Герой...

— Sir, я польщена вашимъ вниманіемъ! — произнесла Королева Гортензія, слегка картавя прелестной парижской манерой. — Mais hélas!.. Five o'clock tea на Островѣ Жасминовъ отличается отъ пріема въ Сенъ-Жерменскомъ квар-

талѣ!.. Я могу предложить вамъ лишь чашечку мокка мѣстнаго производства и птифуръ изъ зеренъ хлѣбнаго дерева...

Я сѣлъ на табуретъ, сплетенный изъ кокосовыхъ волоконъ, и бесѣда наша завязалась.

— Васъ интересуетъ моя біографія?.. О, въ ней есть нѣсколько забавныхъ страничекъ! — замѣтила она съ грустной улыбкой. — Я охотно вамъ ее передамъ!

На мгновенье, Королева Гортензія задумалась, какъ бы приводя свои мысли въ порядокъ. Потомъ, провела рукой по гладкой прическѣ, взглянула на свои тонкія пальцы и начала такъ:

— Я — графиня Гортензія де Шамборъ, урожденная Талейранъ-Перигоръ де ля Рошефуко... Въ Парижѣ это имя извѣстно... Воспоминанія дѣтства переносятъ меня въ Вандею, въ колыбель роялистовъ, въ родовой замокъ моего знаменитаго прадѣда... Мой отецъ, съ началомъ III республики, удалился отъ политической дѣятельности... Отказываясь отъ всѣхъ предложеній, онъ продолжалъ находиться въ оппозиціи къ новому республиканскому правительству и демократическимъ лозунгамъ...

— L'état — c'est moi! — повторялъ отецъ неизмѣнную фразу, оставаясь до конца дней вѣрнымъ своимъ монархическимъ принципамъ...

— Моя мать, происходящая изъ королевской вѣтви принцевъ Кондэ, въ свое время, пользовалась въ столицѣ большой извѣстностью... Ея салонъ собиралъ лучшее общество... Всѣ представители высшей аристократіи, принцы крови, наслѣдники династій и трона — принцъ Уэльскій, герцогъ Аббруцкій, инфантъ Браганцкій, эрцгерцогъ австрійскій

Іосифъ-Карлъ-Леопольдъ, даже монархи, какъ король испанскій Альфонсъ XIII и царь Фердинандъ Болгарскій, считали за честь быть ей представленными...

— Мое воспитаніе протекало въ монастырѣ, въ одномъ изъ лучшихъ учрежденій этого рода, въ которомъ жизнь молодой дѣвушки застрахована отъ растлѣвающаго вліянія нашихъ легкомысленныхъ нравовъ... Это неоспоримо!.. Но, въ свою очередь, что даетъ это воспитаніе по выходѣ въ свѣтъ?.. Оберегаетъ-ли дѣвушку отъ соблазновъ?.. Выковываетъ-ли характеръ? Вооружаетъ-ли практическими познаніями, столь необходимыми при соприкосновеніи съ жизнью?.. Въ этомъ позволительно сомнѣваться...

— Отецъ вскорѣ умеръ... Мать, поглощенная свѣтскою жизнью, не удѣляла мнѣ большого вниманія... Я тяготила ее... Я была вѣчнымъ напоминаніемъ ея возраста, который для нее, избалованной свѣтской львицы, былъ непріятнымъ укоромъ... Сорокъ лѣтъ! говорило ей мое присутствіе... Сорокъ лѣтъ! твердилъ ей мой голосъ, мои руки, мои глаза... Сорокъ лѣтъ! напоминали ей мои поцѣлуи, которыми мы офиціально обмѣнивались два раза въ день... Короче сказать, ея желаніемъ было отдѣлаться отъ меня... И когда графъ Шамборъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, оно было тотчасъ принято...

Королева Гортензія улыбнулась печальной улыбкой и продолжала:

— Была-ли я счастлива въ бракѣ?.. Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ... Но — honny soit qui mal y pense!.. Мой мужъ, молодой, элегантный, красивый, представитель блестящей фамиліи, съ положеніемъ и карьерой, нашелъ въ моемъ лицѣ дѣвушку, которая его

искренно полюбила... Притомъ, я обладала рентой въ сто тысячъ франковъ и, такимъ образомъ, была не безприданницей...

— Характеры наши сходились... Нашъ бракъ, основанный не столько на чувствѣ, сколько на разумѣ, не давалъ повода къ семейнымъ раздорамъ... Жизнь протекала мирно и гладко... Однако, съ теченіемъ времени, я стала приходить къ заключенію, что бракъ мой далекъ отъ того идеала, который мнѣ представлялся въ дѣвичествѣ...

Королева Гортензія остановилась. Вѣки ея слегка задрожали. Казалось, нахлынувшія воспоминанія пробудили въ душѣ горькое чувство.

— Sir, я прошу извиненія! — произнесла она тихимъ голосомъ. — Я не знаю насколько васъ интересуютъ эти детали?..

Я вспыхнулъ:

— Графиня, я очень прошу!.. Я прошу васъ убѣдительно продолжать!

— Въ такомъ случаѣ, я подчиняюсь! — сказала Королева Гортензія. — Какъ вѣрноподданная вашего величества! — добавила она съ милой улыбкой. — Ваша любознательность будетъ вознаграждена!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Королева Гортензія поправила привычнымъ жестомъ прическу и продолжала:

— Насъ, парижанокъ, упрекаютъ въ уклоненіи отъ задачи, которую возложила на женщинъ природа... Франція вырождается!.. Франція скользитъ по наклонной плоскости въ бездну!.. Статистическій матеріалъ, какъ утверждаютъ, даетъ ужасныя цифры... Черезъ сто лѣтъ, Франція не будетъ существовать!.. Я не буду оспаривать этого утвержденія, такъ какъ не считаю себя въ этой области компетентной... Но, кто виноватъ?.. Конечно, мы, женщины!.. Женщины всэгда виноваты!.. Мужчины—всегда правы!..

Королева Гортензія на минуту остановилась:

— Съ первыхъ дней нашего брака, мужъ былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы я оставалась свободной... Другими словами, чтобы наше супружеское гнѣздо не увеличилось случайно въ своемъ размѣрѣ... Вы меня понимаете?.. Конечно, не вопросъ матеріальный, а исключительный эгоизмъ, тщеславіе, легкомысліе были побудительною причиной... Я подчинилась этому требованію... Покорная, юная и неопытная, я подчинялась мужу во всемъ... Я блистала съ нимъ на всѣхъ свѣтскихъ уве-

селеніяхъ, приводила въ восторгъ поклонниковъ, вездѣ и повсюду—на президентскихъ балахъ, на раутахъ въ дипломатическомъ корпусѣ, на театральныхъ премьерахъ, на скачкахъ, на благотворительныхъ базарахъ... Мужъ былъ доволенъ...

Королева Гортензія выдержала паузу:

— Протекло восемь лѣтъ... Мое здоровье, не оставлявшее желать лучшаго, слегка пошатнулось... Появилась непонятная нервность, головная боль, безотчетная грусть... Видъ маленькихъ дѣтей вызывалъ слезы и припадки сердцебіенія... Потребовалось вмѣшательство медицины... Спеціалисты не нашли ничего серьезнаго, ограничившись лишь заявленіемъ, что нарушены нѣкоторыя природныя функціи... Да, онѣ были серьезно нарушены и возстановить ихъ, увы, было нельзя!.. Природа жестоко мститъ за уклоненіе отъ ея требованій!..

Королева Гортензія улыбнулась грустной улыбкой и продолжала:

— Что же происходитъ въ дальнѣйшемъ?.. Герцогиня Лукреція Монморанси, тетка моего мужа, скончавшаяся въ преклонномъ возрастѣ, завѣщала ему все состояніе, подъ условіемъ пользоваться только процентами... Капиталъ же, въ размѣрѣ двадцати четырехъ милліоновъ франковъ, переходитъ лишь къ его сыну, несуществующему пока графу Шамборъ... Въ противномъ случаѣ, передается Арміи Спасенія и орлеанскому монастырю кармелитокъ, въ равной долѣ... Вы себѣ представляете мое положеніе?..

Королева Гортензія потупилась:

— Мужъ сталъ выражать недовольство... Сначала оно проявлялось въ мягкой, сдержанной формѣ... Потомъ, приняло характеръ обидный для женскаго самолюбія... Мужъ осыпаетъ

меня упреками... Un sycomore! . Безплодная смоковница!.. Un cierge du Pérou!.. И такъ далѣе, въ томъ же родѣ... Увы, всѣ усилія наши напрасны!.. Ни медицина, ни морскія купанья, ни прочія средства не помогали... Ничто не дѣйствуетъ!.. Молодой графъ Шамборъ заставляетъ себя ожидать!..

— Наконецъ, дѣло приняло такой оборотъ, что я стала недвусмысленно намекать о разводѣ... Мужъ, воспитанный въ строгихъ правилахъ церкви, не могъ согласиться на мое предложеніе, тѣмъ болѣе, что оно клало предѣлъ его дипломатической карьерѣ... Мы примирились и, по взаимному соглашенію, пришли къ мысли испытать еще одно средство... По совѣту врачей, перемѣна климатическихъ условій, иногда приноситъ неожиданный результатъ...

— Такимъ образомъ, ровно годъ тому назадъ, мы очутились на палубѣ «Шарлотты Кордэ», направлявшейся въ Шанхай...

— Вы были въ Шанхаѣ? — невольно спросилъ я.

— Нѣтъ, мы не доѣхали до Шанхая... Судьба рѣшила иначе!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Королева Гортензія подлила кокосоваго масла въ горшокъ, оправила свѣтильню и продолжала разсказъ:

— Я не буду передавать вамъ подробности этого путешествія! — сказала она со вздохомъ. — Были яркія впечатлѣнія, были красочные моменты, извѣстные до сихъ поръ только по книгамъ...

— Все это продолжалось до той минуты, пока внезапный ударъ, приблизительно около полуночи, не повергъ всѣхъ въ смятеніе и ужасъ... Причиною катастрофы послужило столкновеніе «Шарлотты Кордэ» съ германскимъ коммерческимъ судномъ «Президентъ Эбертъ»...

— Паника охватила весь пароходъ... Сцены безумія чередовались съ картинами героизма... Какъ и при какихъ обстоятельствахъ я очутилась въ водѣ, не сумѣю вамъ передать... Мужъ мой, лежавшій въ тяжелыхъ приступахъ морской болѣзни, погибъ... Какимъ образомъ, я, слабая женщина, не умѣвшая плавать, сумѣла ухватить пробковый поясъ, удержаться на поверхности волнъ и провести болѣе сутокъ безъ пищи и безъ питья — является для меня необъяснимымъ... Это — чудо!.. Впрочемъ, отчасти

я обязана своей камеристкѣ, которую вы здѣсь знаете, подъ именемъ Мимозы...

Королева Гортензія вздохнула и провела рукой по глазамъ: — Ахъ, это былъ непередаваемый ужасъ!..

— Итакъ, я очутилась на этомъ островѣ, на Островѣ Жасминовъ... Съ одной стороны, я вознесла Всевышнему горячую молитву за мое спасеніе... Съ другой стороны, меня охватилъ страхъ... Одна, на таинственномъ островѣ, можетъ быть, среди каннибаловъ и хищныхъ звѣрей, потерявшая мужа, безпомощная физически, безъ моральной поддержки, какимъ образомъ я обезпечу себѣ существованіе до того момента, когда появится помощь?.. Я примирилась съ своею участью и проводила время въ молитвѣ, ожидая смерти съ часу на часъ... И этотъ часъ несомнѣнно бы наступилъ, если бы къ вечеру не явилась помощь въ лицѣ черной мулатки и женщины, подъ именемъ Дамы съ Камеліями... Онѣ были жертвами того же кораблекрушенія... Черезъ сутки, появились двое другихъ — Бѣлая Лилія и Роза Іерихона... Мѣсяцъ тому назадъ, появился Душистый Горошекъ... Наконецъ, въ вашемъ лицѣ, Провидѣніе прислало къ намъ мужчину...

Королева Гортензія выдержала новую паузу:

— Sir, не сочтите за комплиментъ, но ваше неожиданное прибытіе наполняетъ меня чувствомъ живѣйшей радости!.. Вы интеллигентный мужчина, аристократъ, человѣкъ общества!.. Вашъ мужественный видъ придаетъ всѣмъ намъ силы!.. Вы тотъ огонь, ниспосланный намъ Всевышнимъ, который зажегъ не только фитиль въ нашихъ свѣтильникахъ, но и наши женскія души!..

Королева Гортензія смутилась и внезапно оборвала свою рѣчь.

Я взялъ ее за руку и приблизилъ къ себѣ:

— Графиня!.. Ваша трогательная исторія внушаетъ чувства глубокаго уваженія! Мы будемъ съ вами друзьями!..

Почтительно поцѣловавъ руку, я поднялся и вышелъ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Мои ожиданія оправдались.

Прошло не больше недѣли и, не взирая на столь короткій срокъ, уже достигнуто многое. Усилія каждаго изъ насъ, сосредоточенныя въ одномъ направленіи, принесли щедрые результаты.

Пища стала обильнѣе и разнообразнѣе.

Мы уже не довольствовались, какъ раньше, яйцами чаекъ, ракушками и фруктами въ сыромъ видѣ. Къ столу появилась рыба и крабы. Ежедневно мы имѣемъ черепаховый супъ, мясное блюдо изъ дичи—рагу изъ кроликовъ, паштетъ изъ фазановъ, пожарскія котлеты изъ дикой козы.

Наши жилища, мало по малу, приняли привлекательный видъ.

Я перестроилъ ихъ заново, по опредѣленному плану, разбивъ возлѣ каждаго маленькій садикъ. Мой шалашъ, самый большой по размѣрамъ, былъ помѣщенъ въ центрѣ и надъ его верхушкой я прикрѣпилъ чучело морского орла.

Наша одежда стала наряднѣе.

Сверхъ юбки изъ растительныхъ волоконъ, женщины стали украшать себя бусами и браслетами изъ маленькихъ ракушекъ, перьями птицъ и цвѣтами, а въ праздничный день на-

дѣвали вѣнки изъ амариллиса и жасмина. Въ этомъ отношеніи, можно было замѣтить рѣзкую перемѣну. Точно, съ моимъ прибытіемъ на островъ, въ каждой женщинѣ проснулось кокетство...

Что касается меня, я спряталъ свой смокингъ до лучшихъ дней и, по примѣру женщинъ, облекся въ болѣе легкій костюмъ. Но вмѣсто цвѣточной юбки, смастерилъ себѣ трусики изъ кроличьей шкурки и, въ этомъ нарядѣ, напоминалъ не то фавна, не то, пожалуй, даже мифологическаго божка, спустившагося на грѣшную землю съ Олимпа.

Изъ камыша я смастерилъ лукъ. Тетиву сдѣлалъ изъ козьей жилы, а вмѣсто стрѣлъ употребляю тростниковые стержни съ наконечникомъ изъ рыбьихъ костей. Изъ тѣхъ же костей я смастерилъ иглы и женскіе гребни, шпильки для волосъ, шилья, вилки и костяные ножи.

Весьма цѣнный матеріалъ представила скорлупа кокосоваго орѣха. Изъ него мною сработана вся кухонная утварь, посуда и предметы домашняго хозяйства. Изъ кенгуровыхъ и козьихъ шкуръ я сдѣлалъ всѣмъ мягкіе башмаки, пояса, постельные принадлежности и ковры.

Работалъ я съ увлеченіемъ.

Эта работа отвлекала меня отъ дѣйствительности и доставляла большое самоудовлетвореніе. Это было творчество, направленное къ строительству новой жизни, о которой ни одна женщина не имѣла до сихъ поръ представленія.

И мнѣ льстило сознаніе, что шесть слабыхъ, нѣжныхъ, беззащитныхъ существъ имѣютъ теперь могущественную опору.

Досуги я посвящалъ дневнику и охотѣ.

Я ставилъ силки, стрѣлялъ козъ и дикую птицу, а въ одинъ день, обнаруживъ присутствіе какого-то хищнаго звѣря, сталъ подстерегать его на тропѣ. Нѣсколько разъ, въ кустахъ дикаго боярышника и асфоделей, мелькала его пятнистая шкура, а по ночамъ былъ слышенъ протяжный вой...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Изъ шести молодыхъ женщинъ, одна, въ особенности, привлекаетъ мое вниманіе. Я имѣю въ виду брюнетку, извѣстную подъ именемъ Розы Іерихона или Кліо.

Что-то библейское, ветхозавѣтное, переносящее въ глубину вѣковъ, охватываетъ меня при одномъ взглядѣ на эту дѣвушку, съ строгими чертами лица, съ пышной косой, съ жгучими огненными глазами, подернутыми необъяснимою грустью. Такою, должно быть, была Рахиль или героическая Юдифь, отчасти красавица Суламифь — возлюбленная царя Соломона.

Ея внутренній міръ вполнѣ соотвѣтствуетъ внѣшности. Она скромна, замкнута, молчалива, вся во власти какихъ-то загадочныхъ думъ. Ея умственное развитіе значительно превосходитъ таковое ея подругъ. Каждая ее фраза, каждое слово полны глубокаго смысла. Ея разсужденія возвышаются не только надъ веселою болтовней Дамы съ Камеліями или надъ дѣтскимъ лепетомъ Душистаго Горошка, но даже по сравненію съ Королевой Гортензіей и Бѣлою Лиліей, она является, въ умственномъ отношеніи, существомъ иного порядка.

Въ бесѣдѣ съ ней я нахожу особое наслажденіе. Она плѣняетъ мѣткостью своихъ сравненій, острою наблюдательностью, широкимъ запасомъ разнообразныхъ темъ. Въ моемъ сознаніи скользитъ порою что-то неуловимо-знакомое. Я пытаюсь возстановить въ памяти этотъ загадочный образъ. Но это не такъ легко, ибо сотню и тысячу женщинъ сталкивала и связывала со мной Судьба...

Сегодня я имѣлъ случай вести съ нею продолжительную бесѣду.

О, теперь мнѣ многое ясно!..

На многое я получилъ опредѣленный отвѣтъ!..

И я преклоняюсь передъ загадкою Рока, дарящаго меня все новыми неожиданностями...

Кліо стояла на берегу ручья и наполняла водою кувшинъ, сработанный мною изъ кокосоваго орѣха. Въ этомъ положеніи, она напоминала дѣвушку съ амфорой — одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ варіантовъ, которые мы встрѣчаемъ въ рисункахъ, въ гравюрахъ, въ красочныхъ офортахъ, эстампахъ, посвященныхъ быту Палестины или Эллады.

Я подошелъ и мы разговорились.

Сначала, бесѣда коснулась общихъ предметовъ, потомъ перескочила на воспоминанія и вотъ тутъ, просто и скромно, съ грустной улыбкой на плотно сжатыхъ губахъ, Кліо передала мнѣ свою печальную повѣсть:

— Меня зовутъ Этель Рабиновичъ! — сказала она, освѣтивъ двумя-тремя фразами нѣсколько моментовъ изъ прошлой жизни. — Я дочь бѣднаго кантора изъ Бѣлой Церкви!.. Сначала гимназія... Потомъ зубоврачебные курсы... Потомъ — женихъ, пока все не оборвалось самымъ неожиданнымъ образомъ...

— Юныя дѣвушки, горячія головы, темпераментныя сердца! — воскликнула Роза Іерихона страстнымъ, порывистымъ тономъ. — Міръ такъ несправедливъ!.. Зло торжествуетъ!.. Кто въ эти годы не проникался великими доктринами Маркса, Лассаля и Каутскаго?.. Кто не горѣлъ желаніемъ отдать себя на служеніе обездоленнымъ и видоизмѣнить соціальныя отношенія на основахъ братства, равенства и свободы?..

Роза Іерихона остановилась. Возбужденіе ея улеглось, такъ же быстро, какъ вспыхнуло. Но въ голосѣ еще продолжали звучать нервныя нотки:

— Началась революція!.. Я привѣтствовала отъ всей души крушеніе самодержавнаго строя!.. Царизмъ уничтоженъ!.. Мрачный режимъ задушилъ себя собственными руками!.. Новая эра несетъ Россіи свѣтлую жизнь, въ томъ числѣ и намъ, бѣдному, безправному, униженному еврейству!..

— Съ большевицкимъ переворотомъ очутилась въ Москвѣ, окунулась съ головой въ новую дѣятельность и вскорѣ заняла должность секретаря въ пропагандномъ отдѣлѣ... Затѣмъ, съ группой членовъ дальневосточной комсекціи, была направлена въ заграничную командировку... Шанхай — это ядро китайскаго капитализма, былъ нашею цѣлью...

— Какъ?.. Вы тоже были въ Шанхаѣ? — невольно перебилъ я.

— Да! — отвѣтила Кліо. — Я провела въ Шанхаѣ четыре года... Но эти годы я хотѣла бы навсегда вычеркнуть изъ моей памяти...

— Почему?

Кліо замялась и, съ нѣкоторымъ усиліемъ, проговорила:

— Это годы мучительныхъ переживаній, полнаго разочарованія въ революціонныхъ идеяхъ, въ цѣлесообразности политическихъ и соціальныхъ переворотовъ... Наконецъ, это годы паденія и позора...

— Я васъ не понимаю?

Кліо на минуту остановилась, пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и сказала:

— Князь Бектабековъ, сейчасъ все станетъ вамъ яснымъ... Я — Этель изъ «Бѣлаго Лотоса»!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Въ изумленіи, я вскочилъ съ травы:

— Кліо, что вы мнѣ говорите?.. Вы — Этель?.. Вы — Этель изъ интернаціональнаго клуба мадамъ Анго?..

Молнія озарила мой мозгъ... Шанхайская жизнь вновь развернула передо мной свои чудовищныя страницы... одна за другой промелькнули картины прошлаго, которое я считалъ похороненнымъ навѣки...

— Да!.. Этель изъ «Бѣлаго Лотоса!» — съ усиліемъ повторила дѣвушка и ея смуглыя щеки покрылись румянцемъ.

— Но почему вы не признались мнѣ сразу?.. Вы также не узнали меня?..

Кліо задумчиво повела головкой:

— Я узнала васъ въ первый же день... Васъ трудно забыть... Напоминать вамъ о «Бѣломъ Лотосѣ» не входило въ мои разсчеты... Эти воспоминанія вамъ вѣроятно, такъ же непріятны, какъ мнѣ... Особенно, послѣ того случая, который произошелъ въ день десятилѣтняго юбилея... Вы его не забыли?..

— Да, конечно, я не забылъ!.. Шесть мѣсяцевъ англійской тюрьмы останутся для меня неизгладимымъ воспоминаніемъ... Красивый жестъ обошелся мнѣ дорого... И, кажется, ничего не измѣнилъ въ общемъ ходѣ вещей?..

Воцарилось молчаніе.

Только ручей, перепрыгивая съ камня на камень, журчалъ тихой мелодической пѣсней, да въ глубинѣ лѣса, призывая самку, ревѣлъ дикій козелъ...

— Но что стало съ мадамъ Анго? — спросилъ, наконецъ, я. — Гдѣ Санта-Роза, главный виновникъ этого трагическаго пассажа?.. Гдѣ остальныя дѣвушки?

— Я вамъ передамъ все, что знаю! — отвѣтила Кліо. — Слушайте!

Она опустила кувшинъ на землю и сѣла рядомъ со мной:

— Мистеръ Санта-Роза, котораго вы такъ эффектно выбросили изъ окна, къ счастью, отдѣлался пустяками... Во время его паденія, подъ окномъ проходила китайская свадебная процессія... Мистеръ Роза упалъ на подушки, на которыхъ лежала невѣста... Это спасло ему жизнь и стоило лишь двухъ сломанныхъ реберъ... Удивительный случай!.. Невѣста перепугалась до смерти, а свадебная процессія разбѣжалась, точно отъ появленія нечистаго духа... Вскорѣ, мистеръ Роза покинулъ Шанхай и уѣхалъ въ Макао...

— Что стало съ мадамъ Анго?

— Мадамъ Анго пришлось пережить рядъ непріятностей... Ей пришлось уплатить крупный штрафъ за несоблюденіе административныхъ постановленій... Клубъ былъ закрытъ и всѣ дѣвушки получили разсчетъ... Черезъ мѣсяцъ, при содѣйствіи старыхъ друзей, мадамъ Анго открыла новое заведеніе, подъ названіемъ «Храмъ Терпсихоры»...

— Что стало съ дѣвушками?

— Что стало съ дѣвушками? — переспросила Кліо. — Миссъ Модъ взялъ подъ свое по-

кровительство мистеръ Исаакъ Блюмъ... Долли и Полли получили ангажементъ, въ качествѣ дансингъ-герлсъ, и уѣхали въ Санъ-Франциско... Карменъ взялъ мосье Буланже... Лію взялъ мистеръ Морганъ... Миссъ Алла заболѣла грудной болѣзнью и скончалась въ больницѣ... Бѣдная дѣвушка!.. Какъ мы ее сожалѣли!..

Кліо остановилась и замолчала.

— Вы хотите знать, что стало со мной?— спросила она черезъ минуту. — О, мнѣ посчастливилось!.. Еще какъ посчастливилось! — произнесла она съ горькой усмѣшкой. — Женихъ прислалъ мнѣ сто фунтовъ и вызвалъ въ Одессу... Послѣ долгаго колебанія, я сѣла на пароходъ «Президентъ Эбертъ», чтобы вернуться къ роднымъ и начать новую жизнь... Вмѣсто Одессы—очутилась на этомъ островѣ!.

Кліо задумалась.

— О, многое мнѣ стало теперь понятнымъ! — воскликнула она вдругъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ и въ огромныхъ черныхъ глазахъ засверкали грозовыя зарницы.—Я не стыжусь признаться вамъ въ моихъ заблужденіяхъ!.. Красивыя слова, высокіе лозунги, святыя истины и идеи!.. Свобода!.. Равенство!.. Братство!.. Смерть капиталу!.. Да здравствуетъ соціализмъ!.. «Мы міръ, мы новый міръ построимъ!..» Все ложь и обманъ!.. Море слезъ, океанъ пролитой крови и преступленія безъ конца!.. Каждую революцію начинаютъ наивные, чистые духомъ люди, выѣзжаютъ на ней мошенники и кончаютъ ее разбойники... Революція была моей мечтой!.. Революція же меня погубила!.. О, какъ я ее ненавижу!..

И сжавъ кулаки, она посмотрѣла на меня такимъ взглядомъ, какимъ, вѣроятно, глядѣла Юдифь на отрубленную голову Олоферна.

Мы долго молчали, погруженные въ размышленіе.

— Князь, вы старый мой другъ! — тихо произнесла дѣвушка. — Вы порядочный человѣкъ... Не разсказывайте этого никому!

— Кліо, это останется между нами... Я даю вамъ честное слово!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Бесѣда съ Кліо, ея грустная повѣсть, воспоминанія о шанхайской жизни, навѣяли на меня тяжелыя мысли. А нѣсколько дней передъ тѣмъ — бесѣда съ Королевой Гортензіей, принимавшей блескъ своей жизни за драгоцѣнные камни, оказавшіеся, въ дѣйствительности, обыкновеннымъ стекломъ...

Въ сердцѣ — горечь и пустота...

Впереди — ничего!..

Я вышелъ изъ лѣса и медленными шагами направился къ морю.

Какъ всегда, былъ яркій солнечный день. Бѣлыя чайки съ крикомъ вились надъ водой. Волны набѣгали на берегъ и снова уходили назадъ, напѣвая монотонную пѣсню. И въ этой пѣснѣ, одной и той же отъ сотворенія міра, звучали однѣ и тѣ же слова:

— **Lasciate ogni speranza!..**

Въ самомъ дѣлѣ, какъ крупинка въ безпредѣльномъ пространствѣ, какъ ничтожный, крошечный атомъ, нашъ островъ затерянъ среди океана, подобно тысячамъ такихъ же маленькихъ острововъ.

Онъ не обозначенъ, конечно, ни на одной картѣ, даже на картѣ англійскаго адмиралтейства. Ни одна человѣческая нога не ступала на него, кромѣ нашей. Онъ лежитъ, несомнѣн-

но, вдали отъ великихъ морскихъ путей, въ сторонѣ отъ большой дороги, на огромномъ разстояніи отъ ближайшаго материка, въ пустынномъ водномъ бассейнѣ, не видавшемъ, на своемъ вѣку, ни одного паруса, ни одного дыма.

Отыскать этотъ островъ — все равно, что найти булавку въ сибирской тайгѣ или иголку въ африканской пустынѣ.

— Это — островъ вѣчнаго заточенія... Отсюда уходятъ только въ могилу:

— Оставь надежду навсегда!..

Я сажусь на прибрежный камень и погружаюсь въ воспоминанія... Передо мною проходитъ вся моя жизнь.

Сначала, вспоминается дѣтство въ родовой камской усадьбѣ... Нѣжныя ласки матушки, сажавшей меня на колѣни, гладившей по шелковистымъ кудрямъ, разсказывавшей сказки про волшебныя страны... Матушка, матушка!.. Уже давно тебя нѣтъ, моя дорогая старушка, но твой святой образъ, благословеніе и молитвы не покидаютъ меня никогда!..

Потомъ, мелькаютъ картины далекой юности и первой юношеской любви, ясной, какъ май, чистой, какъ майскія зори надъ Камой... И я вижу смущенное, зардѣвшееся отъ счастья и трепета, личико Вареньки, въ темномъ гимназическомъ платьицѣ, съ тугой русой косой за плечами... И я слышу робкій, взволнованный шопотъ, звукъ поцѣлуя и дрожащую соловьиную трель въ кустахъ бѣлой сирени:

— Дрррррь... Чвикъ-чвикъ-чвикъ!..

А потомъ, сознаніе воскрешаетъ рядъ лѣтъ, проведенныхъ на военной службѣ въ столицѣ, въ которой избытокъ молодыхъ силъ расточался съ такой безумной, необузданной щедростью... Забавы, страсти и увлеченія... Лю-

бовныя проказы и жизнь высшаго свѣта... Блескъ императорскаго двора... Игры съ молодыми царевнами и милостивое вниманіе государя:

— Бектабековъ, сегодня вы играете съ Ольгой!.. Мы съ Таней должны взять у васъ реваншъ!.. А сервируете вы удивительно!.. Рѣдкій ударъ!.. Блестящій ударъ!..

Роковая война и революція положили всему конецъ.

Ничего не осталось!..

Не осталось даже названія моей родины... Той дивной страны, которая лучше всѣхъ сказокъ въ мірѣ!.. Которая, какъ драгоцѣнный алмазъ, точно молодая красавица въ пышномъ, подвѣнечномъ уборѣ, сіяла въ вселенной!..

Я приподымаюсь и смотрю на море.

— Барбъ! — кричу я.

Мой голосъ звучитъ въ одиночествѣ... Только чайки испуганно кружатся надъ водой... Волны набѣгаютъ съ рокотомъ на песокъ и по прежнему звенитъ монотонная пѣсня:

— Lasciate ogni speranza!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Стрѣла, выпущенная изъ лука, просвистѣла въ воздухѣ и впилась въ стволъ арековой пальмы. Сидѣвшій на верхушкѣ павлинъ, взмахнулъ крыльями и, съ крикомъ, поплылъ надъ деревьями.

Изъ чащи раздался смѣхъ.

Въ кустахъ показалась курчавая голова. Блеснулъ лоснящійся торсъ, на которомъ солнечный лучъ висѣлъ, какъ борзая на волкѣ.

Передо мною стояла Мимоза.

Въ одной рукѣ она держала корзинку съ алыми персиками, въ другой—связку банановъ. Сама же напоминала такъ же какой-то экзотическій плодъ, сочный и сладкій, готовый упасть на землю отъ избытка таящихся силъ.

— О, господинъ! — сказала Мимоза, обнаруживъ два ряда сверкнувшихъ, какъ полинезійскій жемчугъ, зубовъ. — Дикій павлинъ — хитрая птица!.. Его нужно бить на первой зарѣ!

— Ты права!.. А кромѣ того, нужно быть болѣе искуснымъ стрѣлкомъ!

Мимоза засмѣялась:

— Это придетъ!.. Ты владѣешь лукомъ достаточно хорошо... Лучше меня.

— А ты умѣешь стрѣлять?

— Конечно!—засмѣялась снова Мимоза. — Въ дѣтствѣ меня обучали... Во время большихъ

охотъ, послѣ великихъ дождей, я стояла въ загонѣ и добивала животныхъ, которыя вырывались изъ сѣти...

— Вотъ какъ!.. Такъ ты настоящая Діана?.. Только коричневой масти!

— Я не знаю, что ты хочешь сказать! — улыбнулась Мимоза. - Но я всегда вспоминаю свое дѣтство... Это было чудесное время... Мы жили въ лѣсу, среди цвѣтовъ и дикихъ звѣрей... Небо служило намъ кровлей... Цѣлый день мы плясали и пили вино... Жизнь была точно праздникъ!..

— Это интересно!.. Почему же онъ прекратился?

Мимоза вздохнула:

— Это цѣлая исторія!.. Но ее можно разсказать въ пять минутъ... Сначала пришли съ юга, изъ великихъ степей, пазалампазу... Они убили моего отца и съѣли четырехъ моихъ братьевъ... Потомъ, пришли бѣлые люди съ сѣвера, которые стрѣляли огнемъ... Они сожгли нашу деревню, уничтожили всѣхъ мужчинъ, а молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ забрали съ собой...

— Я очутилась въ большомъ городѣ, на берегу моря... Меня продали за пятьдесятъ египетскихъ фунтовъ богатому старику... Я должна была забавлять его пляской, когда къ нему приходили друзья...

— Черезъ полгода я убѣжала и познакомилась съ Жозефомъ, который служилъ на большомъ пароходѣ, въ качествѣ боя... Жозефъ сталъ моимъ женихомъ и увезъ меня въ Парижъ...

— Вотъ какъ! — воскликнулъ я. — Что же ты дѣлала въ Парижѣ?..

Мимоза засмѣялась:

— О, въ Парижѣ у меня было много работы!.. Мы хотѣли жениться... Но для этого нужны деньги... Жозефъ поступилъ въ жацъ-бандъ... Меня взяла Маргарита Жоли — самая знаменитая кокотка Парижа... Негритянки, тигровый мѣхъ и маленькая кобра-капелла, взамѣнъ ожерелья — были въ большой модѣ... Я прислуживала моей госпожѣ, разносила записки ея друзьямъ, сопровождала ее на прогулкахъ въ Булонскомъ лѣсу, ѣздила съ нею на морскія купанья въ Біаррицъ или въ Довилль...

— Ахъ, это было счастливое время, но оно продолжалось недолго!—вздохнула Мимоза и на минуту закрыла глаза, переносясь въ прошлое. — Въ Довиллѣ мы познакомились съ маркизомъ Анри де Рокфоръ, коллекціонеромъ фарфоровыхъ статуэтокъ и фабрикантомъ извѣстнаго сыра... Маркизъ былъ неостороженъ... Ухаживая за госпожей, онъ одновременно ухаживалъ и за мной... Ему нравилась моя фигура и, такъ же, какъ ты, онъ называлъ меня смѣшнымъ именемъ—Діаной...

— Однажды, госпожа застала его въ моей комнатѣ... Госпожа разсердилась и, въ тотъ же день, я была принуждена оставить мѣсто...

— Это было несправедливо!—воскликнула возмущеннымъ тономъ Мимоза. — Тѣмъ болѣе, что маркизъ былъ старый и больной человѣкъ... Онъ былъ нездоровъ, его лихорадило и онъ просилъ меня немножко его согрѣть... Чуть-чуть... Самую капельку!

— Потомъ, меня взяла Жозефина Беккеръ и научила танцовать чарлстонъ... Потомъ, я поступила къ графинѣ Шамборъ, въ качествѣ камеристки... Вотъ и все!..

Мимоза на мгновенье задумалась:

— Чарлстонъ—забавный танецъ!.. Хочешь, я тебѣ его протанцую?.. Настоящій чарлстонъ!.. Такой, какой танцуютъ на моей родинѣ павіаны, послѣ брачной ночи!..

Мимоза положила на землю корзинку съ плодами. Затѣмъ, приподнявъ края юбки, и напѣвая незнакомый мотивъ, стала выдѣлывать ногами, задомъ и животомъ, необыкновенныя тѣлодвиженія. Сначала она производила ихъ медленно, потомъ все скорѣе, пока, наконецъ, не перешла въ дикій, изступленный танецъ и не упала, въ изнеможеніи, на траву.

— Браво!—похвалилъ я.—Ты—молодецъ!.. Дыханіе великолѣпное!.. А ноги точно изъ стали!.. Ты доставила мнѣ удовольствіе!

Мимоза лукаво улыбнулась:

— Я буду каждый день тебя забавлять!—сказала мулатка.—Ты мой господинъ!

Она подскочила ко мнѣ, прикоснулась къ рукѣ губами и тотчасъ исчезла въ кустахъ...

Тихо ложились синія тѣни...

Густой смолистый запахъ струился въ вечерѣющемъ воздухѣ... Въ вѣтвяхъ магнолій и тамариндовъ пылалъ закатъ...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Я живу на островѣ второй мѣсяцъ.

Съ каждымъ днемъ жизнь становится полнѣе и интереснѣе. Это уже не жалкое прозябаніе, знакомое мнѣ по первымъ днямъ, прозябаніе мало чѣмъ отличавшееся отъ жизни африканскихъ бушменовъ или племени батту.

Задавшись цѣлью скрасить наше существованіе на островѣ, я прилагаю въ этомъ направленіи, въ соотвѣтствіи съ теоріей излишковъ и въ ударномъ порядкѣ, всѣ усилія. Женщины дѣятельно мнѣ помогаютъ. Я вызвалъ соревнованіе. Каждая изъ нихъ, въ стремленіи заслужить мое одобреніе, исполняетъ свою задачу безукоризненно.

Авторитетъ мой растетъ съ каждымъ часомъ. Я чувствую себя, какъ неограниченный властелинъ, какъ самодержавный владыка. Мое слово — законъ. Моя похвала —награда, принимаемая, какъ принималась когда-то благодарность императорскаго рескрипта...

Но я не останавливаюсь на достигнутыхъ результатахъ.

Лучшее — врагъ хорошаго. Я не раздѣляю этой формулы цѣликомъ. И въ погонѣ за идеаломъ, послѣдовательно и упорно, съ каждымъ днемъ намѣчаю рядъ новыхъ мѣръ на пути къ дальнѣйшему совершенству...

Нашъ лагерь неузнаваемъ.

Жилища приведены въ полный порядокъ. Каждое изъ нихъ представляетъ теперь уютное гнѣздышко, убранное цвѣтами, кенгуровыми и козьими шкурами, украшенное разными бездѣлушками, въ соотвѣтствіи со вкусомъ хозяина. Каждая хижина окаймлена цвѣтникомъ, проведены дорожки, разбиты клумбы, весь участокъ обрамленъ живою изгородью изъ дикаго барбариса.

Въ короткій срокъ заведена образцовая ферма для кенгуру, козъ и кроликовъ. Устроенъ обширный фазанникъ и птичій дворъ, на которомъ гордо прогуливаются ручные фламинго и цапли. Участокъ озера отмежеванъ подъ рыбный садокъ. Разведена чайная, кофейная, ананасовая плантація. Разбитъ виноградникъ и сдѣланы первыя попытки къ выдѣлкѣ натуральнаго вина, приближающагося по вкусу къ настоящему амонтильядо...

Не оставлена безъ вниманія и наша духовная жизнь.

Время отъ времени, обыкновенно въ праздничный день, мы устраиваемъ на открытомъ воздухѣ, подъ солнечнымъ небомъ, маленькія собранія. На этихъ собраніяхъ, мы развлекаемъ себя разнообразнымъ дивертисментомъ — декламаціей, пѣніемъ, танцами.

Дама съ Камеліями, Лилитъ и Кліо, Мимоза и Королева Гортензія — въ каждой изъ нихъ, въ той или иной степени, проглядываютъ дарованія незаурядной салонной артистки.

Я выступаю въ качествѣ конферансье или же съ докладами на общеобразовательныя и популярныя темы.

Наконецъ, изъ козьихъ струнъ и палисандровыхъ досокъ я смастерилъ нѣкоторое подобіе «банджо» и, такимъ образомъ, у насъ обра-

зовался даже свой домашній секстетъ, съ достаточно обширнымъ репертуаромъ.

Одинъ Душистый Горошекъ не принимаетъ участія въ нашей концертной программѣ, предпочитая, самымъ добросовѣстнымъ образомъ, поддерживать вѣчный Огонь Прометея...

Я поймалъ нѣсколькихъ попугаевъ и занялся ихъ дрессировкой. Въ спеціальной бамбуковой клѣткѣ помѣщается до полусотни колибри, сѣренькихъ пересмѣшниковъ, алыхъ яванскихъ дроздовъ, синихъ чечотокъ, черноголовыхъ японскихъ рисовокъ и другихъ пѣвчихъ птицъ.

Двѣ обезьянки, изъ породы уистити, названныя нами Адамомъ и Евой, забавляютъ насъ въ минуты досуга.

Но самое интересное это — Лео.

Былъ день, когда я подстерегъ хищника, оказавшагося леопардовой самкой. Я убилъ ее на водопоѣ стрѣлою изъ лука, выцѣленной въ самое горло. Сопровождавшій ее дѣтенышъ, роскошный звѣрекъ, съ ярко желтымъ бархатнымъ мѣхомъ, испещреннымъ черными крапинками, попалъ въ мои руки.

Онъ былъ размѣрами не больше кошки, съ усатой мордочкой и круглыми выпуклыми глазами.

Въ короткій срокъ онъ привязался ко мнѣ, какъ собака...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Быстрый ручей, перепрыгивая съ камня на камень, пѣлъ воркующую мелодію. Прозрачная, какъ кристаллъ, вода, въ которой плавали рыбки, напоминающія форелей, была холодна, словно ледъ. Сквозь листву магнолій, апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, сверкала, какъ зеркало, поверхность озера.

Деревья подходили почти къ самой водѣ и замыкали маленькое, круглое озеро со всѣхъ сторонъ. А берега были окаймлены зеленымъ бордюромъ изъ душистой травы. Точно аметистъ или лаписъ-лазурь или, еще вѣрнѣй, густая персидская бирюза въ изумрудной оправѣ...

Было жарко.

Охота меня утомила. Десятокъ фазановъ и пѣтухъ тетеревиной породы отягощали плечо. Озеро манило прохладою, свѣжестью, своимъ тихимъ, задумчивымъ, поэтическимъ очарованіемъ.

Я лѣниво шагалъ по тропинкѣ, раздвинулъ кусты жасмина и остановился, восхищенный неожиданнымъ зрѣлищемъ.

Въ пяти шагахъ отъ меня, на берегу озера, стояла Лилитъ.

Она была обнажена. Стройная дѣвичья фигурка четко выдѣлялась на фонѣ бархатной

зелени. Маленькая головка, въ вѣнцѣ золотыхъ волосъ, и тонкія бѣлыя руки были откинуты назадъ, въ томъ положеніи, въ которомъ женщины совершаютъ прическу.

Это была идиллическая картинка изъ античнаго міра, съ Сатиромъ и Нимфой, въ знойный полуденный часъ, когда тихо дремлетъ природа и изъ рощи доносятся звуки камышевой дудочки. Для полноты сходства недоставало только козленка и порхающаго надъ нимъ мотылька.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, я стоялъ, затаивъ дыханіе, не смѣя оторвать взора, не выдавая своего присутствія. Потомъ, приподнялся и крикнулъ:

— Лилитъ!

Дѣвушка вздрогнула и обернулась.

— Лилитъ! — повторилъ я и вышелъ изъ кустовъ.

Мое появленіе было внезапнымъ. Лилитъ вскрикнула и сжалась въ комочекъ, прикрывая руками грудь и нижнюю часть живота.

Я подошелъ къ ней, зардѣвшуюся отъ смущенія, взялъ за руку, обратился съ успокоительными словами. Взоръ продолжалъ съ жадностью скользить по стройному, словно выточенному изъ молочнаго каррарскаго мрамора тѣлу, по узенькимъ плечамъ, съ которыхъ стекали хрустальныя капли, по маленькой груди, на которой огненный бликъ дрожалъ жгучимъ лобзаньемъ.

— Оставьте меня! — сказала Лилитъ, опустивъ книзу глаза, пытаясь освободиться.— Вы дѣлаете мнѣ больно...

— Нѣтъ, я не отпущу тебя! — прошепталъ я. — Я давно ищу случая побесѣдовать съ тобою наединѣ!.. Лилитъ!..

Я склонялся надъ нею все ниже и ниже.

Внезапнымъ движеніемъ, дѣвушка освободила руку и отскочила въ сторону:

— Вы нехорошій! — прошептала она. — Это гадко!.. Я не ожидала отъ васъ!..

Она скрылась въ кустахъ жасмина и только одна головка выглядывала изъ бѣлыхъ цвѣтовъ.

Я разсмѣялся:

— Лилитъ!.. Я пошутилъ!.. Не сердись на меня, моя золотая красавица!..

И въ подтвержденіе своихъ словъ, сѣлъ на траву, высѣкъ огонь и закурилъ трубку.

Лилитъ успокоилась. Гнѣвное выраженіе смѣнилось обычной улыбкой. Черезъ минуту, между нами завязалась бесѣда...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

— Я—англичанка!—сказала Лилитъ. — Вы не ошиблись... Меня зовутъ Лиліанъ Райтъ... Но я ни разу не была въ Англіи, такъ какъ родилась и выросла въ Сингапурѣ...

— Мой отецъ, командиръ королевскихъ стрѣлковъ, далъ мнѣ военное воспитаніе... Друзья моего брата научили играть въ гольфъ и крикетъ... Подруги посовѣтовали заняться кинематографической дѣятельностью ..

— Въ самомъ дѣлѣ! — съ живостью произнесла Лилитъ. — Въ какой области дѣвушка можетъ успѣшно соперничать съ мужчиной?.. Стать художницей, композиторомъ, романисткой?.. Нѣтъ!.. Въ области чистаго творчества женщина должна склониться передъ мужчиной...

— Стать инженеромъ, дипломатомъ, комиссаромъ полиціи?.. — продолжала Лилитъ. — Тѣмъ болѣе, нѣтъ.... Эта область намъ совсѣмъ недоступна... Остается, пожалуй, стать только артисткой?.. Но для артистки нуженъ талантъ... Для экрана таланта не нужно... Нужно, чтобы дѣвушка была только хороша собой и обладала красивой фигурой... Ни тѣмъ, ни другимъ Богъ меня не обидѣлъ...

— Богъ не только тебя не обидѣлъ, а отнесся съ исключительной щедростью!—замѣтилъ я.—Такой мордочкѣ можетъ позавидовать

Ліа де Путти!.. Такой фигуры нѣтъ у Глоріи Свенсонъ!.. Клянусь честью, ты сложена, какъ богиня!

Лилитъ засмѣялась:

— А вы—точно греческій богъ!—сказала Лилитъ.—Фебъ Лучезарный!.. Я буду васъ такъ называть!

Я, въ свою очередь, разсмѣялся и началъ импровизировать:

— О, ты, прекраснѣйшая изъ женщинъ!.. Щеки твои — точно половинки граната!.. Глаза твои глубоки, какъ два озера Эсевонскихъ!.. И шея твоя стройна, какъ башня Давидова!.. Станъ твой похожъ на пальму и груди твои — на грозди виноградныя!.. Твои сосцы точно двѣ серны, которыя пасутся между бѣлыми лиліями!.. И сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ!..

— Это красиво! — задумчиво сказала Лилитъ.—Но въ пансіонѣ насъ этому не учили... Это изъ Тениссона или Лонгфелло?.. Я тоже пишу стихи... А на конкурсѣ получила первый призъ и званіе «Миссъ Сингапуръ»...

— Ну, вотъ видишь!.. Кто могъ сомнѣваться?.. Въ какихъ же фильмахъ ты принимала участіе?

— Только въ одной!—проговорила Лилитъ. —Въ Сингапуръ пріѣхала холливудская труппа... Крутили «Тайну мистера Ву»... Режиссеръ предложилъ мнѣ роль Эллиноръ Твенъ... Онъ остался доволенъ моимъ дебютомъ и сказалъ, что сдѣлаетъ изъ меня звѣзду, такую точно, какъ Лиліанъ Гишъ или Анита Стюартъ, если я буду къ нему благосклоннѣй...

Лилитъ на минуту остановилась, бровки ея насупились, лицо приняло серьезное выраженіе:

— Ахъ, вы не представляете себѣ, какъ опасенъ путь для молодой дѣвушки, поступающей на службу этому чудовищному Молоху!.. Мало быть талантливой и красивой!.. Дѣло совсѣмъ въ другомъ!..

— Я поняла многое, чего раньше не понимала... Глаза мои раскрылись... Стыдъ, возмущеніе, негодованіе овладѣли моею душой... Я разочаровалась въ этомъ искусствѣ, если только можно назвать искусствомъ этотъ лубокъ, въ раззолоченной мишурѣ, это преклоненіе передъ грубымъ вкусомъ толпы, въ погонѣ за алчной наживой... Экранъ — великое изобрѣтеніе, но въ рукахъ торгашей онъ несетъ человѣчеству неисчислимое зло... Міръ развращается!.. Міръ опошляется!..

Лилитъ сорвала цвѣтокъ, закусила его своими бѣлыми зубками и продолжала:

— Такимъ образомъ, я порвала съ экраномъ и хотѣла посвятить себя благотворительности... Судьба рѣшила иначе... На балу у англійскаго резидента я познакомилась съ лейтенантомъ королевскаго флота, сэромъ Гарольдомъ Робертсонъ, и черезъ мѣсяцъ мы обвѣнчались...

— Какъ, ты замужемъ? — невольно произнесъ я.

Лилитъ потупилась:

— Да, я была замужемъ одинъ день... Мы совершали свадебное путешествіе и направлялись въ Англію, къ родителямъ моего мужа... Произошла катастрофа!.. Страшное столкновеніе въ мою первую брачную ночь... Я до сихъ поръ дрожу отъ воспоминанія...

Наступило молчаніе.

— Бѣдняжка Лилитъ! — произнесъ я. — Какая печальная свадебная поѣздка!.. А мнѣ почему-то казалось, что ты дѣвушка?..

Лилитъ снова потупилась:

— Нѣтъ, я женщина... Насъ здѣсь пять женщинъ и только одна дѣвушка — Душистый Горошекъ!..

Судьба Лилитъ наполнила меня состраданіемъ. Невольно я провелъ параллель между нею и Барбъ. Въ судьбѣ обѣихъ есть много общаго. И снова острое воспоминаніе охватило меня...

— Бѣдняжка Лилитъ! — повторилъ я, взглянувъ на ея золотую головку, въ рамкѣ бѣлыхъ цвѣтовъ. — Ну, подойди же ко мнѣ... Я тебя поцѣлую...

Лилитъ молчала.

Я приподнялся и взялъ ее за руку. Не взирая на сопротивленіе, извлекъ изъ кустовъ, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ.

— Не надо этого дѣлать! — тихо прошептала Лилитъ, прикрывая руками грудь. — Мнѣ не хотѣлось бы съ вами ссориться... Потому, что вы — the right man on the right place! — сказала она по англійски.

— А кромѣ того потому, что вы...—Фебъ! — добавила Лилитъ и засмѣялась...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Тихо и мирно струились дни нашей жизни, подобно вѣчно синему небу, не омрачаемому ни единымъ облачкомъ, ни одной грозовой тучей.

День за днемъ я веду свой дневникъ.

Всѣ происшествія, всѣ мои мысли тщательно заносятся на листья хлѣбнаго дерева, замѣняющіе бумагу. И вотъ, уже прошелъ только мѣсяцъ, какъ мой манускриптъ принялъ размѣры, не уступающіе хорошему тому Шекспира in folio.

Я не считаю себя литераторомъ, но склоненъ предполагать, что общая сумма отпущенныхъ на мою долю впечатлѣній составила бы тему для классическаго романа, въ трехъ частяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ.

Впрочемъ, что касается эпилога, объ этомъ пока не можетъ быть рѣчи. Я не могу его даже приблизительно себѣ представить, если откинуть обычный конецъ, уготованный каждому смертному. Пока же, это лишь часть вторая романа, которая имѣетъ шансы продолжаться до безконечности, еще пять, десять, можетъ быть, двадцать лѣтъ...

— Оставь надежду навсегда!..

Каждый день, въ сопровожденіи Лео, я обхожу островъ, наблюдаю морской горизонтъ

и погружаюсь въ глубокія думы... Меня еще терзаютъ воспоминанія... Нѣтъ, прошлаго не забыть и не вычеркнуть рукой неутолимаго времени!.. Бывшее нельзя сдѣлать небывшимъ!.. Въ скрижаляхъ сердца оно запечатлѣно навѣки!..

„Блаженно все, что въ тьмѣ природы,
Не зная жизни, мирно спитъ,
Блаженны воздухъ, тучи, воды,
Блаженны мраморъ и гранитъ.
Но гдѣ горятъ огни сознанья,
Тамъ злая жажда разлита,
Томятъ безкрылыя желанья
И невозможная мечта...“

И я покидаю пустынный берегъ и медленными шагами возвращаюсь домой, гдѣ женскій смѣхъ отвлекаетъ мои думы въ иную сторону... И я гляжу на моихъ милыхъ подругъ и заражаюсь ихъ настроеніемъ... Меня подкупаетъ ихъ преданность, безотговорочная покорность, нѣжная женская ласка... Все трогаетъ и восхищаетъ въ этихъ шести слабыхъ человѣческихъ существахъ, признавшихъ меня единогласно, безъ малѣйшихъ протестовъ, своимъ вождемъ, своимъ суверениымъ владыкой...

Меня начинаетъ даже нѣсколько волновать эта близость, которая носитъ пока форму корректныхъ дружескихъ отношеній.

Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что эта чистая дружба между мужчиной и шестью молодыми прекрасными женщинами, будетъ непродолжительной... Внутренній голосъ мнѣ шепчетъ, что наступитъ, въ концѣ концовъ, часъ, когда дружба уступитъ мѣсто другому, болѣе яркому, болѣе сильному чувству...

И я задумываюсь надъ этимъ вопросомъ и ловлю себя на неожиданныхъ мысляхъ:

— Кто же?.. Лилитъ?.. Королева Гортензія?.. Кліо?.. Мимоза?.. Душистый Горошекъ?.. Кому изъ нихъ суждено заключить со мною брачный союзъ?.. Кого изъ нихъ я короную своею самодержавной короной?..

Это загадка, смысла которой не разгадать.

Впрочемъ, въ любви, какъ и въ грамматикѣ, смыслъ зависитъ, какъ извѣстно, отъ окончанія...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Былъ вечеръ и гасли зеленые сумерки, разливая острый запахъ жасминовъ.

Рыжеволосая блондинка, которая носитъ имя Дамы съ Камеліями или Венеры, является душой нашего общества. Дама съ Камеліями обладаетъ незамѣнимымъ достоинствомъ.

Печаль и грусть не туманятъ ея лицо. Житейскіе скорпіоны жалятъ не очень больно эту веселую, непосредственную натуру, бывшую мидинетку и артистку парижскаго мюзикъ-холля, щедро расточавшую любовь и лучи своей славы. Запасъ исключительной жизнерадостности сочетается въ ней съ добрымъ и отзывчивымъ сердцемъ. Ея смѣхъ, звонкій, какъ серебряный колокольчикъ, звучитъ каждый день...

Я засталъ ее въ шалашѣ за обычнымъ занятіемъ.

Сидя на ложѣ изъ цвѣточныхъ волоконъ, она держала въ рукахъ кроличью шкурку и вышивала. Мое посѣщеніе ее обрадовало. Въ красивыхъ карихъ глазахъ задрожалъ огонекъ. Изъ груди вырвалось восклицаніе.

— Добрый вечеръ, Венера! — поздоровался я. — Какія новости?

Дама съ Камеліями засмѣялась:

— Какія же могутъ быть новости?.. Ха-ха-ха-ха!.. «Paris Soir» я еще не прочла... Почта опять опоздала!..

— Не болтай глупостей! — замѣтилъ я. — Лучше, разскажи мнѣ что-нибудь интересное...

— Что же тебѣ разсказать? Я вѣдь не Королева Гортензія... Я не свѣтская дама и не умѣю разсказывать сказки...

— Сказокъ я не прошу!.. Онѣ меня мало интересуютъ!.. Разскажи про свою жизнь!..

— Ахъ, вотъ какъ? — снова разсмѣялась Венера. — Развѣ это такъ интересно?

— Даже очень! — отвѣтилъ я. — Да будетъ тебѣ извѣстно, что жизнь отдѣльнаго человѣка интереснѣе исторіи цѣлаго народа, какъ сказалъ великій русскій поэтъ...

Венера задумалась. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она молчала. Потомъ, потянулась, прикрыла рукою зѣвокъ и сказала:

— Ну, ладно!.. Пусть будетъ по твоему... Какъ бы это начать?.. Начну, какъ умѣю, а тамъ будетъ видно...

Отложивъ въ сторону рукодѣлье, Венера подобрала ноги, граціознымъ движеніемъ оправила юбку и начала:

— Въ одинъ прекрасный майскій день... Нѣтъ, я начну иначе... Однажды, когда расцвѣтали каштаны... Нѣтъ, это у меня не выходитъ... Ха-ха-ха-ха! — засмѣялась Венера. — Словомъ, родилась я въ Парижѣ, въ Исси ля Мулино... Отецъ мой, Антуанъ-Шарль Готье, былъ учителемъ элоквенціи въ церковной школѣ при Notre Dame de Lorette, въ девятомъ аррондисманѣ... Мать свою я не помню... Сестры и братья — ихъ было много, одиннадцать человѣкъ, — всѣ служили... Я была младшей...

— Когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ сказалъ: «Клодина, съ завтрашняго дня ты поступаешь въ конфексіонъ «La Belle Jardinière»... Мэтръ Бержеракъ обѣщалъ тебѣ мѣсто... Приготовь завтракъ и въ восемь часовъ ступай въ магазинъ!»... Съ этого началось...

Венера кинула взглядъ въ мою сторону и продолжала:

— Мосье Изидоръ былъ добрый хозяинъ... Онъ баловалъ молодыхъ дѣвушекъ, угощалъ шоколадомъ, давалъ билеты въ кино, дѣлалъ маленькіе подарки... Кло! — говорилъ метръ, — я тобою доволенъ!.. У тебя красивое лицо, фигура и вкусъ... Ты украшеніе моего дома!..

— Однажды, въ день Всѣхъ Святыхъ, мосье Бержеракъ взялъ меня на премьеру въ «Alhambra»... Потомъ, предложилъ покататься въ авто... Потомъ, мы ужинали у Пигаля, на Большихъ Бульварахъ... Было шампанское, устрицы, тюрбо, бенедиктинъ... Потомъ...

Венера на минуту остановилась:

— Ну, что потомъ? — произнесла она съ оттѣнкомъ легкой усмѣшки. — Извѣстно, что слѣдуетъ послѣ шампанскаго и бенедиктина, когда голова идетъ кругомъ, весь міръ кажется такимъ милымъ, такимъ славнымъ, такимъ прекраснымъ и хочется только смѣяться, смѣяться... Ха-ха-ха-ха!..

Венера задумалась:

— Проснулась я на квартирѣ мосье Изидора и стала плакать... Мосье Изидоръ меня утѣшалъ, цѣловалъ плечи и грудь, говорилъ, что подаритъ новое платье и сдѣлаетъ изъ меня артистку, вродѣ Режанъ, Элленъ Одиллонъ или даже Мистангеттъ...

— Мосье Изидоръ сдержалъ свое слово... Онъ устроилъ меня сначала въ «Rat Mort», потомъ въ «La Cigale»... Я выступала въ ревю, пѣла куплеты, имѣла большой успѣхъ... Такъ продолжалось полгода, пока я не познакомилась съ барономъ Соломономъ Рейнакомъ...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

— Ахъ, это было чудное время! — засмѣялась Венера, приложивъ обѣ ладони къ своимъ разгорѣвшимся щекамъ. — Я вспоминаю его, какъ сонъ!.. Мѣха, драгоцѣнности, туалеты!.. Баронъ Рейнакъ подарилъ мнѣ авто и виллу въ Медонѣ... У меня было много друзей... Членъ палаты Леонъ Додэ!.. Князь Бони де Кастеллянъ!.. Художникъ Ванъ-Донгенъ!.. Генералъ Сенъ-Жюстъ!.. Персидскій принцъ Шафи-Ханъ!.. Старичокъ Анатоль Франсъ!.. И много другихъ, знаменитыхъ артистовъ, писателей, дипломатовъ... Былъ даже одинъ русскій великій князь... Un vraie grand duc russe!.. Прэнсъ Микита!..

Венера задумалась.

— Но любила я одного Клода!.. Капитана Клода Жерара, четвертаго полка гидовъ... Клодъ и Клодина!.. Мы любили другъ друга, какъ два голубка... Всѣ меня развлекали, — Клодъ меня увлекалъ!.. Всѣ меня одѣвали — Клодъ меня раздѣвалъ!.. Ха-ха-ха-ха!.. Это было такъ забавно!.. Славный мальчикъ!.. Онъ напоминаетъ тебя... Такой же сильный, красивый!.. Съ такими же вьющимися золотыми волосами и родинкой на щекѣ...

Венера улыбнулась и запѣла:

„Savez-vous
Pour qui le bon Dieu à fait la ro-se,
Le frais mi-mo-sa,
Le jasmin et les li-las?
Savez-vous
Pour qui les violettes sont éclo-ses?..“

Наступило непродолжительное молчаніе:

— Ахъ, ничего не вѣчно на этой землѣ! — сказала Венера, покачавъ рыжей головкой. — Счастье было мгновенно!.. Началась эта ужасная война и Клодъ отправился съ полкомъ гидовъ на фронтъ... Въ первомъ бою былъ легко раненъ... За второй бой получилъ крестъ... Въ сраженіи при Фонтенуа погибъ въ конной атакѣ...

Венера коснулась моей руки:

— Да, онъ очень напоминаетъ тебя!.. Когда онъ цѣловалъ, я теряла сознаніе... И руки у него были такія же сильныя, которыя подымали меня на воздухъ, какъ перышко... Послушай!..

Она понизила голосъ до шопота и склонилась ко мнѣ:

— Послушай, монъ пти!.. Ты начинаешь мнѣ нравиться... Ты сильный, красивый, интересный мужчина... Я знаю зачѣмъ ты пришелъ!.. Плутишка!.. Ты меня не обманешь!..

— Венера, не болтай глупостей, — строго замѣтилъ я, пытаясь оставаться спокойнымъ. — Я слушаю твой разсказъ!

— Ха-ха-ха-ха! — зазвенѣлъ серебряный колокольчикъ. — Нѣтъ, ты меня не обманешь!.. Ты вѣдь любишь меня?.. Признайся? Я это замѣтила уже давно... Иди сюда!.. Иди же ко мнѣ!..

Она тянула меня къ себѣ, прижималась грудью къ моему лицу, дрожа всѣмъ тѣломъ шептала:

— Я люблю тебя!.. Мой властелинъ, царь, мой богъ!.. Ты интересный и сильный мужчина!.. Я полюбила тебя съ первой встрѣчи!.. Ты мой единственный!.. Я буду твоей!.. Не надо другихъ!.. Уже больше года я не знаю мужчины!.. Я дамъ тебѣ все, что ты потребуешь!.. Иди же сюда!.. Иди!..

Она цѣловала мое лицо, шею, руки... Я пытался протестовать и чувствовалъ, что сопротивленіе мое слабѣетъ... Кровь ударила въ голову... Прикосновеніе женскаго тѣла затуманило мозгъ...

Венера, обхвативъ мою шею руками, увлекала меня за собой... Ея горячее дыханіе обжигало лицо...

Въ полузакрытую дверь ползъ запахъ жасминовъ...

Мигали звѣзды... Трещали цикады...

Въ лѣсу кричалъ дикій павлинъ...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Предположенія мои оправдались, притомъ, въ исключительной степени.

Прошло двѣ недѣли, всего только двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ, послѣдовательно, одинъ за другимъ, произошелъ еще рядъ событій. Они не носили характеръ какого либо чрезвычайнаго происшествія, измѣнявшаго кореннымъ образомъ наше существованіе. Жизнь протекала по прежнему, не осложняемая рѣзкими внѣшними проявленіями, но внутренній смыслъ ея сталъ болѣе полнымъ, болѣе яркимъ и многограннымъ.

Только теперь я понялъ всю цѣну привязанности ко мнѣ моихъ спутницъ, почувствовалъ силу ихъ трепещущихъ чувствъ и, въ свою очередь, безъ ложнаго пафоса, безъ драматическихъ сценъ и раздирающихъ душу сомнѣній, отдался ихъ волнующему очарованію.

Это былъ пышный пиръ, на которомъ мнѣ выпала роль счастливаго побѣдителя, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ. Женщины раздѣляютъ со мной этотъ тріумфъ. Глаза ихъ сверкаютъ радостнымъ блескомъ. Смѣхъ и улыбка не сходятъ съ ихъ устъ. И подобно цвѣтамъ, окропленнымъ живительной влагой, онѣ съ но-

вой силой тянутся къ солнцу и расточаютъ ему свои душистые поцѣлуи.

Жизнь бьетъ ключомъ. Въ каждомъ атомѣ и въ каждой былинкѣ клокочетъ могучій источникъ. Новымъ несказаннымъ свѣтомъ озарились закаты и зори. А пѣсни прибоя стали звучать торжественною симфоніей.

Дама съ Камеліями, Лилитъ и Кліо, Мимоза и, наконецъ, Королева Гортензія, пять молодыхъ и прекрасныхъ женщинъ, пріобщились къ тайнамъ любви и на ея неумолчные зовы отвѣчаютъ счастливымъ, радостнымъ кликомъ:

— Эванъ-эвое!..

Одинъ Душистый Горошекъ не принимаетъ участія въ этомъ громокипящемъ, бурнопламенномъ пиршествѣ. То сидя часами передъ «Огнемъ Прометея» и кидая въ костеръ сухія вѣтки, то блуждая по берегу моря, дѣвушка предается уединенію.

Какія думы занимаютъ ея маленькую головку?.. Что тревожитъ ея дѣтскую душу?.. Можетъ быть, она не освоилась еще съ своимъ положеніемъ?.. Можетъ быть, катастрофа и трагическая гибель родныхъ еще стоятъ передъ ней мрачнымъ призракомъ?..

Бѣдный ребенокъ!.. Мнѣ его искренно жаль!.. Я приложу всѣ усилія развѣять его тоску!..

Съ этою цѣлью я сталъ брать его на охоту.

Иногда мы проводимъ время на рыбной ловлѣ.

Я развлекаю дѣвушку бесѣдой и шутками. Дѣвушка отвѣчаетъ мнѣ робкой привязанностью, въ свою очередь, забавляетъ меня своимъ безхитростнымъ лепетомъ, своимъ наивнымъ сужденіемъ по вопросамъ общественнаго и политическаго порядка...

Держа лукъ наготовѣ, кидая зоркіе взоры по сторонамъ, я пробираюсь лѣсною чащей. За мной слѣдуетъ Душистый Горошекъ. Въ одной рукѣ у нее короткій ремень, на которомъ держится на смычкѣ Лео, черезъ плечо перекинута сѣть.

Въ чащѣ таинственный полумракъ, пряный и влажный, наполненный острымъ запахомъ прѣлыхъ травъ и ползучихъ растеній, прорѣзаемый на открытыхъ мѣстахъ снопами солнечнаго огня. Гдѣ-то воркуютъ горлинки, кричатъ фазаны, мелкою разсыпчатою дробью переливаются пѣвчія птички:

— Тиръ-лиръ-лиръ-ли!..

— Ріу-ріу-ріу-ріу!..

— Цвокъ-цвокъ-цвокъ-цвокъ!..

Но вотъ Лео поднялъ усатую морду, поводитъ носомъ, его зеленые выпуклые глаза устремлены въ одну точку.

На прогалинѣ стоитъ дикій козелъ... Чуткое ухо уловило подозрительный шорохъ... Козелъ повернулъ голову, поднялъ кверху рога, готовъ сжаться въ стальную пружину...

Поздно!..

Леопардъ дрожитъ нервной дрожью...

— Лео, пиль!

Лео дѣлаетъ два прыжка, два гигантскихъ прыжка, словно рикошетирующая пуля, выпущенная изъ нарѣзного винчестера. Еще мгновенье — и желтый пятнистый клубокъ бьется въ травѣ, надъ которой мелькаютъ рога и тонкія козлиныя ноги...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Однажды, послѣ обѣда, я взялъ сѣть и вмѣстѣ съ Душистымъ Горошкомъ направился къ морю.

Уловъ былъ удаченъ.

Наша добыча заключалась въ нѣсколькихъ крупныхъ лососкахъ, въ десяткѣ крабовъ, сотнѣ-другой креветокъ и устрицъ. Кромѣ того, въ сѣть попались четыре медузы, маленькій осминогъ и электрическій скатъ, съ необычайной энергіей бившійся въ кокосовыхъ петляхъ

Разморенные зноемъ, мы сидѣли на берегу и отдыхали. Я протянулъ руку, посадилъ дѣвушку на колѣни и произнесъ:

— Душистый Горошекъ!.. Ты славная дѣвушка... Не бойся, я тебя не обижу... Все скучаешь, бѣдняжка?.. Повѣрь, наступитъ часъ и мы всѣ вернемся домой... Вся твоя жизнь впереди!..

Дѣвушка грустно улыбнулась:

— Ахъ, господинъ лейтенантъ, я молю Бога объ этомъ! — сказала она съ обычной застѣнчивостью. — Всѣ меня любятъ и балуютъ... Я тоже всѣхъ очень люблю, а васъ больше всѣхъ... Мнѣ скучно на островѣ... А если намъ придется остаться здѣсь на всю жизнь?..

— Глупости! — произнесъ я. — Выкинь этотъ вздоръ изъ своей маленькой головки... Наступитъ часъ, явится помощь и мы вернемся домой... Клянусь тебѣ въ этомъ!.. Однако, ты такъ и не закончила мнѣ разсказъ... На какомъ же пароходѣ вы возвращались домой?..

— На «Принцессѣ Мафальдѣ»! — сказалъ Душистый Горошекъ.

— На «Принцессѣ Мафальдѣ»?— воскликнулъ я съ изумленіемъ.—Но вѣдь она погибла въ Атлантическомъ океанѣ?

— Да! — отвѣтилъ Душистый Горошекъ. -- Въ Атлантическомъ океанѣ... Мы только что пересѣкали экваторъ и по этому случаю былъ большой балъ... Всѣ были въ маскарадныхъ костюмахъ... Я была одѣта морской феей, съ длинными локонами и серебрянымъ хвостикомъ... Многихъ купали въ водѣ... Это было очень смѣшно... Мой папа одѣлся Нептуномъ, съ трезубцемъ, большой бородой и короной на головѣ... И вдругъ случился пожаръ...

— Но позволь?.. Въ Атлантическомъ океанѣ?..

Душистый Горошекъ взглянулъ на меня, не понимая моего изумленія.

Я задумался...

Въ самомъ дѣлѣ, если «Принцесса Мафальда» погибла въ Атлантическомъ океанѣ, то какимъ образомъ Душистый Горошекъ могъ очутиться, вмѣстѣ съ нами, на Островѣ Жасминовъ?..

Это какая-то логическая несообразность...

Можетъ быть, впрочемъ, Гольфштремъ или какое нибудь иное теченіе перенесло его въ восточное полушаріе?.. Однако, провести десять тысячъ миль въ океанѣ, на маленькомъ челнокѣ, безъ пищи, безъ запаса прѣсной воды, представляется непонятнымъ.

Или, можетъ быть, Островъ Жасминовъ находится совсѣмъ въ другомъ водномъ бассейнѣ, непосредственно примыкающемъ къ Атлантикѣ?.. Но, въ такомъ случаѣ, мы... Ничего не понимаю!..

Я молчалъ, погруженный въ глубокое размышленіе, пытаясь пролить какой нибудь свѣтъ на эту удивительную загадку. Только много позднѣе, все стало для меня яснымъ, опредѣленнымъ. Но сейчасъ, я находился въ полномъ недоумѣніи и бормоталъ:

— «Принцесса Мафальда»!.. Атлантическій океанъ!.. Островъ Жасминовъ!..

Я развелъ руками:

— Ничего не понимаю!

— Ну, ладно! — произнесъ я послѣ продолжительнаго молчанія. — Значитъ, изъ всей вашей компаніи спаслась только ты одна?.. Бѣдная дѣвочка!.. Тебѣ было очень страшно?

— Ахъ, вы не можете себѣ представить, какъ страшно! — пролепеталъ Душистый Горошекъ. — Я плакала и молилась Богу, чтобы онъ меня спасъ... Богъ услышалъ мои молитвы и выбросилъ меня на берегъ... А папа съ мамочкой навѣрно погибли...

— Бѣдная дѣвочка! — повторилъ я, полный участія къ этому ласковому ребенку, который дѣлитъ теперь вмѣстѣ съ нами радости и печали.

Я обнялъ дѣвушку, прижалъ къ себѣ, поцѣловалъ въ лобъ. Ея хрупкая, тоненькая, еще не сформировавшаяся фигурка, довѣрчиво прижалась ко мнѣ. Я ласкалъ ее, прикасаясь къ плечамъ, къ груди, къ узенькимъ бедрамъ. Рука моя скользнула по юбкѣ изъ цвѣточныхъ волоконъ.

Въ то же мгновенье, точно ужаленный ядовитой змѣей, словно подброшенный электрическимъ токомъ въ двѣ тысячи пятьсотъ вольтъ, я вскочилъ съ мѣста.

Душистый Горошекъ упалъ на песокъ.

Я стоялъ передъ нимъ, полный неописуемаго изумленія. Я не могъ произнести ни одного слова.

Наконецъ, я очнулся:

— Негодяй!.. Ты — мужчина?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Душистый Горошекъ заплакалъ.

— Отвѣчай же!.. Я тебя спрашиваю!.. Отвѣчай!

Я наклонился и далъ ему оплеуху. Душистый Горошекъ заплакалъ еще сильнѣе.

— Отвѣчай же! — грубо повторилъ я.

— Я мальчикъ! — произнесъ онъ, сквозь слезы, утирая руками лицо. — Не бейте меня, господинъ лейтенантъ,.. Я васъ боюсь!..

Новая неожиданность поразила меня въ этотъ удивительный день... Громъ и молнія!.. Душистый Горошекъ — мужчина!.. Вотъ такъ открытіе!.. Это исключительная сенсація!..

— Ну, не реви! — сказалъ я, когда мои мысли пришли въ нѣкоторый порядокъ.—Успокойся!.. Я погорячился и не причиню тебѣ больше вреда... Кто же ты на самомъ дѣлѣ?.. Ты мнѣ все сочинилъ?..

Душистый Горошекъ утеръ слезы, недовѣрчиво взглянулъ на меня и тихо пробормоталъ:

— Я разскажу вамъ всю правду!.. Я — графъ Станиславъ Колонна-Валевскій... Мой отецъ былъ польскимъ посланникомъ въ Аргентинѣ... Я разскажу вамъ все, только не бейте меня, господинъ лейтенантъ...

— Ну, разсказывай!.. Только не ври!.. Почему ты не признался мнѣ сразу?.. Женщины это знаютъ?

— Никто не знаетъ! — сказалъ Душистый Горошекъ. — Но скоро могутъ узнать...

— Ты хочешь имъ разсказать?

— Нѣтъ, я ничего не буду разсказывать... Онѣ догадаются сами...

— Какимъ образомъ?

Душистый Горошекъ замялся:

— Онѣ догадаются... Мнѣ трудно больше скрывать... Сначала это вышло какъ-то само собою... Меня нашли въ костюмѣ морской феи, съ локонами и серебрянымъ хвостикомъ... Меня приняли за дѣвочку... Женщины меня не стѣснялись, купались при мнѣ, разсказывали всякія смѣшныя исторіи... Я молчалъ... Потомъ, мнѣ стало стыдно признаться... Скоро онѣ догадаются сами...

Душистый Горошекъ на минуту остановился и, потупивъ взоръ, произнесъ:

— У меня начинаетъ расти борода... А кромѣ того...

— Что кромѣ того? — съ сердцемъ перебилъ я. — Что можетъ у тебя еще расти, желалъ бы я знать?

— Нѣтъ, я хочу сказать другое...

— Ну, говори же, щенокъ!.. Не заставляй себя тянуть за языкъ!

Душистый Горошекъ вторично замялся:

— Мнѣ начинаетъ нравиться Королева Гортензія! — тихо добавилъ Душистый Горошекъ и опустилъ голову.

Я расхохотался:

— Каналья!.. У тебя недурной вкусъ!.. Я тебя понимаю!

Что-то похожее на чувство ревности зашевелилось на минуту въ груди. Я принялъ

строгій видъ, поднялъ палецъ и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Этотъ вздоръ ты долженъ выкинуть изъ башки!.. Понялъ?.. Ты еще молодъ!.. Твое время еще не пришло!.. А потомъ... А потомъ, я обдумаю этотъ вопросъ!..

И поднявшись съ камня, добавилъ:

— Все что ты разсказалъ останется между нами!.. Никому ни слова!.. Понялъ, щенокъ?

— Понялъ! — прошепталъ Душистый Горошекъ.

И захвативъ сѣть, мы направились въ лагерь...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней я находился подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ Душистымъ Горошкомъ.

Неожиданное открытіе начинало меня волновать:

— Душистый Горошекъ — мужчина!.. Маленькій негодяй искусно водилъ меня за носъ!.. Какъ я не разгадалъ его природу и полъ?

И вспомнивъ ласки, которыя я ему расточалъ, мнѣ стало смѣшно...

Впрочемъ, нужно сознаться, что мальчишка дѣйствительно напоминалъ дѣвушку. Онъ былъ тонокъ и строенъ, какъ бамбуковый стебелекъ. Его хорошенькая плутовская рожица, обрамленная на подобіе моднаго бубикопфа русыми кудрями, придавала ему сходство съ юною дѣвственницей, въ томъ переходномъ возрастѣ, когда первоначальная завязь готова превратиться въ бутонъ, съ первыми скромными лепестками. Нѣжный и ласковый, онъ заключалъ много другихъ женственныхъ свойствъ.

Больше всего меня изумляло то обстоятельство, что сами женщины, столь чуткія въ этомъ отношеніи, продолжали оставаться въ невѣденіи...

Но если Душистый Горошекъ, въ извѣстномъ смыслѣ, меня только разочаровалъ, близость съ другими островитянками привела къ болѣе сложному положенію.

Между женщинами начались ссоры.

Сначала онѣ приняли характеръ незначительныхъ столкновеній. Потомъ, отношенія между ними стали выливаться въ болѣе рѣзкую форму. Наконецъ, перешли въ настоящія потасовки.

Каждый день мнѣ приходилось выступать въ качествѣ примирителя и судьи. Каждый день женщины, однѣ въ сдержанной формѣ, другія въ пылкой и страстной, выливали передо мною цѣлый потокъ обвиненій, взаимныхъ жалобъ, упрековъ...

— Sir! — говорила Королева Гортензія, своимъ ровнымъ тономъ, въ которомъ дрожали нервныя нотки. — Я отдала вамъ душу и тѣло... Вы — мой сюзеренъ!.. Я люблю васъ, какъ не любила никого въ жизни... Вы тотъ идеалъ, о которомъ я мечтала въ дѣвичествѣ... Я счастлива, если бы не сознаніе, что вы принадлежите не только мнѣ...

— Sir!, это разрываетъ мое сердце на части... C'est audessu de mes forces!.! Знать, что послѣ моей ласки васъ ласкаютъ другія —это непереносимо!.. Сознавать, что кромѣ меня, съ вами дѣлитъ любовь моя камеристка и эта уличная дѣвица, которую мы называемъ здѣсь Дамой съ Камеліями – какой стыдъ и позоръ!.. Что сказалъ бы мой мужъ, мой покойный отецъ, мой дѣдъ—герцогъ Талейранъ-Перигоръ де ля Рошефуко?..

— Sir, пока не поздно, я заклинаю васъ отвергнуть любовь другихъ женщинъ!.. Я ваша подруга и готова быть ею до конца моихъ дней... Я буду молиться на васъ!.. Каждое ваше же-

ланіе будетъ моей святыней!.. Сжальтесь надъ моими чувствами!.. Пощадите меня!.. Je vous supplie!..

Королева Гортензія склонялась къ моему плечу, рыдая цѣловала мнѣ руки. Я успокаивалъ ее и мы разставались друзьями. Могъ ли я думать, что эта гордая, самолюбивая аристократка, въ концѣ концовъ окажется обыкновенной женщиной, такой же безсильной и слабой, какъ и другія?..

Роза Іерихона, не взирая на свою разсудительность и, по складу натуры, обнаруживавшая тяготѣніе къ свободолюбивымъ и философскимъ доктринамъ, въ свою очередь, осыпала меня упреками, вонзавшимися въ душу, какъ клинокъ ножа:

— Князь! — говорила она. — Не заставляйте меня страдать!.. Я люблю васъ давно!.. Я полюбила васъ съ первой встрѣчи... еще тамъ... въ «Бѣломъ Лотосѣ!» — добавила она съ горькой усмѣшкой. — Конечно, этого вы не подозрѣвали... Теперь я раскрыла вамъ свое сердце... Я люблю васъ большой, настоящей любовью, передъ которой любовь другихъ женщинъ — ничто!.. Я способна для васъ на все!... Я пойду на подвигъ, на преступленіе!.. Если вы пожелаете, я пойду на смерть!.. Оставайтесь моимъ!.. Только моимъ!.. Я умоляю васъ!..

И я успокаивалъ Кліо, какъ успокаивалъ передъ тѣмъ Бѣлую Лилію и Мимозу...

Наибольшія огорченія мнѣ доставляла Венера.

Ея ревность столь же необузданна, какъ и любовь. Со свойственной пылкостью и непосредственностью, она позволяла себѣ возвышать голосъ и даже кричать на меня:

— А, ты снова мнѣ измѣнилъ!.. Я знаю все!.. Ты меня не обманешь!.. Я изобью твою любовницу!.. Я выцарапаю ей глаза!.. Мошенникъ!... Плутъ!.. Вье кокенъ!..

— Милый!.. Не сердись на меня! — шептала она вслѣдъ за тѣмъ другимъ тономъ. — Я люблю тебя!.. Ты мой!.. Я никому тебя не отдамъ!

Она кидалась ко мнѣ на шею и заливала лицо потоками слезъ...

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

Если анализировать собственныя чувства, я бы могъ сказать слѣдующее.

Всѣ пять женщинъ мнѣ нравятся. Больше того, я люблю ихъ, люблю въ совершенно одинаковой степени, но совсѣмъ различной любовью.

Я признаюсь въ этомъ конфиденціальнымъ порядкомъ и только страницы дневника хранятъ тайну моего сердца.

Въ Королевѣ Гортензіи меня подкупаетъ душевное благородство, тактъ, гордость прирожденной аристократки, страсть которой сдерживается полученнымъ воспитаніемъ.

Въ Мимозѣ я нахожу преданность, доходящую до предѣла. Нѣкоторыя особенности африканской натуры плѣняютъ меня въ свою очередь. Любовь этой дикарки напоминаетъ бѣшенный пламень.

Роза Іерихона—мой старый другъ. Помимо физическихъ совершенствъ, я нахожу наслажденіе отъ умственнаго общенія съ нею. Насъ связываетъ принадлежность къ одной и той же странѣ, общій языкъ, общіе взгляды и думы.

Что касается Бѣлой Лиліи, здѣсь пожалуй, эстетическое начало преобладаетъ надъ всѣми другими. Ея свѣжесть и чистота, оча-

рованіе ея дѣвичьихъ формъ, пробуждаютъ во мнѣ чувства художника и поэта.

Наконецъ, въ Дамѣ съ Камеліями я вижу, по преимуществу, веселую, ласковую любовницу, развлекающую меня, какъ лакомствомъ, своими пѣсенками и смѣхомъ.

Каждая изъ этихъ женщинъ заслуживаетъ любви. Въ каждой изъ нихъ много своеобразныхъ достоинствъ. Я не могу остановить свой выборъ исключительно на одной.

Это было бы высшей несправедливостью!

И мнѣ приходитъ въ голову мысль: если воплотить всѣ эти достоинства въ одной женщинѣ — это былъ бы истинный идеалъ!..

Когда ссоры приняли серьезный характеръ, я предпринялъ рядъ попытокъ къ ихъ прекращенію.

Я уговаривалъ женщинъ, взывалъ къ ихъ добрымъ чувствамъ, упрашивалъ прекратить взаимныя распри во имя нашего общаго блага. Всѣ попытки были безплодны. Все было тщетно. Ссоры не прекращались. Положеніе приняло угрожающій оборотъ.

Послѣ долгаго размышленія, я принужденъ былъ рѣшиться на крайнюю мѣру...

Я созвалъ женщинъ, принялъ сосредоточенный видъ и заявилъ:

— Медамъ!.. Мое появленіе на островѣ послужило причиной раздоровъ!.. Всѣ просьбы мои безуспѣшны!.. Примѣръ Душистаго Горошка, единственнаго, не принимающаго участія въ вашихъ непозволительныхъ ссорахъ, не встрѣчаетъ достойнаго подражанія!..

— Я пришелъ и я ухожу!.. Какъ я уйду— это вопросъ другой!.. Въ моемъ распоряженіи есть достаточно средствъ... Сокъ ядовитаго корня!.. Петля!.. Наконецъ — море!.. Это бу-

деть, пожалуй, лучшій способъ!.. Вы избавитесь отъ меня и ваши несогласія прекратятся!..

Женщины смотрѣли на меня широко раскрытыми, отъ изумленія, глазами.

— Я попробую испытать еще одно средство! — продолжалъ я, выдержавъ паузу. — Если оно не поможетъ, я уйду отъ васъ навсегда... Даю честное слово!..

— Каждая изъ васъ имѣетъ право на мое вниманіе и любовь!.. Въ каждой изъ васъ я вижу преданную подругу!.. Каждую изъ васъ я люблю въ совершенно одинаковой степени!.. Ваши жалобы несправедливы!.. Ваши упреки неосновательны!.. Ни одну изъ васъ я не считаю вправѣ обидѣть!.. Я остаюсь при неизмѣнномъ рѣшеніи!.. Я даю сроку одну недѣлю!.. А пока, моей благосклонностью будетъ пользоваться только Душистый Горошекъ!..

И круто повернувшись, я вышелъ...

Разсчетъ превысилъ мои ожиданія.

Прошло только три дня. Отношенія измѣнились самымъ неожиданнымъ образомъ. Наступило полное примиреніе. Въ особенности, послѣ случая, который произошелъ съ Дамой съ Камеліями, сдѣлавшей попытку пойти наперекоръ моей волѣ. Я выдержалъ роль до конца и, не взирая на слезы, подвергъ ее установленной карѣ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ. Впрочемъ, въ виду искренняго раскаянія, сократилъ наказаніе наполовину.

Послѣ этого, миръ и согласіе не нарушались...

Это было мудрое и продуманное рѣшеніе, достойное, можетъ быть, царя Соломона.

— О, женщины, какъ легка побѣда надъ вами, если только отыскать путь къ вашему сердцу!..

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Законы природы неизмѣнны и вѣчны.

Они, какъ приливъ и отливъ, который приходитъ, уходитъ и снова возвращается, въ свои сроки, съ математической точностью...

Не прошло года со дня прибытія моего на островъ, какъ населеніе его увеличилось почти вдвое. Оно увеличилось естественнымъ образомъ. Шесть очаровательныхъ крошекъ, шесть мальчиковъ, шесть маленькихъ князей Бектабековыхъ, появились, одинъ за другимъ, какъ грибы въ лѣтній день, послѣ теплаго дождика.

Бѣленькіе и розовенькіе, а одинъ совсѣмъ смуглый, съ бронзовой кожицей, напоминавшей цвѣтъ кокосоваго орѣха, золотистые и черноволосые, рыженькіе и русые, всѣ съ хохолкомъ и родинкой на правой щекѣ — отличительнымъ бектабековскимъ признакомъ, появились въ строго установленный срокъ.

Раньше другихъ, матерью стала Дама съ Камеліями. Она назвала своего первенца Купидономъ.

За нимъ появился темнокожій Нарциссъ. Потомъ, бѣленькій, какъ барашекъ, Фебъ, котораго Лилитъ, въ мою честь, назвала этимъ поэтическимъ именемъ.

Кліо подарила мнѣ кудрявенькаго Орфея. Наконецъ, Королева Гортензія принесла пару

прелестныхъ двойняшекъ, которые, на общемъ семейномъ совѣтѣ, были окрещены Касторомъ и Поллуксомъ.

Одинъ Душистый Горошекъ былъ лишенъ радостей материнства...

Появленіе шести крошекъ внесло въ нашу жизнь разнообразіе, наполнило ее новымъ смысломъ, расцвѣтило радостными огнями. Къ прежнимъ обязанностямъ прибавились и другія. Онѣ неслись шутя, съ веселымъ смѣхомъ, съ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своему долгу...

Новыя мысли стали приходить въ голову.

Я думалъ о томъ, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и наша маленькая колонія, состоявшая первоначально изъ семи человѣческихъ душъ, увеличится настолько въ своемъ размѣрѣ, что островъ окажется тѣсенъ. Мнѣ вспомнилась старая аксіома, согласно которой приростъ населенія совершается въ геометрической прогрессіи, въ то время, какъ продукты питанія увеличиваются только въ арифметической.

Этотъ выводъ наводитъ на серьезныя размышленія. Ибо — «gouverner — c'est prevoir!», другими словами, «управлять — это предвидѣть!», какъ сказалъ извѣстный государственный дѣятель.

Впрочемъ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ моемъ распоряженіи имѣется еще запасъ времени, и проблема не носитъ актуальнаго характера, требующаго немедленнаго рѣшенія.

Другой вопросъ выросъ передо мной въ полномъ объемѣ, а именно — вопросъ о Душистомъ Горошкѣ. Пройдетъ какой-нибудь годъ и я буду поставленъ въ необходимость позаботиться о его брачной жизни. Гдѣ и какимъ образомъ я отыщу ему подругу — эта задача

представляется для меня въ видѣ уравненія съ очень большимъ количествомъ неизвѣстныхъ? Ибо объ уступкѣ ему одной изъ моихъ пяти женъ не можетъ быть рѣчи...

Между тѣмъ, дни текли одинъ за другимъ.

Миновалъ годъ жизни на островѣ. Я не имѣлъ причинъ быть недовольнымъ ею. Она отвѣчала моимъ влеченіямъ. Ничто не омрачало ее ни на одинъ мигъ. Она струилась, какъ ручеекъ, посреди цвѣтущаго луга...

И проводя дни на прогулкахъ, въ сопровожденіи вѣрнаго Лео, я сливался съ природой и, въ порывѣ экстаза, декламировалъ цѣлыя строфы, прислушиваясь къ пѣнію моря и музыкѣ русскаго языка:

„Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса...
И эту узкую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!.“

Дни текли одинъ за другимъ...

Былъ тихій, мирный покой!.. Была радость и очарованіе женской ласки, любви!.. Было несказанное счастье!..

Но наступилъ, часъ, когда произошло обстоятельство, самымъ рѣзкимъ образомъ измѣнившее теченіе моей жизни.

Трагическій, роковой часъ!..

Возвращаясь однажды съ прогулки, я увидѣлъ неожиданную картину.

Душистый Горошекъ плясалъ возлѣ костра и, подбрасывая въ него смолистыя вѣтки, кричалъ:

— Парусъ!.. Я вижу парусъ!..

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Въ самомъ дѣлѣ, на морѣ виднѣлся парусъ.

Сначала, это казалось бѣлою точкой, сверкавшей на водѣ, словно чайка. Съ каждой минутой очертанія становились все явственнѣй. Вскорѣ надъ водой поднялся весь рангоутъ, съ двумя мачтами, съ тупымъ носомъ, съ неуклюжимъ, тяжелымъ кузовомъ, напоминавшимъ торговое китайское судно.

Сомнѣній быть не могло.

Судно приближалось къ острову. Оно замѣтило нашъ маякъ, огненнымъ факеломъ вздымавшійся къ небу, изрыгавшій столбъ чернаго дыма.

Мы спасены!..

Кто бы ни были люди, находящіеся на суднѣ, они окажутъ намъ помощь...

Часъ избавленія наступилъ!..

Въ волненіи, мы стояли на берегу, наблюдая приближеніе корабля. Женщины выражали радость тихими возгласами. Душистый Горошекъ, въ припадкѣ буйной веселости, танцовалъ и катался по землѣ. Я сохранялъ видимое спокойствіе, но переживалъ странное чувство...

Съ одной стороны, я не могъ не раздѣлять вполнѣ естественной радости по поводу грядущаго возвращенія къ роднымъ очагамъ,

къ культурѣ, къ цивилизаціи, ко всему тому, съ чѣмъ былъ связанъ на протяженіи многихъ лѣтъ.

Образъ Барбъ вновь ожилъ въ моей душѣ...

Съ другой стороны, жизнь на уединенномъ островѣ, въ первобытныхъ условіяхъ, среди волшебной природы, вдали отъ человѣческаго общества и его лицемѣрной морали, отвѣчала моей натурѣ.

Чего мнѣ недостаетъ?..

Я живу, какъ неограниченный властелинъ, какъ коронованный повелитель, какъ самодержецъ, облеченный полнотой власти... Природа расточаетъ мнѣ всѣ богатства... Пять преданныхъ женщинъ, прекрасныхъ, какъ благоухающіе цвѣты, дарятъ меня неподкупной любовью...

Что ожидаетъ меня при возвращеніи въ Европу?..

Родины у меня нѣтъ и, вѣроятно, еще долго не будетъ... Десять лѣтъ я ожидаю наступленіе русскаго Термидора и начинаю терять надежду... Наконецъ, даже въ случаѣ крушенія ненавистной совѣтской власти и возвращенія домой, я встрѣчаю тамъ совершенно новый, чуждый, незнакомый мнѣ бытъ... Я никогда не увижу той, милой моему сердцу, яркой и пышной царской Россіи, съ родовыми отцовскими гнѣздами, съ ширью мирныхъ полей, съ тихимъ провинціальнымъ укладомъ, съ гордымъ блескомъ столицъ и парадами императорской гвардіи, со всѣмъ тѣмъ, что покрывалъ своими мощными крыльями русскій Двуглавый Орелъ...

Исчезла Россія, великая и привольная, свѣтлая и могучая!.. Отлетѣлъ ея духъ... Злобой, слезами и кровью напоена родная

земля!.. Все загажено, все исковеркано, все разрушено до основанія!..

Близкихъ людей у меня такъ же нѣтъ... Всѣхъ пожралъ огонь революціи... Я одинокъ!.. Блага, связанныя съ европейской культурой, меня не соблазняютъ... Я отрекаюсь отъ современной упадочной кокаинной и фоксъ-троттной цивилизаціи, отъ всей пошлости и обмана, прикрываемыхъ лживымъ флагомъ народоправства, предпочитая существовать въ первобытныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ жили мои далекіе предки...

Запахъ жасминовъ и орхидей для меня дороже запаха мостовыхъ, хотя бы асфальтовыхъ!..

Куполъ синяго неба я не промѣняю на плафонъ парижской Grand Opèra и даже на потолокъ Учредительнаго Собранія...

Пѣсни моря мнѣ милѣй звуковъ жацъ-банда, марсельезы, рѣчей новыхъ Мирабо и Дантоновъ!..

Остается лишь Барбъ, воспоминаніе о которой наполняетъ сердце щемящею болью... Но время, мало по малу, уничтожаетъ эти слѣды, какъ память о любимомъ когда-то покойникѣ...

— Ахъ, зачѣмъ появился этотъ корабль, нарушившій теченіе моей жизни, подобно камню, брошенному въ зеркало тихихъ, идиллическихъ водъ!..

Я взглянулъ съ безпокойствомъ на кинувшее якорь судно и направился къ своей хижинѣ. Упавъ на цвѣточное ложе, я закрылъ глаза и отдался волнующимъ меня мыслямъ.

Я лежалъ часъ-другой, раздираемый противорѣчіями, не будучи въ состояніи остановиться на опредѣленномъ планѣ, чувствуя, что воля начинаетъ меня покидать...

Неожиданно раздался стукъ въ дверь и вошла Королева Гортензія. Она имѣла взволнованный видъ. На матовыхъ щекахъ горѣлъ блѣдный румянецъ.

— Sir! — сказала Королева Гортензія. — Мое появленіе покажется вамъ необычнымъ, но прошу выслушать мои слова... Отъ лица колоніи я обращаюсь къ вамъ съ заявленіемъ... Можетъ быть, оно васъ удивитъ... Мнѣ не хотѣлось бы объяснять вамъ причины... Надѣюсь, вы ихъ поймете?..

И выдержавъ паузу, сказала:

— Мы желаемъ остаться на Островѣ Жасминовъ!

Выдержавъ новую паузу, добавила тихимъ голосомъ:

— Но вы остаетесь, конечно, съ нами...

Королева Гортензія остановилась и, въ ожиданіи отвѣта, молча глядѣла на меня. Ни единымъ жестомъ не выдавъ своего чувства, я отвѣтилъ:

— Ваше заявленіе мною принято!.. Черезъ часъ, я вынесу вамъ свое рѣшеніе!

Королева Гортензія отвѣсила глубокій поклонъ и вышла изъ шалаша...

Я засмѣялся, какъ рѣдко смѣялся въ своей жизни... Я думалъ не долго... Въ сущности говоря, что оставалось мнѣ дѣлать, какъ только не присоединиться, самымъ искреннимъ образомъ, къ выраженному желанію? Оно отвѣчало моимъ тайнымъ мыслямъ... Оно клало предѣлъ моимъ колебаніямъ... Все стало опредѣленнымъ...

Черезъ часъ я вышелъ и заявилъ:

— Мы остаемся!

Мои слова были встрѣчены рукоплесканіями. Женщины цѣловали мнѣ руки. Только Душистый Горошекъ принялъ извѣстіе по иному. Онъ разрыдался и, сквозь обильно струившіяся слезы, кричалъ:

— Я не хочу оставаться!.. Я хочу ѣхать домой... Я ненавижу Островъ Жасминовъ!..

— Дурочка! — произнесъ я съ улыбкой. — Перестань плакать!.. Никто не будетъ тебя неволить!.. Ты можешь ѣхать, куда угодно!..

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Отъ джонки отдѣлился челнокъ и направился къ берегу.

Черезъ четверть часа передъ нами стояло семь мужчинъ. Старшій изъ нихъ, человѣкъ гигантскаго роста, черноволосый, съ изрытымъ оспой и обезображеннымъ глубокимъ шрамомъ лицомъ, въ живописномъ костюмѣ, въ высокихъ сапогахъ и широкополой шляпѣ на головѣ, съ двумя кухенрейтеровскими пистолями, засунутыми за кожаный поясъ, былъ повидимому начальникомъ.

Рядомъ съ нимъ держался его помощникъ, одѣтый въ форму матроса, маленькій, широкоплечій, съ кривыми ногами, съ звѣрскимъ, отталкивающимъ лицомъ, которое наполовину скрывалось въ глубоко сидящемъ тропическомъ шлемѣ.

Остальные были китайцы...

— Кто вы такіе? — спросилъ гигантъ, на ломаномъ англійскомъ языкѣ.

Я выступилъ впередъ и отвѣтилъ:

— Я лейтенантъ царскаго флота!.. Эти женщины—мои жены!.. Мы жертвы кораблекрушенія и живемъ на островѣ второй годъ!

Гигантъ оскалилъ ротъ и обратился къ матросу:

— Однако, этотъ лейтенантъ, какъ я вижу, недурно устроился?.. Одинъ на шестерыхъ!.. Словно султанъ турецкій!.. Хоть бы намъ уступилъ парочку!.. Что ты скажешь, Донъ-Руссо?..

Матросъ мрачно взглянулъ на меня:

— Я знаю этого человѣка! — процѣдилъ онъ, сквозь зубы. – Мы были съ нимъ когда-то знакомы!.. Это товарищъ Бектабековъ!

По моему тѣлу, словно отъ прикосновенія змѣинаго жала, пробѣжала холодная дрожь.

— Не ожидалъ, товарищъ, васъ встрѣтить!—добавилъ матросъ.—Не узнаете, чай?.. А я вѣдь Малашкинъ!..

Я вздрогнулъ снова.

Товарищъ Малашкинъ!.. Гнусный чекистъ!.. Цареубійца!.. Онъ живъ и стоитъ сейчасъ передо мной!.. Значитъ, я не утопилъ его въ Вангъ-Пу?..

Съ усиліемъ овладѣвъ собой, я отвѣтилъ:

— Товарищъ Малашкинъ, теперь я васъ узнаю... Что вамъ угодно?

Матросъ захохоталъ:

— Что угодно?.. Многое мнѣ угодно, ежели желаете знать!..

— Оставь, Донъ-Руссо!—перебилъ гигантъ. — Женщинъ съ щенятами мы заберемъ съ собой!.. А онъ можетъ здѣсь оставаться до второго пришествія!.. Каррамба!.. На кой онъ намъ чортъ?

— Извиняюсь! – въ свою очередь перебилъ гиганта Малашкинъ.—Тебѣ онъ, можетъ быть, и не нуженъ, а мнѣ пригодится... Морской Тигръ, ты долженъ отдать его мнѣ!.. У меня съ нимъ есть маленькій счетецъ!..

— Счетецъ? - расхохотался гигантъ. — Ну, чортъ съ тобой!.. Въ такомъ случаѣ, бери и его!.. Да только гляди въ оба!.. Перевези ихъ

сейчасъ же на джонку со всѣмъ добромъ!.. А я наберу воды и провизіи!.. На разсвѣтѣ мы снимемся съ якоря!

— Этого не будетъ! — возразилъ я съ запальчивостью. — Мы рѣшили остаться на островѣ!

Морской Тигръ ударилъ себя по ляшкамъ и снова расхохотался:

— Ха-ха-ха-ха!.. Это мнѣ нравится!.. Онъ рѣшилъ остаться на островѣ?.. Вы понимаете — онъ рѣшилъ?.. Demonio sagrado!.. Онъ разговариваетъ со мной, точно императоръ китайскій!.. Ужъ не думаешь-ли ты мнѣ угрожать?.. Скажите пожалуйста!.. Какой храбрецъ нашелся!.. Онъ плюетъ на мое приказаніе!.. Каррамба!.. Да, понимаешь-ли ты съ кѣмъ говоришь?.. Эй, люди, связать его!..

Пять китайцевъ, въ одно мгновенье, набросились на меня.

Ударомъ кулака я сшибъ двоихъ съ ногъ. Третьяго прижалъ носомъ къ землѣ. Не взирая на жестокое сопротивленіе, въ концѣ концовъ, былъ избитъ, связанъ по рукамъ и ногамъ и, черезъ пять минутъ, лежалъ на днѣ лодки.

Я слышалъ раздирающіе крики и плачъ женщинъ, ругательства бандитовъ, грубый смѣхъ Малашкина и Морского Тигра...

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Джонка мѣрно покачивалась на волнахъ прибоя.

Связанный кокосовыми канатами, я лежалъ на грязномъ полу чулана, въ которомъ хранились остатки провизіи и стояли бочки для прѣсной воды. Въ чуланѣ было темно. Только небольшой снопъ свѣта пробивался сквозь щель въ потолкѣ и освѣщалъ уголъ.

Я чувствовалъ голодъ и невыносимую жажду. Тѣло ныло въ суставахъ... О будущемъ я не задумывался.

Я зналъ, что оно не предвѣщаетъ ничего хорошаго... Впереди — смерть!.. Какова она будетъ?.. Выстрѣлъ изъ нагана въ затылокъ или, можетъ быть, смерть съ предварительными мученіями, съ издѣвательствомъ, съ пытками?.. Все можно ожидать отъ злобнаго звѣря, проникнутаго единственнымъ чувствомъ мести... Близкій конецъ, во всякомъ случаѣ, неизбѣженъ!..

Я примирился съ этою мыслью и оставался спокоенъ... Сколько разъ я глядѣлъ уже смерти въ лицо... Она меня не страшила!.. Меня мучило, главнымъ образомъ, сознаніе моей безпомощности и тотъ удѣлъ, который готовится женщинамъ... Что должны будутъ онѣ перенести?.. Какія обиды, какія насилія

отъ этихъ, утратившихъ человѣческую совѣсть, людей?..

Я лежалъ часъ, два, можетъ быть, три... Снопъ свѣта исчезъ съ потолка и замерцалъ на стѣнѣ... Черная жирная крыса подбѣжала къ моему лицу, обнюхала его со всѣхъ сторонъ и скрылась въ противоположномъ углу...

Неожиданно послышался шорохъ.

Раздался легкій скрипъ, дверь пріоткрылась, надо мною склонилась Мимоза.

— Тсссъ! — произнесла она шопотомъ. — Вставай, господинъ!

Въ ея рукахъ сверкнулъ кухонный ножъ. Быстрымъ движеніемъ она освободила меня отъ веревокъ, помогла приподняться, сунула ножъ.

— Всѣ пьяны! — прошептала она. — На палубѣ только матросъ!.. Остальные заперты мною въ камбузѣ!..

Я вскочилъ на ноги... Лучъ надежды блеснулъ въ мозгу... Злоба придала мнѣ силы...

— О, теперь я дорого продамъ свою жизнь!..

Осторожною поступью, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, я очутился въ дверяхъ и сталъ подыматься по лѣсенкѣ:

— Сейчасъ или никогда!

Малашкинъ сидѣлъ па палубѣ и курилъ. Онъ смотрѣлъ безучастнымъ взоромъ на островъ, поминутно сплевывалъ тонкой струей и цѣдилъ, сквозь зубы, унылый, клейкій мотивъ:

„Э-эхъ, да слав-ное море, да священ-ный Байкалъ,
Э-эхъ, да слав-ный корабль, да омулевая боч-ка..“

Медленными шагами, крадучись, точно хищникъ въ тропической джунглѣ, я приближался къ нему, сжимая ножъ, сосредоточивъ всѣ силы для рѣзкаго, неожиданнаго удара.

Лучше всего нанести ударъ въ шею, прямо въ сонную артерію... Матросъ даже не вскрикнетъ... Это будетъ смертельный ударъ!..

Я находился всего въ трехъ шагахъ... Плотный, загорѣвшій отъ солнца, заросшій черною курчавою шерстью затылокъ, притягивалъ, какъ магнитъ... Я намѣтилъ точку, на самой серединѣ затылка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ шеей, и гдѣ у матроса сидѣлъ, точно жукъ, красный изъязвившійся чирей... О, съ какимъ наслажденіемъ я всажу сейчасъ въ эту точку холодное жало клинка!..

Я размахнулся и...

Зацѣпившись ногой за якорную цѣпь, я потерялъ равновѣсіе...

Раздался крикъ...

Въ одно мгновенье, Малашкинъ сидѣлъ на мнѣ...

И между нами завязалась борьба...

Борьба не на жизнь, а на смерть!.. Точно такая борьба, какъ когда-то въ волнахъ Вангъ-Пу!.. Борьба до послѣдняго вздоха!.. На карту поставлено все!..

Вцѣпившись мертвой хваткой другъ въ друга, перекатываясь по палубѣ, обдавая хриплымъ дыханіемъ, мы вели поединокъ, какъ два смертельныхъ врага, не знающіе пощады...

Тѣло мое болѣзненно ныло отъ малѣйшаго прикосновенія... Руки и ноги затекли отъ веревокъ и продолжительнаго лежанія на землѣ... Къ горлу подступала необъяснимая тошнота...

Ножъ выскользнулъ изъ моихъ рукъ... Матросъ ловкимъ движеніемъ подхватилъ его

и снова подмялъ меня подъ себя... Онъ былъ силенъ, какъ быкъ... Я видѣлъ синее небо и одновременно видѣлъ, какъ острое жало клинка все ближе и ближе склонялось къ моему горлу...

— А-а-а!.. Хръ-хръ! — хрипѣлъ матросъ, навалившись на грудь и бѣшенымъ усиліемъ разнимая мои руки. — Я жъ тебя!.. Ужо погоди!.. Таперь не уйдешь!..

Его искаженное сатанинскою злобой лицо склонилось надо мной въ послѣдній разъ... Силы меня покидали... Сверкнулъ на солнцѣ клинокъ... Еще мгновенье...

Тѣнь, легкая, какъ пушистое облачко, пронеслась въ воздухѣ.

Матросъ, съ дикимъ крикомъ, выронилъ ножъ и повалился въ сторону. Вцѣпившись зубами въ плечо, на немъ сидѣлъ Лео...

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

То что произошло въ дальнѣйшемъ, напоминаетъ фантастическую сказку изъ «Тысячи и одной ночи». Эпизоды слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ, словно это была не дѣйствительность, а волшебныя тѣни экрана...

Привязанный къ мачтѣ матросъ, цареубійца Малашкинъ... Леопардъ съ окровавленной мордой, глядящій на меня своими зелеными выпуклыми глазами и помахивающій пятнистымъ хвостомъ... Взволнованныя женщины, съ плачущими отъ голода крошками на рукахъ... Пьяные крики китайцевъ, запертыхъ мулаткой въ камбузѣ... А кругомъ — безбрежное море, Островъ Жасминовъ и золотые солнечные лучи...

Точно волшебный калейдоскопъ, сотканный изъ причудливой игры свѣта и тѣней...

Медлить нельзя ни минуты.

Съ помощью Мимозы, я вытащилъ якорь, поднялъ большой парусъ и кливеръ, имѣя намѣреніе немедленно выйти въ море. Это было безумное предпріятіе. Безъ пищи и запаса прѣсной воды, безъ помощниковъ, если не считать отважной мулатки, съ бандой злодѣевъ, могущихъ ежиминутно освободиться, мы шли на рискъ погибнуть даже при незначительномъ штормѣ.

Но иного выбора не было.

Оставалось только это единственное рѣшеніе...

Легкій бризъ надулъ паруса. Джонка вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Носъ медленно повернулся на сѣверъ...

Я стоялъ у руля и смотрѣлъ на Островъ Жасминовъ.

Онъ былъ видѣнъ, какъ на ладони. Прибрежныя скалы, высокія пальмы и буйная чаща кустовъ, наши уютныя хижины, клумбы цвѣтовъ и пылавшій на утесѣ Огонь Прометея — все проплывало яркою панорамой передъ моимъ взволнованнымъ взоромъ.

— Крррі у-крррі у! — кружились бѣлыя чайки и суетились на берегу люди. Они дѣлали намъ знаки рукой. Потомъ, можно было видѣть, какъ люди бросились къ лодкѣ, схватились за весла и стали грести по направленію къ джонкѣ.

Напрасныя усилія!..

Джонка уходила отъ нихъ, какъ альбатросъ отъ водяной курочки. Доносились крики, проклятія... Пахъ-пахъ! — хлопнуло, какъ хлопушка, нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ.

Я хохоталъ и, на прощанье, махалъ рукой...

Неожиданно подбѣжалъ Душистый Горошекъ. Онъ указывалъ на востокъ, отъ волненія задыхался и кричалъ только одно слово:

— Дымъ!

— Дымъ!.. Дымъ! — повторяли за нимъ женщины, всплескивая руками.

Дымокъ приближался.

Онъ тянулся длинной спиралью надъ горизонтомъ. Показались четыре тонкія мачты, четыре высокихъ трубы, сѣрый растянутый кузовъ... Точно таинственный крейсеръ, тотъ самый, на которомъ я началъ свою военную

службу, на которомъ получилъ боевое крещеніе, при защитѣ Паркалауддской морской позиціи..

— «Аврора»! — машинально прошепталъ я.

Впрочемъ, судя по очертаніямъ, это было военное судно второго ранга — эскадренный миноносецъ или легкій бронепалубный крейсеръ. На кормѣ гордо развѣвался англійскій флагъ.

Съ лѣваго борта сверкнула струя огня... Четко прогремѣлъ выстрѣлъ... Ядро шлепнулось передъ носомъ и загородило намъ путь...

Крейсеръ требовалъ позывныхъ. Но въ моемъ распоряженіи не было никакихъ флаговъ. Я повернулъ кливеръ, легъ въ дрейфъ и началъ сигнализировать руками по международному коду. Мулатка, вооруженная мѣшкомъ отъ бобовъ, быстро вскарабкалась по вантамъ на мачту и прикрѣпила импровизированный флагъ.

Черезъ четверть часа, крейсеръ «Айронъ Дюкъ» подошелъ къ джонкѣ. Судьба дала намъ неожиданное спасеніе!..

Этотъ день былъ омраченъ только однимъ трагическимъ эпизодомъ. Повинуясь необъяснимому чувству, я подошелъ къ привязанному матросу:

— Негодяй! — произнесъ я. — Рея или вѣчная каторга?.. Выбирай!..

И поднявъ одну руку къ верхушкѣ мачты, другою я указалъ на Островъ Жасминовъ:

— Я дарю тебѣ жизнь!.. Только потому, что ты русскій!.. Когда стемнѣетъ, отвяжешь челнокъ!.. Понялъ?

Освободивъ отъ веревокъ матроса, я стоялъ передъ нимъ, съ наганомъ въ рукѣ. Малаштинъ молчалъ и тупо поводилъ глазами:

— Спасибо, братишка! — произнесъ онъ, наконецъ, глухимъ голосомъ. — Ничего не подѣлаешь!.. Твоя взяла!.. Ввѣкъ этого не забуду...

Матросъ взглянулъ мелькомъ на крейсеръ, потомъ однимъ прыжкомъ, совершнно внезапно, подскочилъ къ борту и, черезъ мгновенье, очутился въ водѣ. Вынырнувъ на поверхность, увѣренными саженками сталъ плыть по направленiю къ острову.

Мы слѣдили за нимъ, пораженные неожиданностью.

Матросъ не отплылъ и двадцати саженъ, какъ изъ воды, блеснувъ бѣлымъ брюхомъ, показалась гигантская пасть съ острыми и частыми, какъ зубья пилы, зубами.

Раздался крикъ.

Черезъ минуту, поверхность моря была спокойна, какъ зеркало.

Только въ одномъ мѣстѣ расходилось кругами кровяное пятно.

— Да свершится предопредѣленное Рокомъ!..

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Крейсеръ «Айронъ Дюкъ», принадлежавшій къ составу эскадры Индійскаго океана, направлялся съ запечатаннымъ пакетомъ въ Аденъ.

Онъ не былъ вправѣ измѣнить маршрутъ и опоздать на «рандеву» съ аденскимъ стаціонеромъ. И послѣ семидневнаго путешествія, проведенннаго въ условіяхъ полнаго удобства, высадилъ насъ на аравійскомъ берегу.

Вѣсть о возвращеніи семи человѣкъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, была немедленно передана по радіо и успѣла проникнуть во всѣ газеты. Въ Аденѣ ожидалъ спеціально зафрахтованный французскимъ правительствомъ пакетботъ «Жаннъ Д'Аркъ», который долженъ былъ доставить насъ въ Марсель..,

Красное море, Суэцкій каналъ, Портъ-Саидъ — промелькнули въ одно мгновенье. Съ выходомъ въ Средиземное море начался послѣдній этапъ нашего путешествія.

На четвертыя сутки, на бакбортѣ сверкнули сторожевые огни Мальты. Еще черезъ два дня обогнули Сардинію. Къ разсвѣту подходили къ желанному французскому берегу.

Я говорю — желанному. Но это нужно понимать, конечно, условно. Наша мечта остаться на Островѣ Жасминовъ не осущест-

вилась, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

Оставалось подчиниться Судьбѣ...

Уже показалась оконечность длиннаго мола и, словно чайки, забѣлѣли марсельскіе маяки. За ними виднѣлись нескончаемые лѣса мачтъ и пароходныя трубы. Лоцманскіе суда, грузовики и буксиры, яхты, шлюпки, ялики, боты мелькали по всѣмъ направленіямъ. Ревѣли сирены. Протяжнымъ стономъ отвѣчали трубы. Визгъ канатовъ мѣшался со стуками лебедки и лязгомъ пароходныхъ крановъ.

Яркій, живописный Марсель разстилался передъ глазами...

Мы стояли на палубѣ, тѣсною группой, наблюдая красивое зрѣлище, привѣтствуемые толпой. Съ грохотомъ поползли въ воду тяжелые якоря.

Непередаваемое волненіе охватило меня.

Я пытливо всматривался въ толпу, сгорая отъ нетерпѣнія и надежды увидѣть знакомый образъ... Онъ вспыхнулъ въ моей душѣ съ неожиданной силой... О, я узналъ бы его сразу, среди тысячи лицъ, которыя глядѣли на насъ съ изумленіемъ и любопытствомъ, какъ на выходцевъ съ того свѣта!

Ко мнѣ подошла Королева Гортензія. Она была взволнована не меньше меня. Ея голосъ дрожалъ. Блѣдныя губы нервно шептали:

— Sir, спасите меня!.. Я вижу графа Шамбора!..

Самообладаніе меня не покинуло:

— Передай Кастора и Поллукса Мимозѣ! — приказалъ я.

Передо мною стояла Мимоза:

— Господинъ, что мнѣ дѣлать? — испуганно шептала мулатка. — Тамъ стоитъ Жозефъ... Мой женихъ!.. Изъ жацъ-банда...

— Передай дѣтей Дамѣ съ Камеліями!

Но Венера, въ свою очередь, подходила ко мнѣ:

— Монъ пти, ты не будешь въ претензіи, если я временно поручу тебѣ Купидона?.. Меня встрѣчаетъ баронъ Рейнакъ... Какая восхитительная любезность!

Я оглянулся.

Умоляющимъ взоромъ на меня глядѣли Лилитъ и Кліо. Онѣ дѣлали мнѣ знаки рукой. На ихъ лицахъ была выражена растерянность и тревога...

Я понялъ все.

И тономъ, не допускающимъ возраженій, обратился къ стоявшему подлѣ меня Душистому Горошку:

— Душистый Горошекъ!.. Ты—дѣвушка!.. У тебя нѣтъ ни мужа, ни жениха, ни любовника!.. Я поручаю тебѣ дѣтей!.. Ты замѣнишь имъ мать!.. Понялъ?

— Понялъ! — сказалъ Душистый Горошекъ и, высоко подбросивъ свой тропическій, перевязанный голубой ленточкой шлемъ, закричалъ:

— Да здравствуетъ Франція!

. . . .

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Шесть крошекъ и молодой графъ Валевскій сопровождаютъ меня въ Парижъ.

Дѣтей я отдалъ въ пріютъ, въ одно изъ лучшихъ учрежденій, имѣющихся въ столицѣ. Молодой графъ, потерявшій родителей, взятъ на мое попеченіе и опредѣленъ въ Политехническій Лицей.

Чекъ въ двадцать тысячъ англійскихъ фунтовъ, переведенный на мое имя еще годъ тому назадъ изъ Шанхая, позволяетъ спокойно взирать на будущее и не отказывать себѣ въ нѣкоторомъ комфортѣ.

Я поселился въ Монсо-Батиньоль.

Этотъ районъ, находящійся въ западной части столицы, примыкающій къ Елисейскимъ Полямъ, хорошо мнѣ знакомъ и всегда пользовался моимъ особымъ вниманіемъ. По старой памяти, я поселился въ немъ и теперь...

Нужно ли говорить, что тотчасъ по прибытіи въ Парижъ, я предпринялъ первоначальные шаги къ розыску Барбъ?

Я послалъ немедленно телеграмму въ торговый домъ Шатобренъ и Шабо. Я обратился съ личной просьбой къ префекту парижской полиціи, метру Кіаппу и, одновременно, посѣтилъ рядъ частныхъ детективныхъ бюро. Во

всѣхъ парижскихъ газетахъ были помѣщены объявленія.

Кстати, журналисты преслѣдовали меня по пятамъ. Репортеры охотились, какъ за цѣннымъ звѣремъ. Фотографы не давали покоя.

Мои изображенія въ безчисленныхъ снимкахъ, мои интервью, съ описаніемъ жизни на островѣ, служили злобою дня, въ теченіе цѣлой недѣли. Географическій Клубъ почтилъ меня банкетомъ и удостоилъ званіемъ почетнаго члена.

Все этольст ило и наполняло сознаніе чувствомъ горделиваго удовлетворенія.

Однако, выходки прессы, въ особености бульварной, неоднократно причиняли и болѣзненные уколы. Бороться съ этимъ, въ концѣ концовъ, безполезно. Ибо слава извѣстности, во всѣхъ случаяхъ, одновременно съ расточаемымъ фиміамомъ, сопряжена съ благовоніемъ совершенно иного порядка, которое можно сравнить съ удушливымъ газомъ. И сохраняя спокойствіе, насколько это возможно, я выслушивалъ крики газетчиковъ:

—V'la „La Presse"!.. „Liberté"!.. „Paris Soir"!..

— Prince Jean Bektabekow et ses avantures tropicales!..

— Prince Bektabekow — La Barbe Bleu!..

Эти замѣтки были тѣмъ болѣе непріятны, что компрометировали возвратившихся со мною женщинъ.

Когда же въ сопровожденіи Лео, я предпринялъ, однажды, прогулку по Булонскому лѣсу, —для огражденія меня отъ любопытной толпы потребовалось вмѣшательство полицейскихъ агентовъ...

Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму.

Фирма Шатобренъ и Шабо, въ лицѣ директора главной конторы, увѣдомляла меня, что Барбъ спасена японскимъ пароходомъ «Кіодо-Мару»... Что она поселилась въ Парижѣ... Что впродолженіе года, она предпринимала всѣ усилія, чтобы меня разыскать и снарядила даже, для этой цѣли, специальную экспедицію въ районъ Индійскаго океана... Наконецъ, что въ настоящее время связь неожиданно прекратилась и мѣстопребываніе Барбъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно... Въ заключеніе, директоръ поздравлялъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ въ Парижъ и одновременно увѣдомлялъ о переводѣ пяти тысячъ долларовъ, въ счетъ жалованія за истекшій годъ...

Получивъ телеграмму, я вздохнулъ съ облегченіемъ и перекрестился:

— Барбъ жива!..

— Теперь, въ свою очередь я приму всѣ мѣры, чтобы ее отыскать!.. Я найду ее во что бы то ни стало!..

Это будетъ моей единственной цѣлью!..

Черезъ недѣлю я получилъ письмо.

Это было письмо отъ Королевы Гортензіи, которая обращалась ко мнѣ со слѣдующими словами:

Глубокоуважаемый князь!

„Спѣшу увѣдомить васъ, что графъ Шамборъ поставленъ въ извѣстность. Онъ знаетъ все. Чувства матери оказались сильнѣе общественныхъ предразсудковъ. Съ полученіемъ настоящаго письма, благоволите передать дѣтей спеціально уполномоченному мною лицу, госпожѣ Анжеликѣ-Виргиніи Прэнтанъ-Бомарше, для препровожденія ихъ въ замокъ Шамборъ. Пользуюсь случаемъ выразить вамъ свою искреннюю симпатію и благодарность“.

Графиня Гортензія де Шамборъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Мои поиски безрезультатны.

Никакихъ извѣстій я не имѣю, несмотря на то, что прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Мнѣ не удалось напасть хотя бы на самый незначительный слѣдъ. Я терзаюсь въ догадкахъ и не представляю себѣ, гдѣ можетъ находиться Барбъ.

Вдобавокъ, теперь я сталъ совсѣмъ одинокъ, если не считать молодого графа Валевскаго, получающаго образованіе въ Лицеѣ, и моего вѣрнаго Лео.

Дѣло въ томъ, что вслѣдъ за письмомъ Королевы Гортензіи, я получилъ одно за другимъ, еще цѣлый рядъ писемъ. Сначала Кліо, потомъ Лилитъ и, наконецъ, Мимоза, потребовали возвращенія дѣтей.

Я не считалъ себя вправѣ отвѣтить отказомъ.

Просьба была исполнена.

Дама съ Камеліями посѣтила меня лично, прибывъ на роскошной машинѣ. Она провела у меня цѣлый часъ и ушла, взявъ обѣщаніе увидѣться съ нею въ Медонѣ. Черезъ нѣсколько дней я посѣтилъ Медонъ. На другой день, сопровождалъ мою бывшую подругу въ дѣтскій пріютъ, въ которомъ еще оставался маленькій Купидонъ.

Возвращая дѣтей, я положилъ въ Ліонскій Кредитъ, на имя каждаго изъ нихъ, по сто тысячъ франковъ. Это будетъ имъ единственной памятью объ отцѣ!..

Мысли о Барбъ не давали покоя.

День и ночь я изощрялся въ планахъ и комбинаціяхъ, при помощи которыхъ мои поиски привели бы къ благополучному результату. Я поднялъ на ноги всю полицію, безпокоилъ префекта, сулилъ детективамъ крупную денежную награду, швырялъ большія суммы направо-налѣво, тревожилъ редакторовъ и знакомыхъ членовъ Палаты.

Все было тщетно!

Было извѣстно лишь то, что ровно мѣсяцъ тому назадъ, молодая женщина, прописанная въ отелѣ «Régina», на улицѣ Пирамидъ, подъ именемъ мадемуазель Барбъ де Шатобренъ, уплативъ полностью счетъ, сѣла въ автомобиль и скрылась въ направленіи Большихъ Бульваровъ.

На этомъ слѣдъ терялся...

Мнѣ пришла въ голову ужасная мысль.

Можетъ быть, Барбъ стала жертвою преступленія?.. Молодая женщина, богатая и красивая, могла привлечь вниманіе международныхъ авантюристовъ... Парижъ—средоточіе мірового искусства, цивилизаціи и культуры, вмѣстѣ съ тѣмъ, чудовищный центръ, который во много разъ опаснѣе дикой африканской пустыни...

Другая, не менѣе острая мысль, закопошилась въ мозгу.

Барбъ испытала всѣ средства, ею сдѣланы всѣ попытки, вплоть до снаряженія экспедиціи, чтобы найти меня... По прошествіи года, утративъ надежду, она могла рѣшиться

на самоубійство ... При ея натурѣ это вполнѣ возможно!..

И я слѣдилъ самымъ тщательнымъ образомъ за газетною хроникой, обходилъ полицейскіе участки и даже заглядывалъ въ Моргъ, съ тайнымъ ужасомъ осматривая покойниковъ, боясь обнаружить дорогія черты ...

Все было тщетно!..

Чтобы нѣсколько разсѣять себя, я сталъ проводить время въ легкомысленныхъ развлеченіяхъ, посѣщая скачки въ Отейлѣ, балы, концерты и маскарады, театральныя премьеры и обозрѣнія въ варьетэ.

Но это давало лишь кратковременное забвенье.

Образъ Барбъ продолжалъ терзать меня и не отпускалъ ни на минуту...!

Да, только теперь я ощутилъ всю глубину чувства, связавшаго меня съ ней... Все остальное — была забава, легкое увлеченіе, физическая потребность ...

— Барбъ, Барбъ, ты одна въ моемъ сердцѣ, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!..

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Вскорѣ я получилъ снова письмо. Въ немъ кратко стояло:

> „Графъ и графиня Шамборъ имѣютъ честь просить васъ пожаловать 17 октября сего года въ замокъ Шамборъ."

Въ назначенный день, я выѣхалъ по указанному адресу.

Лимузинъ темносиняго лака, десятисильный Рено, ожидалъ меня у вокзала. Черезъ полчаса, я въѣзжалъ въ ворота старинной усадьбы, съ большимъ каменнымъ домомъ, широкой террасой и клумбами пышныхъ цвѣтовъ, съ раскинутымъ вокругъ тѣнистымъ паркомъ.

Графъ встрѣтилъ меня на террасѣ.

Знакомство носило сухой характеръ. Графъ въ черной визиткѣ и въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ, съ моноклемъ, съ цвѣткомъ орхидеи въ петлицѣ, протянулъ руку:

— Графъ Луи де Шамборъ!

Я представился въ свою очередь.

— Весьма пріятно познакомиться! — произнесъ графъ съ кислой улыбкой. — Я уже имѣлъ удовольствіе кое-что слышать о васъ отъ графини Шамборъ... Вы оказали ей большую моральную помощь и это заслуживаетъ

признательности... Примите, князь, мою благодарность!.. Хотя, съ другой стороны... Гмъ... Какъ бы это сказать...

Графъ замялся:

— Какъ бы это сказать?.. Гмъ-гмъ... Ваша интимная связь съ моею женой ставитъ меня, въ глазахъ общества, въ чрезвычайно неловкое положеніе.. Кокю!.. Рогоносецъ!.. Обидно и непріятно... А это неожиданное появленіе потомства?.. Сэ-т-энъ скандаль!.. Фи!

Графъ остановился и брезгливо поморщился:

— Не скрою отъ васъ, князь, что все это, вмѣстѣ взятое, наполняетъ мое сердце горечью... Моя репутація, моя честь, мое имя подвергаются острому испытанію!.. Общественное мнѣніе не прощаетъ такихъ ошибокъ!.. Я принужденъ подать въ отставку, прекратить свою политическую работу и, подобно Цинцинатту, закончить дни въ тишинѣ сельскаго уединенія...

Замѣтивъ мое смущеніе, графъ перемѣнилъ тонъ:

— Hélas!.. Что дѣлать?.. Однако, пойдемте въ салонъ... Графиня насъ ожидаетъ...

Графиня Шамборъ встрѣтила меня дружелюбной улыбкой:

— Князь, я искренно рада васъ видѣть!.. Я крайне признательна, что вы откликнулись на наше приглашеніе... Видъ у васъ блестящій, великолѣпный!.. Спортъ, діэта и парижскій портной дѣлаютъ чудеса!.. Надѣюсь, вы не откажете провести у насъ нѣсколько дней?..

Я почтительно поцѣловалъ руку и выразилъ благодарность.

За обѣдомъ настроеніе перемѣнилось.

Графъ, повеселѣвъ отъ выпитаго вина, нѣсколько отошелъ, спрашивалъ о парижскихъ новинкахъ, шутилъ, хлопалъ меня по плечу.

На другой день, мы совершили съ нимъ верховую прогулку, а за ужиномъ выпили на брудершафтъ.

На третій день, сидѣли съ графомъ въ его кабинетѣ, чернаго фамильнаго дуба съ драгоцѣнною инкрустаціей, пили абрикотинъ и, дымя сигарами, вели совершенно дружескій разговоръ.

— Э бьенъ!—произнесъ графъ.—Какая же женщина понравилась тебѣ на островѣ больше всего?.. Это прелюбопытно!.. Клянусь, что это была моя Гортензія!.. Какое тѣло!.. Какая грудь!.. У тебя недурной вкусъ, мой старикъ!

Скромность не позволяла отвѣчать на эти щекотливые вопросы. Между тѣмъ, графъ обнаруживалъ чрезвычайную любознательность, требовалъ откровенныхъ признаній, интересуясь всѣми подробностями.

— Кстати! — неожиданно произнесъ онъ. — Завѣщаніе моей покойной тетки, герцогини Лукреціи Монморанси, теперь вступаетъ въ законную силу... Двадцать четыре мильона — это все таки капиталъ... Монъ вье, я обязанъ тебѣ... Я все обдумалъ... Я считаю долгомъ обезпечить тебѣ небольшую ренту, въ размѣрѣ шести тысячъ франковъ въ годъ... Ты честно ихъ заработалъ!..

Я отказался отъ ренты.

Графъ былъ восхищенъ...

Вечеромъ, въ день отъѣзда, я гулялъ въ паркѣ съ графиней. Мы долго бесѣдовали на различныя темы. Графиня, съ большимъ участіемъ, разспрашивала о Барбъ, о моихъ поискахъ, о моей жизни. Въ ея словахъ звучало искреннее чувство. Временами, она казалась растроганной. Въ голосѣ дрожали грустныя нотки.

— Графиня, вы счастливы?—спросилъ я.

Графиня на минуту задумалась. Потомъ, вскинула на меня свои сѣрые выразительные глаза и прошептала:

— Милый другъ, не спрашивайте меня!.. Счастье было лишь тамъ!.. Вы понимаете?..

Я крѣпко поцѣловалъ ея руку...

Послѣ ужина подали экипажъ.

Графъ и графиня провожали меня на террасѣ. И скрываясь за воротами замка, я видѣлъ махавшій мнѣ на прощанье платочекъ, а голосъ графа несся въ догонку:

— О ревуаръ, монъ вье!.. Я увижусь съ тобою въ Парижѣ!..

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Между тѣмъ, средства мои таяли съ неоправдываемой быстротой.

Вначалѣ, я широко расточалъ ихъ на розыски Барбъ. Потомъ, меня закружилъ вихрь парижской жизни, со всѣми ея соблазнами, которыми я пытался утолить терзающія меня мысли и думы. Съ легкомысленною безпечностью относясь къ чековой книжкѣ, я швырялъ деньги направо и налѣво, въ угоду всѣмъ прихотямъ, минутнымъ наслажденіямъ и страстямъ. Со времени принятія меня въ члены Интернаціональнаго Клуба, крупныя средства стала поглощать карточная игра.

Я отдался ей съ увлеченіемъ неофита, которому сразу улыбнулась удача. Послѣ выигрыша послѣдовалъ длинный рядъ пораженій. Мало по малу, цифра потери приняла столь значительные размѣры, что передо мной, въ полномъ объемѣ, выросъ вопросъ о финансовой катастрофѣ.

Изъ двадцати тысячъ англійскихъ фунтовъ, мой капиталъ превратился въ сравнительно скромную цифру, не достигавшую даже полумильона франковъ.

Но я не могъ теперь примириться съ денежною потерей, оборвать свою страсть и начать новую жизнь, въ соотвѣтствіи съ тѣми

средствами, которые еще оставались въ моемъ распоряженіи. Я задался цѣлью вернуть деньги обратно. Только вернуть то, что я проигралъ такимъ безсмысленнымъ образомъ, послѣ чего прекратить знакомство съ зеленымъ столомъ.

Навсегда!

О, кто изъ игроковъ, такихъ же несчастныхъ, какъ я, не давалъ этой ничего нестоящей клятвы!..

И я сидѣлъ въ клубѣ, превращая ночь въ день, а день въ ночь, наблюдая, какъ перемѣнчивая Фортуна расточаетъ улыбки однимъ и поворачивается спиной къ своимъ вчерашнимъ любовникамъ...

Однажды была игра.

Мистеръ Джонатанъ Лоу, крупный скотопромышленникъ изъ Кентукки, срывалъ всѣ ставки. Гора билетовъ росла съ каждой минутой. Мистеръ Лоу продолжалъ держать банкъ, и на его плотномъ бритомъ лицѣ не отражалось никакого волненія.

Я не принималъ участія въ этой игрѣ. Я слѣдилъ лишь за ея ходомъ, пытаясь угадать тотъ моментъ, когда нужно будетъ кинуть послѣдній вызовъ судьбѣ.

Этотъ моментъ наступилъ.

Мистеръ Лоу приготовилъ колоду и, держа ее въ толстыхъ узловатыхъ пальцахъ, оглядѣлся кругомъ:

— Банкъ продолжается!.. Въ банкѣ четыреста пятьдесятъ тысячъ!.. Прошу дѣлать игру!..

— Rien ne va plus! — произнесъ, черезъ минуту, американецъ, коверкая французскую фразу на кентуккійскій ладъ.

Я всталъ:

— Мистеръ Лоу... Одну минуту!..

Играющіе подняли голову. Мистеръ Лоу, скосивъ уголъ рта, съ дымящеюся сигарой, вопросительно взглянулъ на меня.

— Даете карту?

— All right! — произнесъ мистеръ Лоу.

Я выдержалъ паузу:

— Въ такомъ случаѣ — ва-банкъ!

Мистеръ Лоу усмѣхнулся и заметалъ. Наступила полная тишина. Я принялъ карты. Первою была — дама пикъ... Второю — восьмерка червей...

И съ торжествующимъ видомъ, я бросилъ карты на столъ:

— Дамбле!

Въ публикѣ произошло движеніе. Снова поднялись головы. На меня устремились сотни глазъ. Плотныя щеки американца пошли багровыми пятнами.

— Князь, вамъ везетъ! — усмѣхнувшись, произнесъ онъ. — Бьюсь объ закладъ, что сегодня вы потерпѣли неудачу у женщины!

Я, въ свою очередь, усмѣхнулся.

— Ваше счастье! — продолжалъ мистеръ Лоу и пожалъ равнодушно плечами. — Недурной ударъ!.. Поздравляю васъ искреннимъ образомъ!

И не глядя на свои карты, онъ придвинулъ мнѣ лежащую передъ нимъ гору билетовъ.

Я взялъ его карты и выбросилъ ихъ на столъ.

На столѣ лежали — восьмерка червей и тузъ пикъ...

— Thank you! — произнесъ мистеръ Лоу. — Беру слова обратно, князь!.. Ваша карта бита!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВАЯ.

Да, моя карта бита!..

Я провелъ безсонную ночь... Тысячи мыслей проносились въ моей головѣ... Онѣ скользили одна за другой, свивались въ клубокъ, прыгали и плясали, какъ видѣнія разгоряченнаго бреда...

Я потерялъ все!..

Я утратилъ невѣсту!..

Я лишился вѣрныхъ и преданныхъ, любящихъ меня женщинъ!..

Злой рокъ влечетъ меня въ бездну!..

О, будь проклятъ тотъ часъ, когда неожиданный случай извлекъ меня изъ Острова Жасминовъ!..

Я шагалъ по комнатѣ, присаживался къ столу, хватался за книгу и тотчасъ швырялъ ее прочь. Время отъ времени, я подходилъ къ окну, за которымъ, словно огненныя змѣи, вспыхивали свѣтовыя рекламы. Ночная жизнь замирала. Тревожный городъ медленно погружался въ сонъ...

Но я не спалъ.

Опустивъ голову на руки, я продолжалъ сидѣть за столомъ, погруженный въ глубокое размышленіе,

Что дѣлать?..

Что предпринять?..

Какъ выйти изъ положенія?..

Я вынималъ изъ ящика пистолетъ, машинально вертѣлъ его въ рукахъ и клалъ обратно... Тысячи плановъ роились въ мозгу и ни на одномъ изъ нихъ я не могъ остановиться...

О, какъ мучительна была эта безсонная ночь!.. Какъ безконечны были эти томительные часы, пока, наконецъ, блѣдный разсвѣтъ не пробился сквозь сторы.

На мгновенье мелькнула мысль о Гортензіи и графѣ Шамборѣ... Я не сомнѣвался въ графинѣ, но дружба графа представлялась мнѣ лицемѣрной... Его шесть тысячъ франковъ годовой ренты меня оскорбляли... Это — подачка, которую я не приму, какъ бы ни тяжело было мое положеніе... Я не унижусь до этого!.. Я предпочту бить камни на мостовой, нежели воспользуюсь его милостью...

Потомъ, одна за другой, промелькнули Лилитъ и Кліо, Мимоза, Дама съ Камеліями...

Клодина!..

Мысль остановилась почему-то на ней.

Это — мой якорь спасенія!..

Я быстро одѣлся, выпилъ чашку чернаго кофе и поѣхалъ въ Медонъ...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРАЯ.

Клодина приняла меня очень тепло.

Она поцѣловала меня въ губы, нашла, что я нѣсколько измѣнился, похудѣлъ, поблѣднѣлъ, имѣю усталый видъ. Парижская жизнь кладетъ на всѣхъ отпечатокъ. Въ особенности, если человѣкъ имѣетъ на плечахъ тридцать три года, а въ боковомъ карманѣ смокинга лежитъ солидный акредитивъ.

— Монъ пти! — засмѣялась Клодина. — Это тебѣ идетъ!.. Можешь не огорчаться... Женщинамъ это нравится... Я, по крайней мѣрѣ, всегда предпочитаю имѣть дѣло съ поэтомъ, нежели съ мясникомъ!.. Кстати, въ январѣ мы совершаемъ съ барономъ маленькую прогулку въ Côte d'Azur... Не хочешь-ли присоединиться къ нашей компаніи?.. Это будетъ тебѣ полезно!..

Клодина закружилась по комнатѣ и запѣла арію изъ «Миньоны»:

„Connais tu le pays,
Où fleurit l'oranger,
Le pays des fruits d'or
Et des roses vermeilles?..

Я сѣлъ въ кресло и опустилъ голову.

— Мой маленькій, ты сегодня не въ настроеніи! — замѣтила Клодина. — Въ чемъ дѣло?.. Признайся?.. Все грустишь по невѣстѣ?.. Или новое увлеченіе?.. Скажи мнѣ, кто эта из-

бранница?.. Артистка?.. Кокотка?.. Аристократка?.. Я не буду тебя ревновать... Мы вѣдь теперь друзья... Hélas, только друзья!..

Сѣвъ ко мнѣ на колѣни, Клодина обвила шею руками и стала гладить по волосамъ:

— Ну, признайся же, дурачокъ, что тебя безпокоитъ? Я вѣдь тебя отлично знаю... Ты положительно въ дурномъ настроеніи?.. Что съ тобой?.. Ты, кажется, въ самомъ дѣлѣ, влюбленъ?..

— Нѣтъ, Клодина, я не влюбленъ! — тихо произнесъ я.

— Боленъ?

— Нѣтъ, не боленъ!

— Въ такомъ случаѣ, не понимаю!.. Что можетъ еще съ тобой быть?..

Клодина соскочила съ колѣнъ, остановилась передо мной и посмотрѣла въ глаза.

— Я — нищій!

Въ нѣсколькихъ словахъ я ей передалъ все.

Клодина молчала, перебирая ниточку фальшиваго жемчуга, висѣвшаго на груди. Время отъ времени, она взглядывала на меня, сочувственно гладила по рукѣ и когда, наконецъ, я закончилъ свою печальную исповѣдь, вздохнула съ какимъ-то непонятнымъ мнѣ облегченіемъ.

— Это плохо, но это еще не бѣда, мой милый! — сказала Клодина. — У барона есть связи... Онъ тебя устроитъ, будь спокоенъ... А потомъ... А потомъ, ты женишься на американкѣ и снова будешь богатъ... Съ твоимъ именемъ и наружностью легко сдѣлаться милліонеромъ!..

— Служить я не собираюсь! — хмуро замѣтилъ я. — Жениться тѣмъ болѣе, а особенно на деньгахъ... У меня другой планъ!..

— Какой, мой дружокъ? — съ живостью переспросила Клодина.

Съ мрачнымъ видомъ, приставивъ палецъ къ виску, на подобіе пистолета, я передалъ Клодинѣ, безъ словъ, свое намѣреніе.

— Ну, этого ты не сдѣлаешь! — сказала Клодина. — Это совсѣмъ глупо!.. Скажи откровенно, тебѣ сейчасъ нужны деньги?.. Мнѣ ты можешь сказать... Говори безъ стѣсненія?..

— Да!

Клодина задумалась. Потомъ, быстро приподнялась, вышла въ сосѣднюю комнату и, черезъ минуту, вернулась съ футляромъ.

— Вотъ! — сказала она съ милой улыбкой, открывъ крышку синяго бархата. — Денегъ у меня сейчасъ нѣтъ, но есть кое-какія вещи... Это послѣдній подарокъ барона... За это дадутъ сто тысячъ... Это хватитъ тебѣ на годъ!..

Я не разыгрывалъ сценъ.

Я взялъ футляръ, крѣпко поцѣловалъ Клодину и вышелъ.

Стоявшій такси подъѣхалъ ко мнѣ.

— Авеню Гошъ!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЯ.

Такси мчался по булонской дорогѣ.

Я сидѣлъ въ углу, облокотившись о спинку сидѣнья, въ нервномъ, подавленномъ настроеніи. Все меня раздражало и безпокоило...

Да, конечно, великодушный жестъ Клодины, ея ласка, ея участіе, не могли меня не взволновать и не вызвать чувства самой живой благодарности... О, еслибы мнѣ удалось когда нибудь отплатить ей той же монетой!.. Я сдѣлаю это такъ же просто и съ такой же улыбкой...

И я представилъ себѣ графа Шамбора, съ его чопорнымъ благородствомъ, слащавой любезностью и шестью тысячами франковъ годовой ренты...

Какое сравненіе!..

Потомъ, мои мысли перенеслись къ Лилитъ, Кліо, Мимозѣ...

Какъ онѣ себя чувствуютъ?..

Нашли-ли заслуженное счастье?.. Или, какъ Королева Гортензія, съ улыбкою сожалѣнія, вспоминаютъ прошлые дни?.. Или, можетъ быть, такъ же точно, какъ я, не находятъ покоя и терзаются муками?.. Нѣтъ, это невѣроятно!.. Онѣ молчатъ и, безъ сомнѣнія, наслаждаются тихимъ супружескимъ счастьемъ, въ объятьяхъ своихъ мужей, у колыбели ребенка...

Автомобиль приближался къ Парижу.

Промелькнулъ мостъ черезъ Сену... Сверкнули огни бульваровъ... Показалась Тріумфальная Арка и Площадь Звѣзды... На углу авеню Гошъ, не доѣзжая парка Монсо, шофферъ остановилъ машину...

Я порылся въ карманѣ пальто, принялъ озабоченный видъ и сказалъ:

— Мой милый!.. Зайдите завтра... Моя разсѣянность...

Шофферъ меня перебилъ:

— Пятнадцать франковъ сорокъ сантимовъ!.. Никакихъ завтраковъ!.. Выкладывайте немедленно!

Грубый тонъ меня взорвалъ:

— Я кажется ясно вамъ говорю?.. Зайдите завтра и вы получите тридцать... Пятнадцать франковъ я даю вамъ на чай!..

— Плевать я хочу на вашъ чай! — оборвалъ меня снова шофферъ своимъ хриплымъ голосомъ. — Пятнадцать франковъ сорокъ сантимовъ или я позову ажана!.. Вье кокенъ!.. Анималы!.. Саль бэтъ!..

Мнѣ стало смѣшно.

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе представилось мнѣ въ комическомъ видѣ.

Еще совсѣмъ недавно, я швырялъ деньги на вѣтеръ... Десятки и сотни тысячъ прошли между пальцами, словно сантимы... Сейчасъ я препираюсь съ пьянымъ шофферомъ изъ за жалкихъ пятнадцати франковъ, которые не могу уплатить... Да, фактически не въ состояніи уплатить!.. Съ другой стороны, въ моемъ карманѣ лежитъ драгоцѣнность, значительно превышающая эту сумму...

— Ну, вотъ что! — сказалъ я примирительнымъ тономъ. — Не будемъ спорить... Это скучно... Я даю вамъ въ залогъ золотые часы...

Надѣюсь, теперь вы удовлетворены и оставите меня въ покоѣ?.. Вотъ моя визитная карточка...

Шофферъ взялъ часы, взглянулъ на карточку.

Лицо его выразило необычайное изумленіе.

Онъ переводилъ взоры съ карточки на меня, оглядывалъ всего, начиная съ цилиндра вплоть до ботинокъ, моргалъ глазами и, наконецъ, прохрипѣлъ:

— Бектабековъ?.. Генералъ-адмиралъ?.. Да, не можетъ быть?..

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

— Тысяча чертей и одна вѣдьма! — произнесъ Лебединцевъ, когда мы усѣлись съ нимъ за столикомъ въ сосѣднемъ бистро. — Ну и встрѣча!.. Господи Боже мой!.. Князенька!.. Голуба моя!.. Псссть!.. Де ружъ, сильвупле! — обратился онъ къ подбѣжавшему гарсону. — Ну, разсказывай?.. Гдѣ ты?.. Что ты?.. Эк-имъ фертомъ сталъ?.. Давно-ли въ нашемъ Парижѣ?..

Я растерянно улыбался, не будучи въ состояніи прійти въ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, передо мной сидѣлъ Лебединцевъ, бравый кавалерійскій полковникъ, мой старый шанхайскій пріятель, съ которымъ мы разстались въ прошломъ году, при столь трагической обстановкѣ... Онъ живъ, невредимъ и тѣ же острые глазки глядятъ на меня съ нескрываемымъ восхищеніемъ... Тотъ же горбатый, какъ у дончака, носъ, та же рыжая узенькая бородка и усы, придающіе ему сходство съ славнымъ сервантесовскимъ героемъ...

— Но ты какъ сюда попалъ? — въ свою очередь, переспросилъ я.

— Что за вопросъ? — захохоталъ Лебединцевъ. — Какъ попалъ?.. Очень просто... Взялъ и пріѣхалъ!

— Но какъ тебя не ухлопали?.. Я признаться...

Полковникъ свиснулъ:

— Эва!.. Казенное добро въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ!.. Не боимся кислоты!.. Старый воробей, на мякинѣ не проведешь!.. Въ общемъ, забавная вышла диверсія... Прямо исторія съ географіей!.. А вѣдь чуть было не сыгралъ въ ящикъ!.. Разсказать?.. Ну, слушай...

Полковникъ отхлебнулъ изъ стакана и началъ:

— Подбѣжали это, значитъ, ко мнѣ фараоны, цопъ за зебры... Мертвецъ!.. Пули не видно, а лежитъ человѣкъ мертвымъ тѣломъ... Трупъ бездыханный!.. Фараоны почесали затылокъ, поговорили промежъ собой по аглицки и айда за санитарной машиной... Ну и дурни, право, холеру имъ въ бокъ!.. Натурально, тутъ меня только и видѣли... Отползъ съ дороги въ кусты да такого стрекача задалъ — прямо до сихъ поръ поджилки дрожатъ!.. Воображаю — прискакала машина, а мертвеца-то и нѣтъ?.. Паки и паки, съѣли попа собаки!.. Ха-ха-ха-ха!..

— А дальше что?

— Изволь!.. Прибѣжалъ къ дому... Какъ заяцъ, весь запыхался... Шлехтъ папиръ!.. Надо что-нибудь выдумать... Пашка, кричу, немедленно собирайся въ походъ!.. Со всей аммуниціей, съ полнымъ вьюкомъ, взять фуражу на трое сутокъ!..

— И Пашка здѣсь?

— Что за вопросъ?.. А то какъ же?.. Ясно, какъ кофе!.. Куда же онъ дѣнется безъ меня?.. Пропадетъ ни за грошъ, бродяга!..

Полковникъ отхлебнулъ глотокъ и продолжалъ:

— Ну, вотъ!.. Передохнулъ малость, а съ первою зорькою въ портъ... Стоитъ аккуратъ пароходище, прямо левіафанъ морской, съ французскимъ флагомъ, а на кормѣ золотомъ

выведено «Марешаль Жоффръ»... Грузится кокосомъ и хлопкомъ... Надо ѣхать!.. Обязательно ѣхать!.. Принципіально!.. Какъ прикажете ѣхать, ежели въ карманѣ ни шиша, ни единаго цента?... Въ одномъ карманѣ блоха на арканѣ, въ другомъ вошь на цѣпи... Абсолютная пустота... Можно сказать, безвоздушное, въ нѣкоторомъ родѣ, пространство!..

Полковникъ отхлебнулъ снова:

— Ну, натурально, о первомъ классѣ мечтать не приходится... Стало быть, надо иначе... Словомъ, подъ видомъ грузчиковъ, перетащили багажъ, забрались съ Пашкою въ трюмъ и сидимъ тамъ, какъ кокосовые орѣхи... Три дня сидѣли!.. Весь провіантъ уничтожили!.. Всѣ торбы выѣли!.. А пароходъ, ѣдятъ его мухи съ комарами, ни съ мѣста!.. Стоитъ и стоитъ... На шестой только день тронулся, мать его за ногу!..

— И поѣхали?

— А то какъ же... И поѣхали... Еще какъ!.. Къ церемоніальному маршу, справа по эскадронно, на эскадронной дистанціи, равненіе направо, рысью... М-а-а-ршъ!..

— Въ морѣ стало качать... Провіантъ вышелъ!.. Жара!.. Голодъ и жажда!.. Прямо муки египетскія!.. Псссть!.. Де ружъ, сильвуплє!..—закричалъ снова полковникъ.

„Ну и рюмка, съ кукишъ вся,
Наливать ее соскучишься!..“

запѣлъ Лебединцевъ. — Князь, твое здоровье!.. За радостную встрѣчу!.. А недурное винцо!.. Какъ ты находишь, голуба?..

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

Лебединцевъ вынулъ кисетъ и закурилъ трубку.

— Да, братъ!.. Пфъ-пфъ... Если бы зналъ, ни за что не поѣхалъ!... Прямо гробъ!.. Одинъ ужасъ!.. Съ голодухи копру начали жрать... Воду соленую пить... Весь трюмъ заблевалъ... Пашка кое-какъ держится, а я не могу... Силъ никакихъ нѣтъ!.. До того сумно стало, что и передать тебѣ не могу... Словомъ, смерть!..

— Долго сидѣли?

— Двѣ недѣли... Ровнехонько двѣ недѣли, пока не рѣшили себя, наконецъ, обнаружить...Вылѣзли на свѣтъ Божій!.. Лица нѣтъ!.. На ногахъ еле стоимъ!.. Ну, натурально, скандалъ въ благородномъ семействѣ... Кто такіе?.. Откудова?.. Какъ смѣли забраться?.. Капитанъ рветъ и мечетъ... Кричитъ, кулакомъ машетъ, въ воду грозится бросить... Сикамбръ этакій!..

— Шалишь, братъ!.. Нѣтъ такого закону, чтобы честнаго гражданина въ воду бросать... Ну, и подлая личность!.. Рвань коричневая!.. Я же его обложилъ!.. А надо тебѣ замѣтить, что произошло это уже въ океанѣ, только повернули отъ Сингапура и на Цейлонъ премъ... Ничего не подѣлаешь!.. А тутъ еще добрые люди, изъ пассажировъ, на помощь пришли... Ну, дали работишку... Я картошку на кухнѣ

строгаю... Пашка шваброю палубу подметаетъ... Надо себя оправдать!..

— Пфъ-пфъ... Пришли, стало быть, на Цейлонъ... Сію же минуту на берегъ!—кричитъ капитанъ...—Геть, витцеля!.. Мнѣ, говоритъ, наплевать, что вы колонель!.. Что на войнѣ кровь проливали!.. Много такихъ колонелей по бѣлому свѣту шатается!.. Вотъ вамъ по пять шиллинговъ на брата и убирайтесь къ самому дьяволу!..

— Просилъ, умолялъ, унижался... Ты понимашь мое положеніе?.. Что я долженъ былъ перечувствовать?.. Не сдается, сукинъ котъ, закинулся, какъ хромой меринъ передъ канавой, стоитъ на своемъ да и только... Микробъ!.. Паразитъ эдакій!.. Холеру ему въ бокъ!..

— Какъ выйти изъ ситуаціи?.. Пашка, говорю, шлехтъ папиръ!.. Ни черта, братъ, не выйдетъ!.. Замундштучивай лошадей!.. Козырнулъ по военному и смылся... Ну и союзнички, прости Господи!..

Полковникъ на минуту остановился:

— Въ ту же ночь сдѣлали пересядку...Пфъ-пфъ... Забрались, стало быть, на аглицкій угольщикъ... Дай Богъ памяти, какъ назывался?... Ну, да это не важно... На третьи сутки снова весь овесъ вышелъ... Произвели рекогносцировку... На счастье, мѣшокъ съ сухарями нашли... Такъ и питались, пока сухари не вышли... Опять пришлось себя обнаружить... Кто такіе?—кричитъ старшій помощникъ...—Негры?.. Откудова?... Какъ попали?..

— Сохрани Боже!.. Не негры, говорю, а честные русскіе граждане, лишенные возможности перевозки... Вышелъ капитанъ, круглый, какъ шаръ... Хохочетъ... Чортъ съ ними, говоритъ, не выкидывать же ихъ акуламъ!.. Да и акуламъ, говоритъ, этотъ товаръ не годится...

Всѣ зубья объ нихъ обломаютъ!.. А сказать по правдѣ, отощали мы здорово... На однихъ сухаряхъ далеко не уѣдешь... Словомъ, добрались до Саида... А дальше, джентельмены мои, никакъ невозможно! говоритъ капитанъ... Документовъ у васъ нѣтъ!.. Влетѣть изъ за васъ по первое число можетъ!.. Пожалъ по благородному руку, выдалъ по фунту на брата и пожелалъ всего наилучшаго... Гудъ бай!.. Хорошій, обходительный, добрый гвоздь былъ, хотя и англійскій человѣкъ!.. Откровенно долженъ сказать!..

— А дальше?

— А дальше уже пустяки! — продолжалъ полковникъ. — Дѣло девятое!.. Главный переходъ совершили... Тутъ ужъ рукой подать... Провели въ городѣ четыре дня, обмылись, почистились, снова благородный видъ приняли, развѣдку произвели... Грекосъ оливками грузится и прямо въ Марсель направляется... Только это и нужно!.. Словомъ, въ третій разъ пересядку сдѣлать пришлось, а на пятыя сутки—уже въ Марселѣ...

— Вотъ тутъ и вышла оказія! — замялся полковникъ и ущипнулъ рыжій усъ.—Можешь себѣ представить, на самомъ трапѣ, какъ вылѣзали, остановили?.. Что тутъ было?.. Скандалъ!.. Третировать, негодяи, стали!.. Оскорбленіе дѣйствіемъ нанесли!.. Полиція!.. Протоколъ!.. Обыскъ, справки пошли, дознаніе форменное учинили!.. Аккуратъ недѣлю подъ арестомъ въ портовомъ участкѣ сидѣли... Русскіе?.. Коммунисты, стало быть?.. Пропагандой торговать пожаловали?.. Видалъ-миндалъ!.. Можешь себѣ представить?.. Я то, въ коммунисты попалъ?.. Какъ тебѣ это понравится?.. Ахъ, черти полосатые!..

Лебединцевъ на минуту задумался:

— Да, ваше сіятельство!.. Пфъ-пфъ... Многое пришлось испытать, кругомъ шестнадцать!.. Ну да что!.. Дѣло прошлое!.. Дерьмо все это, выражаясь по дамски!.. А главное, цѣли своей достигъ и существую, какъ видишь... Казенное добро въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ!.. Ха-ха-ха-ха!.. Такъ-то, ваше сіятельство!.. Ха-ха-ха-ха!..

„Оркестръ играетъ,
А полкъ шагаетъ. ."

снова запѣлъ Лебединцевъ.

— Ну, твое здоровье, алаверды!—сказалъ полковникъ и чокнулся.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ШЕСТАЯ.

Была уже глубокая ночь. Посѣтители разошлись. Хозяинъ дремалъ за прилавкомъ. Мы продолжали сидѣть и бесѣдовать. Много интереснаго передалъ мнѣ Лебединцевъ. Въ свою очередь, я познакомилъ его съ своей судьбой.

Лебединцевъ то восторгался, то ахалъ, то вскакивалъ съ своего стула и хлопалъ меня по плечу:

— Князь! — кричалъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ. — Да вѣдь ты герой!.. Голуба!.. Дорогуля моя!.. Дай я тебя поцѣлую!.. Ну, молодчага!.. Ну, и пистолетъ!

Онъ лѣзъ съ поцѣлуями, сжималъ въ объятьяхъ, кололъ своею щетиной и снова кричалъ:

— Вотъ это номеръ!.. Это я понимаю!.. А насчетъ невѣсты — не безпокойся... Въ два счета отыщемъ... Ать-два!.. Ясно, какъ кофе... Отыщемъ, какъ пить дать!.. Не булавка чай!.. Не пропадетъ!.. Ручаюсь!.. Клянусь тебѣ моей честью!..

— Нѣтъ, Ростиславъ!—отвѣчалъ я мрачнымъ тономъ. — Все пропало!.. Нѣтъ никакой надежды!..

— Вздоръ!.. Не унывай, князь!.. Бывало и хуже!.. Ну, какъ можетъ она исчезнуть?.. Ты только сообрази?.. Существуетъ гдѣ нибудь,

возможно даже по близости и тебя поджидаетъ... Мы и нагрянемъ... Цапъ-царапъ и изловимъ бѣглянку!.. Пожалуйте, мадемуазель, бриться!.. Да прямымъ маршемъ и подъ вѣнецъ... Принципіально!.. Ежели желаешь, могу даже шаферомъ быть?.. У меня, братъ, и смокингъ завелся, и штиблеты есть лаковые, и манишка съ пластрономъ... Честь-честью!.. Полный фасонъ!..

Я молчалъ.

— Гопъ, куме, не журысь!..— продолжалъ Лебединцевъ.— Все образуется!... Или ты мнѣ не вѣришь?.. Мнѣ, полковнику императорской арміи и кавалеру золотого оружія?.. Да я, братъ, насчетъ развѣдки собаку, можно сказать, съѣлъ!.. Бывало, командовалъ эскадрономъ на фронтѣ, чуть что — кому поручить отвѣтственную задачу?.. По развѣдкѣ?.. По охраненію фланга?.. По фланкировкѣ съ фуражировкой?.. Командиру пятаго эскадрона ротмистру Лебединцеву... Тенъ панъ може!.. Начдивъ выражаетъ особую благодарность... Комкоръ отмѣчаетъ въ приказѣ... Командармъ помѣщаетъ въ армейской сводкѣ, для примѣра другимъ... Вотъ какъ!

— На войнѣ это другое дѣло! — замѣтилъ я. — А здѣсь — все пропало!

— Ха-ха-ха-ха! — захохоталъ Лебединцевъ. — Вотъ такъ штука!.. Да что ты, въ самомъ дѣлѣ рехнулся?.. Ничего не пропало!.. Какая разница?.. Положись на меня... Отыщу я тебѣ ее хоть на днѣ морскомъ... Ну, хочешь побъемся объ закладъ?.. На двѣнадцать флаконовъ?.. Идетъ?.. Съ завтрашняго дня примемся вмѣстѣ за дѣло... Идетъ?... Ты только вызови меня по телефону... Пасси... № 00-666... Звѣриное число... Будешь помнить?.. № 00-666... Запиши-ка, на всякій случай!..

Я записалъ номеръ и взглянулъ на часы.

— Да ты что, торопишься? — спросилъ Лебединцевъ.— Еще рано... Посидимъ часокъ!.. Ну, и радъ же я тебя видѣть, генералъ-адмиралъ!.. Прямо, какъ сына родного... Голуба!.. Дорогуля моя!.. Вотъ такъ судьба!.. Гдѣ довелось встрѣтиться!.. Ну, посиди, посиди, потолкуемъ... Хочешь, для перемѣны — энъ ку де блянъ?.. Псссть!.. Или усталъ?.. Ну, Богъ съ тобой!.. Ступай спать, а я еще посижу!.. Князь, твое здоровье!..

— Алаверды, Господь съ тобою!..—запѣлъ Лебединцевъ и протянулъ снова стаканъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАЯ.

Мною овладѣло безуміе...

Сто двадцать тысячъ, которыя я выручилъ за брильянтовое колье съ изумрудами, исчезли въ одну недѣлю...

Роковая страсть снова охватила меня. На другой день, я уже сидѣлъ въ клубѣ, бралъ карту за картой, удваивалъ ставки и проигрывалъ одинъ ударъ за другимъ. Уже ничто не могло меня спасти.

Сначала я игралъ по системѣ, если только можно назвать этимъ именемъ ту сложную комбинацію, которую ведетъ каждый игрокъ, чтобы имѣть право похвалить себя при удачѣ и оправдать въ случаѣ проигрыша.

Послѣ этого, я перешелъ на игру безъ всякаго плана, кидая кучи билетовъ на каждую ставку, проигрывая ее съ тѣмъ же успѣхомъ, пока въ моемъ распоряженіи, на седьмой день игры, не осталось пять тысячъ франковъ.

Я бросилъ карты и вышелъ изъ клуба...

Былъ девятый часъ вечера... Городъ уже кипѣлъ ночной жизнью, сверкалъ огненными глазами, транспарантами и свѣтовыми рекламами, на подобіе таинственнаго чудовища, славшаго шифрованныя депеши въ Пространство...

Дома меня ожидалъ графъ Шамборъ.

— Монъ вье! — привѣтствовалъ меня графъ. — Очень радъ тебя видѣть! Графиня шлетъ свой привѣтъ!

— Однако ты недурно устроился? — замѣтилъ графъ. — Стиль!.. Подборъ красокъ!.. Совсѣмъ комильфо!.. У тебя вкусъ, мой старикъ!.. У васъ, русскихъ варваровъ, это встрѣчается не такъ часто!.. Diable m'emporte!.. Совсѣмъ въ моемъ духѣ!..

Графъ закурилъ сигарету, прошелся по комнатѣ, заглянулъ въ спальню. Онъ вышелъ оттуда на ципочкахъ, лукаво подмигнулъ глазомъ и сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ.

— Однако, куда же мы ѣдемъ? — спросилъ графъ, остановившись передъ «Одалиской въ сералѣ» и разглядывая ее въ монокль. — Сегодня ты въ моемъ распоряженіи... Гмъ-гмъ... Линіи безупречны!.. Гармонія!.. Чистота!.. Я покажу тебѣ весь Парижъ... Tout Paris?..

— Tout Paris! — повторилъ онъ съ шаловливымъ смѣхомъ, повернувшись ко мнѣ и снова вскинувъ монокль.

Мнѣ было не до веселья.

Но я не могъ оставаться одинъ. Я не заставилъ себя упрашивать и мы вышли на улицу...

Послѣ ужина у Пайара, провели полчаса на премьерѣ въ «Folies Bergère», прибывъ къ концу обозрѣнія. Затѣмъ, посѣтивъ рядъ кабачковъ на Монмартрѣ, взяли такси и поѣхали на улицу Байрона...

Танцы были въ разгарѣ.

Въ небольшой, освѣщенной матовымъ полусвѣтомъ залѣ, было жарко и душно... Десятокъ совершенно обнаженныхъ мужчинъ и женщинъ, въ бархатныхъ полумаскахъ, съ вѣнками изъ алаго мака и розъ, кружились въ

оргіастическомъ хороводѣ, сплетались между собой, извивались въ сладострастныхъ тѣлодвиженіяхъ... Звенѣли стаканы, звучалъ смѣхъ и мелодія восточнаго танца... Ароматъ острыхъ духовъ и женскаго тѣла раздражалъ чувственность...

Въ глубинѣ ложъ, въ такихъ же бархатныхъ полумаскахъ, сидѣли декольтированныя дамы и кавалеры во фракахъ... Одни сидѣли вдвоемъ, другіе въ составѣ цѣлаго общества, третьи въ полномъ уединеніи... Маленькій негръ, въ турецкомъ костюмѣ, въ коротенькой, расшитой золотомъ курткѣ, съ красной феской на головѣ, бѣгалъ отъ ложъ къ танцующимъ и разносилъ записки... Время отъ времени, въ одной изъ ложъ гасъ электрическій свѣтъ и тяжелый шелковый занавѣсъ задвигался съ обѣихъ сторонъ...

Было поздно, когда мы вышли на улицу.

Черныя глазницы домовъ смотрѣли безжизненно и сурово. Ползъ голубоватый разсвѣтъ. Гдѣ-то, далеко, въ районѣ Центральныхъ Базаровъ, грохотали утреннія подводы...

— Э бьенъ, монъ шеръ! — произнесъ усталымъ голосомъ графъ, протягивая мнѣ руку. — Считай половину за мной!.. Однако, ты щедръ!.. Какъ индійскій раджа!.. Наслѣдство получилъ?.. Или, можетъ быть, сорвалъ рулетку?.. Во всякомъ случаѣ, благодарю за компанію!.. О ревуаръ, монъ вье!..

Онъ сдѣлалъ мнѣ на прощанье рукой и вскорѣ исчезъ за угломъ...

Въ моемъ бумажникѣ оставалась тысяча франковъ...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМАЯ.

Былъ тихій, ясный ноябрьскій день.

Одинъ изъ тѣхъ дней, когда золотой багрянецъ осени кладетъ на городъ особенный отпечатокъ, а аллеи Булонскаго Лѣса полны нѣжнаго, грустнаго очарованія.

Я стоялъ въ кабинетѣ и глядѣлъ въ окно.

Передо мною разстилался Парижъ, яркій, сверкающій, неугомонный, пронизанный мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ, напоенный свойственнымъ ему одному ароматомъ, глухо рокочущій тысячами самыхъ разнообразныхъ звуковъ, на подобіе изумительнаго оркестра.

Стальная петля рѣки, съ перекинутыми черезъ нее двадцатью шестью мостами, перерѣзала городъ на двѣ почти равныя части. Сѣрый камень домовъ, зелень бульваровъ, безконечныя стрѣлы проспектовъ и улицъ, тянулись до самаго горизонта и исчезали въ сизомъ туманѣ.

Слѣва, надъ деревьями парка Монсо, далеко, на Монмартрскомъ холмѣ, точно индійская пагода, сверкало серебро Sacré Coeur...

Справа, за Трокадеро, на противоположномъ берегу рѣки, какъ чудовищный гвоздь, тянулось къ небу желѣзное кружево Башни...

Въ такой день одиночество чувствуется съ особою силой. Сердце терзаетъ мучитель-

ная тоска. Встрѣчи, видѣнья, воспоминанія проходятъ безконечною чередою. Яркія тѣни былого воскресаютъ въ опустошенной душѣ...

Счастье, какъ призракъ, какъ фантастическій сонъ, который снится одинъ разъ въ жизни... Сказка окончилась и никогда больше не повторится!..

„Павлины, бѣлые павлины, мои томительные сны,
Уплыли плавно въ глубь глухую,
Гдѣ дремлетъ тусклая вода!“

Я отошелъ отъ окна, машинально одѣлся, машинальнымъ движеніемъ взялъ въ руки трость и вышелъ.

На лѣстницѣ встрѣтился съ Лебединцевымъ.

— Здравствуй, князь!.. А я, братъ, къ тебѣ!.. Ну, какъ живешь?.. Все скучаешь?.. Все въ меланхоліи обрѣтаешься? — произнесъ полковникъ, взглянувъ на меня.—Не одобряю!.. Нехорошо, мой другъ!.. Прямо больно смотрѣть!.. Да выпей ты сучьяго молока!.. Рекомендую!.. Какъ рукой всю тоску сниметъ!..

Полковникъ хлопнулъ меня по плечу:

— Ну, желаешь, прокачу на машинѣ?.. Куда хочешь?.. Въ Сенъ-Клу, въ Версаль, въ Мальмезонъ?..

Я молчалъ.

Лебединцевъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Куда?.. Къ чорту, къ дьяволу, къ сатанѣ на рога!—воскликнулъ я съ нервнымъ смѣхомъ. — Вези куда хочешь... Мнѣ все равно!

— Чудакъ-человѣкъ! — проговорилъ полковникъ. — Не понимаю я тебя, князь... Ну, можно-ли такъ убиваться?.. Изъ за кого?.. Изъ за какой-то дѣвчонки... Да мало-ли ихъ на свѣтѣ?.. Черныя, бѣлыя, рыжія... Худенькія и

полненькія... Одна получше, другая похуже, а результатъ одинъ... Выбирай любую... Только помани пальцемъ — сразу на шею кинется... Принципіально!.. Врэманъ!.. Мало одной—бери сразу трехъ... Мало трехъ—бери дюжину... У насъ въ Парижѣ этого добра сколько хочешь!.. На любой вкусъ!.. Ну, желаешь, познакомлю тебя съ Альфонсиной?.. Роскошная женщина!.. Обалдѣть можно!..

— Ростиславъ, не говори вздора! — сухо отвѣтилъ я.—Ты меня оскорбляешь!

— Ха-ха-ха-ха! — расхохотался полковникъ. — Скажи пожалуйста?.. Обидѣлся?.. Ну, не сердись, не сердись, голубецъ!.. Садись же... Ужъ я тебя прокачу на совѣсть... Только держись!..

Такси зафыркалъ и тронулся.

Мы выѣхали изъ города, миновали Сенъ-Клу и помчались по версальской дорогѣ. Лебединцевъ, въ кожаной курткѣ, въ рукавицахъ и въ кепкѣ, сидѣлъ на рулѣ, гоня полнымъ ходомъ машину, искусно, съ какимъ-то особымъ ухарствомъ, объѣзжая и обгоняя встрѣчавшихся на пути.

Проѣхавъ не болѣе десяти километровъ, Лебединцевъ повернулъ круто направо, по сравнительно неширокой дорогѣ, утопавшей въ блекломъ золотѣ липъ и каштановъ.

— Вниманіе!—произнесъ неожиданно полковникъ.—Я покажу тебѣ Saint Cucufa!.. Ты вѣдь поэтъ!.. Изумительное произведеніе искусства!.. Обалдѣть можно!..

Неизвѣстно сколько времени продолжалась бы эта ѣзда, еслибы совершенно внезапно, подобно удару шестидюймовки изъ носовой башни, не раздался оглушительный трескъ и машина не остановилась.

Лебединцевъ быстро соскочилъ на дорогу.

— Мове!.. Шлехтъ-папиръ!—сконфуженно произнесъ полковникъ. — Ахъ, елки-палки!.. Камера треснула!.. Придется съ часокъ повозиться... Нечего сказать, прокатилъ!.. Сыгралъ, какъ заяцъ на гитарѣ!.. Пардонъ... Извини, ваше сіятельство!..

Лебединцевъ досталъ ключъ и нырнулъ подъ машину.

Я закурилъ папиросу, въ свою очередь слѣзъ и, прохаживаясь медленными шагами, безучастно кидалъ взоры по сторонамъ. Направо тянулась высокая ограда монастыря. Сквозь рѣшетку виднѣлось главное зданіе, въ старомъ романскомъ стилѣ, съ аркадами, коллонадами, съ пристройками изъ сѣраго дикаго камня, съ обширнымъ паркомъ.

У воротъ сидѣла старуха-привратница, въ бѣломъ монашескомъ уборѣ, напоминавшемъ передній парусъ фрегата. Нѣсколько женщинъ, въ темной одеждѣ, строгой походкой прогуливались по тѣнистой аллеѣ.

Было жарко.

На моемъ англійскомъ свитерѣ, на лицѣ, на губахъ лежала тонкая известковая пыль. Я чувствовалъ жажду.

Приподнявъ шляпу, обратился съ просьбой къ привратницѣ. Старуха посмотрѣла на меня съ доброй улыбкой, оглянулась и кликнула:

— Сестра Беатриса!

Молодая монахиня отдѣлилась отъ группы, подошла къ привратницѣ и, черезъ минуту, появилась съ стаканомъ въ рукѣ. Она приблизилась ко мнѣ и, склонивъ голову, протянула стаканъ.

Стаканъ выпалъ изъ моихъ рукъ...

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ.

Мгновенье показалось мнѣ вѣчностью.

Я стоялъ, точно пораженный громовымъ ударомъ, съ дрожащей рукой, съ трясущимися губами... Я шепталъ безсвязныя фразы... Потомъ, кинулся на колѣни и прижался къ ногамъ... Я забился въ конвульсіяхъ, обнималъ складки грубаго платья и чувствовалъ, что на моихъ глазахъ стоятъ слезы...

Не знаю сколько времени я лежалъ, распростертый у ногъ.

Легкое прикосновеніе руки, нѣжный, ласковый, звучавшій, какъ арфа, столь хорошо знакомый мнѣ голосъ, заставили меня очнуться:

— Милый!.. Встань!..

Я приподнялся и молча смотрѣлъ на Барбъ, которая въ своемъ темномъ монашескомъ платьѣ была прекраснѣе, чѣмъ когда-либо. Что-то новое, неземное и невыразимое, какъ лазурь райскаго небосвода, сіяло въ ея большихъ синихъ глазахъ. На матовомъ, слегка похудѣвшемъ лицѣ, отражалась печать пережитыхъ страданій.

Въ эту минуту, она напоминала мнѣ Святую Дѣву, сошедшую съ полотна Корреджіо или самого Рафаэля...

— Жанъ!—тихо проговорила Барбъ.—Творецъ услышалъ мои молитвы... Онъ вернулъ тебя невредимымъ... Теперь я спокойна...

Сердце мое задрожало. Непередаваемое волненіе овладѣло мной. Я сдѣлалъ попытку схватить Барбъ въ объятья, но она отстранила меня рукой:

— Жанъ, не надо этого дѣлать... Я не принадлежу больше тебѣ!..

Въ изумленіи я взглянулъ на нее. Радость, горечь, отчаяніе, цѣлый клубокъ охватившихъ меня самыхъ разнообразныхъ чувствъ, прорвался наружу:

— Барбъ! — вскричалъ я. — Что ты мнѣ говоришь?.. Я не отдамъ тебя никому!.. Я отыскалъ тебя и ты снова станешь моею!

Грустная улыбка озарила ея лицо:

— Милый!.. Любимый мой!.. Я посвятила себя Богу!..

— Барбъ! — вскрикнулъ я съ новой силой, чувствуя, какъ отлетаетъ послѣдняя моя надежда. — Это безуміе!.. Ты моя!.. Иди же ко мнѣ!.. Ты оставишь эту могилу!.. Иди же, пока еще не поздно!..

И я схватилъ ее за руку.

— Поздно! — прошептала Барбъ, низко склонивъ свою маленькую головку.—Поздно! — повторила она, тихимъ движеніемъ освобождая руку. — Я остаюсь здѣсь... Это воля Всевышняго... Прощай!..

Она медленно повернулась и пошла по усыпанной гравіемъ дорожкѣ. Нѣсколько женщинъ, въ монашескомъ одѣяніи, присоединились къ ней, дошли до угла и скрылись за поворотомъ.

Въ высокой монастырской башнѣ раздались звуки колокола. Онъ призывалъ къ молитвѣ.

И словно похоронный аккордъ, исполняемый стройными женскими голосами, въ вечернемъ воздухѣ задрожала „Ave Maria“.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

Минута или часъ или, можетъ быть, цѣлая вѣчность, отдѣляютъ этотъ моментъ отъ дальнѣйшаго..

Возлѣ меня стоялъ Лебединцевъ...

Потомъ, мы возвращались въ Парижъ...

Полковникъ въ радостномъ возбужденіи, гналъ полнымъ ходомъ машину и кричалъ:

— Тысяча бомбъ и одна разрывная граната!.. Ну, что, кто былъ правъ?.. Эхъ ты, Фома невѣрный!.. Дитя неразумное!.. Сикамбръ несчастный!.. Говорилъ тебѣ, что отыщемъ и отыскали!.. На днѣ морскомъ отыщу!.. Я, братъ, на развѣдкѣ собаку съѣлъ...

Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ и молчалъ.

Тысячи мыслей роились въ моей головѣ и среди нихъ одна, совершенно ясная и опредѣленная, могучая своей прямолинейной законченностью, затмевала всѣ остальныя...

— Жребій брошенъ!..

Рокъ поставилъ свою послѣднюю точку... Все то, во что я вѣрилъ, на что надѣялся, въ глубинѣ души, все что еще привязывало меня къ жизни, рухнуло въ одно мгновенье... Конецъ!.. Холодъ отчаянія наполнилъ мое сознаніе... Безъисходная горечь овладѣла всѣмъ существомъ...

О, теперь исчезли всѣ колебанія!

— Барбъ, я прощаю тебя!.. Но и ты простишь мнѣ мой шагъ, который положитъ предѣлъ моимъ испытаніямъ и перенесетъ меня въ Безконечность!..

— Навѣки, навѣки!..

Нервы мои не выдержали и я зарыдалъ... Зарыдалъ, какъ ребенокъ, у котораго отняли дорогую игрушку, какъ дѣвушка въ припадкѣ сердечной тоски, какъ слабая, беззащитная женщина, надъ гробомъ любимаго человѣка...

— Ха-ха-ха-ха! — захохоталъ Лебединцевъ. — Опять ударился въ меланхолію!.. Какого же тебѣ рожна нужно, хотѣлъ бы я знать? Корабля съ мачтой?.. Отыскать — отыскали!.. Да еще какъ?.. Въ два счета, можно сказать... Типъ-топъ!.. Ты долженъ плясать отъ радости, а не сырость на лицѣ разводить... Однако, дюжина за тобой!.. Проигралъ, братъ, ничего не подѣлаешь!.. Выставляй-ка флаконы!..

— Гопъ, куме, не журысь! — продолжалъ полковникъ. — Все образуется!.. Главное дѣло — отыскали дѣвченку... Жива, невредима и въ добромъ здравіи обрѣтается... А что монашкою стала — это совершенные пустяки!.. Теперь дай только срокъ... Пусть посидитъ въ куванѣ, за насъ грѣшныхъ помолится, всѣ прегрѣшенія наши очиститъ передъ престоломъ Всевышняго... Пройдетъ недѣля-другая и даю тебѣ слово — прискачетъ!.. Я-ли не знаю женщинъ?.. Всѣ онѣ одинаковы!.. Всѣ однимъ мvромъ мазаны, кругомъ шестнадцать!.. Пароль д'оннеръ!.. Клянусь тебѣ моей честью!..

Лебединцевъ снова повернулся ко мнѣ.

Но онъ не успѣлъ произнести ни единаго звука. Фраза застыла у него на губахъ.

Гудокъ, рѣзкій и пронзительный, какъ труба архангела Гавріила въ послѣдній часъ, раздался подъ самымъ ухомъ. Гоночный авто-

мобиль, — стальное торпедо — мчавшійся со скоростью ста семидесяти пяти километровъ, пересѣкалъ подъ прямымъ угломъ путь. Онъ выросъ, какъ чудовищная, темная масса, съ двумя страшными, слѣпящими, огненными глазами...

Онъ находился въ пяти шагахъ...

Это произошло такъ внезапно, такъ неожиданнно и мгновенно, точно ударъ мины Уайтхеда въ бортъ линейнаго корабля...

Лебединцевъ вскрикнулъ отъ ужаса и вцѣпился въ мое плечо. Я невольно зажмурилъ глаза...

. . . .

ЭПИЛОГЪ.

Проснулся я внезапно и въ тревогѣ...

Монсиньоръ Бенвенуто стоялъ передо мной, перебиралъ четки и беззвучно смѣялся.

— Вставайте, сынъ мой! — произнесъ онъ. — Мы ждемъ васъ уже цѣлый часъ!.. Se non e vero, e ben trovato!.. Credo, quia absurdum est!.. О, волшебный міръ сновидѣній!..

Я оставался лежать въ лонгшезѣ.

— Но что я вижу? — продолжалъ монсиньоръ. — На глазахъ вашихъ слезы?.. Вы плакали, князь?..

Монсиньоръ прикоснулся къ моему плечу:

— Да, ну же, приподымайтесь, лѣнивецъ!.. Не заставляйте себя ожидать!.. Капитанъ Дюмонъ и мистеръ Смитъ уже давно ждутъ васъ въ каютѣ!.. Не слѣдуетъ терять драгоцѣннаго времени!.. Однако, къ намъ направляется миссъ Барбъ, ваша очаровательная невѣста... Тсссъ!.. Я покидаю васъ, сынъ мой!.. Смотрите же, не задерживайтесь, да хранитъ васъ Святая Дѣва...

Въ бѣломъ бальномъ костюмѣ, слегка подвитая, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, благоухающая и свѣжая, какъ бѣлый цвѣтокъ жасмина, передо мною стояла Барбъ.

Съ изумленной улыбкой она глядѣла на меня, обмахивалась вѣеромъ и прикасалась имъ къ моему лицу:

— Жанъ!.. Милый!.. Что съ тобой?..

Я очнулся.

— Однако, надѣнь же смокингъ!—сказала Барбъ.—Сейчасъ начинаются танцы!.. А первый туръ ты обѣщаешь мнѣ!.. Не правда-ли?..

Виляя хвостомъ, подбѣжалъ Медоръ. Приподнявшись на заднихъ ногахъ, онъ положилъ мнѣ лапы на плечи и лизнулъ прямо въ лицо. Я полѣзъ въ карманъ за платкомъ, нащупалъ случайно деньги, оглянулся по сторонамъ и понялъ все...

„Ты помнишь: мачты сонныя, какъ въ пристаняхъ Лорэна,
Взносились изъ туманности рѣчной голубизны,
Къ эфирной осіянности, гдѣ лунная Сирена
Качала сребролонные, нѣмѣющіе сны?..“

Я понялъ все...

Лицо мое растянулось въ улыбку... Она становилась шире, шире и шире... Я посмотрѣлъ на Барбъ и... разсмѣялся.

О, какой это былъ чистый, звонкій, искренній смѣхъ!..

Барбъ обхватила мою шею руками, прильнула къ устамъ, обожгла ихъ своимъ затемняющимъ сознаніе поцѣлуемъ... Медоръ завизжалъ отъ восторга, оглядѣлъ насъ сочувственнымъ взглядомъ и, съ большой деликатностью, отвернулся...

Тихо струилась ночь.

Океанъ пѣлъ неумолчную пѣсню.

А надъ верхушкой гротъ-мачты, словно щитъ, прибитый брильянтовыми гвоздями, сверкалъ Южный Крестъ...

Спускаясь внизъ, я бросилъ на море прощальный взглядъ.

Въ этомъ взглядѣ не было ни сожалѣнія, ни печали, а только мысль, сладкая, какъ шопотъ цвѣтовъ, какъ вздохъ влюбленнаго вѣтра, какъ сонъ въ лѣтнюю ночь.

И я прошепталъ:

— Прощай, волшебный Островъ Жасминовъ!

КОНЕЦЪ.

Того же автора:

1. **Императорскіе фазаны.** Разсказы. Распродано.
2. **Золотые воробьи.** Скитанія.
3. **Орхидея.** Тропическія рифмы.
4. **Легкая кавалерія.** Разсказы.
5. **Китайскія тѣни.** Романъ. Книга первая.
6. **Островъ Жасминовъ.** Романъ. Книга вторая.
7. **Парижскія ночи.** Романъ. Книга третья. Въ печати.
8. **Красный хороводъ.** Повѣсть. Въ печати.
9. **Интермеццо у моря.** Эскизы. Въ печати.
10. **Гусарскія сказки.** Разсказы. Въ печати.
11. **Эдемъ.** Повѣсть. Въ печати.
12. **Романъ Царевича.** Приморскій романъ. Въ печати.